

Санкт-Петербургский научно-культурный центр по исследованию
истории и культуры скандинавских стран и Финляндии
Кафедра истории Нового и Новейшего времени
исторического факультета
Санкт-Петербургского государственного университета
Русская христианская гуманитарная академия

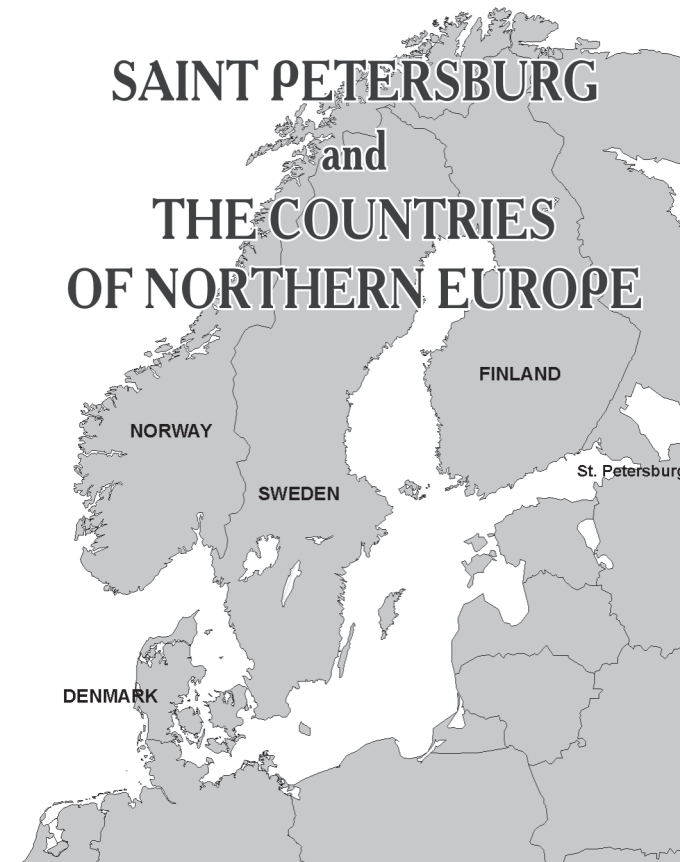

*Материалы Девятой ежегодной
международной научной конференции*

Санкт-Петербург
2008

St. Petersburg Scandinavian Center
Saint Petersburg State University,
Department of History
The Russian Christian Academy for the Humanities

*Proceedings of the 9th Annual International
Scientific Conference*

Saint-Petersburg
2008

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук, профессор *В. Н. Барышников*
(ответственный редактор);

д-р ист. наук, профессор *Н. И. Барышников*;
Т. Н. Гордецкая;

д-р ист. наук, профессор *А. П. Кротов*;

канд. ист. наук *К. Е. Нетужилов*;

канд. филос. наук *Т. Ф. Фадеева*;

д-р филос. наук *Д. В. Шмонин*

Рецензенты:

канд. ист. наук, доцент *Б. П. Заостровцев*
(Высшая религиозно-философская школа);

канд. ист. наук, доцент *А. В. Лихоманов*
(Российская Национальная библиотека);

канд. ист. наук, *А. И. Терюков*
(Музей антропологии и этнографии РАН)

Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы Девятой ежегодной международной научной конференции (10–11 апреля 2007 г.) / Под ред. В. Н. Барышникова, П. А. Кротова. СПб.: РХГА, 2008. — 319 с.

ISBN 978-5-88812-355-3

Сборник содержит научные статьи, подготовленные на основе материалов докладов Девятой ежегодной международной научной конференции «Санкт-Петербург и страны Северной Европы».

Книга рассчитана на всех, кто интересуется проблемами отношений Санкт-Петербурга со странами Северной Европы.

ISBN 978-5-88812-355-3

- © Коллектив авторов, 2008
- © В. Н. Барышников, П. А. Кротов, составление, 2008
- © Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2008

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сборник содержит научные статьи, подготовленные на основе материалов докладов Девятой ежегодной международной научной конференции «Санкт-Петербург и страны Северной Европы».

Конференция была организована под эгидой Санкт-Петербургского научно-культурного центра по исследованию и культуре скандинавских стран и Финляндии кафедрой истории Нового и Новейшего времени исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, Русской христианской гуманитарной академии (РХГА), а также Российской Национальной библиотекой. Кроме того, определенную поддержку осуществил Комитет по внешним связям Правительства Санкт-Петербурга.

Конференция проходила с 10 по 11 апреля 2007 г. с участием историков, филологов, этнографов, искусствоведов, музееведов и культурологов, которые ведут исследования в рамках изучения Санкт-Петербурга и Северо-Западного региона. Материалы предыдущих конференций были опубликованы в сборнике «Петербургские чтения 98–99», а также в последующих изданиях, вышедших под названием «Санкт-Петербург и страны Северной Европы»¹.

Традиционно на конференции принимали активное участие ученые РХГА, члены профессорско-преподавательского состава исторического факультета и факультета международных отношений СПбГУ, а также научные сотрудники Российской Академии наук, ряда музеев и архивов. Зарубежными участниками конференции были историки из Финляндии, Швеции и Великобритании.

¹ Петербург и страны Северной Европы // Петербургские чтения 98—99. Материалы Энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург—2003». СПб., 1999. С. 431—490; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы ежегодной научной конференции. СПб., 2001; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы ежегодной научной конференции. СПб., 2002; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы четвертой ежегодной научной конференции. СПб., 2003; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы пятой ежегодной научной конференции. СПб., 2004; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы шестой ежегодной научной конференции. СПб., 2005; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы седьмой ежегодной научной конференции. СПб., 2006; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы восьмой ежегодной международной научной конференции. СПб., 2007.

PREFACE

The collection contains scientific articles prepared on the base of reports' materials of the Eighth Annual International Scientific Conference "Saint Petersburg and Northern European countries".

The conference was organised by St.Petersburg Center for Research and Culture Of Scandinavia and Finland, the Modern history department of the Historical faculty of the St.Petersburg State University, Russian Christian Academy for Humanities (RCHGA) and the Institute of Finland in St. Petersburg. The Historical-ethnographic museum-reserve "Yalkala" took part in organising the conference too.

The conference was held 10—11 April 2007. Historians, philologists, ethnographers, researchers of art and museums, culturologists, who make their research work in studying Petersburg and North-West region, participated in it. The materials of previous conferences were published in volume "Petersburg readings 98—99" and further editions called "Saint Petersburg and North European countries"¹.

According to tradition scientists from RCHGA, many teachers and professors from historical, philological faculties of the State University, also research workers of the Academy of Science, some

museums and archives took part in the conference. Foreign participants of the conference were historians from Sweden, Finland and Great Britain.

¹ Petersburg and North European countries // Petersburg readings 98–99. The Proceedings of Enciclopedia's library "Saint Petersburg–2003". SPb., 1999. P. 431–490; Saint Petersburg and North European countries. The Proceedings of the Annual Scientific Conference. SPb., 2001; Saint Petersburg and North European countries. The Proceedings of the Annual Scientific Conference. SPb., 2002; Saint Petersburg and North European countries. The Proceedings on the Fourth Annual Scientific Conference. SPb., 2003; Saint Petersburg and North European countries. The Proceedings of the Fifth Annual Scientific Conference. SPb., 2004; Saint Petersburg and North European countries. The Proceedings of the Fifth Annual Scientific Conference. SPb., 2005. The Proceedings on the Sixth Annual Scientific Conference. SPb., 2005; Saint Petersburg and North European countries. The Proceedings of the Seventh Annual Scientific Conference. SPb., 2006; Saint Petersburg and North European countries. The Proceedings of the Eighth Annual International Scientific Conference. SPb., 2007.

ЛЮДИ И СОБЫТИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИСТОРИИ

К. С. Плохова

**«ТРИНАДЦАТЬ ДНЕЙ, ИЛИ ФИНЛЯНДИЯ»:
РУССКИЙ АРИСТОКРАТ П. Г. ГАГАРИН
О ФИНЛЯНДИИ (1809)**

Сочинение «Тринадцать дней, или Финляндия», написанное князем Павлом Гавриловичем Гагариным в 1809 г., представляет собой несомненный интерес для исследователя истории Великого княжества Финляндского, поскольку является литературным сочинением, посвященным описанию Финляндии начала XIX в. и содержит свидетельства о ходе путешествия Александра I по Финляндии, в том числе о Боргосском сейме и о принятии императором финляндской депутации в 1809 г.

П. Г. Гагарин родился в Петербурге в 1777 г. Его отец состоял в родстве с князьями Куракиными и Нарышкиными и был двоюродным племянником Паниных. Павел Гагарин с трех лет был записан на военную службу. В 1800 г. он женился на фаворитке Павла I Анне Петровне Лопухиной, что сильно способствовало его карьерному возвышению, но через 5 лет он овдовел. В отставку князь П. Г. Гагарин вышел в 1814 г. в чине генерал-майора.

По долгу службы длительное время Павел Гаврилович пребывал за границей. В начале царствования Александра I он был посланником при Сардинском дворе (до 1802 г.), в 1808 г. сопровождал императора на Эрфуртский конгресс, а в 1809 г. — в Финляндию. Эта поездка и описана в его книге.

Сочинение было издано на французском и русском языках в том же 1809 г., причем оба издания вышли анонимно. Ав-

торство П. Г. Гагарина было установлено известным библиографом конца XIX — начала XX в. И. А. Бычковым. Нужно упомянуть, что князь имел пристрастие к литературным изысканиям, и этот опыт отнюдь не был первым: Гагарин переводил с французского, писал стихи, которые печатались в журналах.

«Тринадцать дней, или Финляндия» — это сочинение в форме путевого дневника, который вел П. Г. Гагарин, сопровождая в поездке Александра I. Книга состоит из двух частей и приложений в виде карт и таблиц. Первая часть представлена в виде ежедневных дневниковых записей и охватывает события с 12 по 24 марта 1809 г. (по старому стилю). Вторая часть — «Сбор из книг», как называет ее сам Гагарин, представляет собой выписки автора о Финляндии в двух частях: «моральный» и «физический» взгляд на Финляндию. Труд П. Г. Гагарина наполнен точными наблюдениями и содержит важные свидетельства и серьезные выводы.

Обратимся к сочинению князя Гагарина как к историческому источнику. Первая часть, имеющая заглавие «Чувствования, или путешествие», содержит достаточно подробные ежедневные записи о событиях, имевших место в период пребывания императора в Великом княжестве Финляндском. Она включает в себя тринадцать подневных записей, в каждой из которых зафиксированы место написания, погодные условия, в некоторых указано время и кратко описаны упомянутые в самой заметке события.

Дневниковые записи дают достаточно подробное представление о ходе путешествия по Финляндии, церемониале во время прибытия Александра I в княжество и о финляндских землях. Так, например, во второй записи от 13 марта интерес представляет описание пересечения границы: «Здесь, где Россия, я вижу деревянную кордегардию с аркадами и с некоторой архитектурной роскошью, выкрашенную белой, черной и оранжевой красками: это граница сильного государства. Там, где была Швеция, усматриваю другую заставу, похожую на аренду: в ней все красно, и сама она выкрашена красным цветом»¹.

В этом отрывке Гагарин намеренно акцентирует внимание, во-первых, на том, что принадлежность этих земель Швеции

уже в прошлом, во-вторых, что эта принадлежность носила временный характер, т. е. подспудно говорит о неизбежности перехода земель к «сильному государству» — Российской империи. В-третьих, делает акцент на цветовой характеристике заставы, т.е. подталкивает к видению «красной» Швеции в качестве агрессивной стороны.

Также автор приводит наблюдения о быте местного населения и пространные географические описания увиденных им земель, подчеркивая унылость зимнего пейзажа: «Плачевный сей вид, соединенный с кровавыми воспоминаниями, заставляет уголок сей Финляндии принимать за пространное кладбище, приявшее в себе жертвы честолюбия»². Однако, «чем далее едешь берегом к Або, тем страна становится живописнее»³.

Значительную и наиболее значимую часть дневника занимают описания сейма в Борго, церемонии принесения присяги финляндскими депутатами Александру I, посещения им г. Або, крепости Свеабург, которую, по словам Гагарина, «шведские львы произвели для Российских Орлов»⁴, а также многочисленных обедов и балов, данных императором.

Вот как происходило принесение присяги Александру I: «Император... выступил из своей квартиры и шел пешком в церковь между рядов войска, отдававшего ему ружьем и музыкой честь. В церкви принят он был депутатами... и чиновниками Финляндии. По занятии им трона подходили к нему от всех классов ораторы и делали ему поздравления. Потом Канцлер Герцогства, взошед на ступени, призывал каждый класс к учинению Герцогу Финляндии перед лицом алтаря и трона присяги. Прежде всех подошло дворянство, подняло правую свою руку и повторяло за канцлером слова присяги; благонадежный Дворянства тон доказывал, что честь напрасно не клянется. Потом давали присягу духовные, адвокаты, торговцы и прочие, и потом крестьяне. После чего Финляндский герцог выступил на середину церкви и провозгласил постановление в Финляндию нового герцога»⁵.

Подобные свидетельства являются ключевыми и наиболее ценными и носят весьма детальный характер. Автор тщательнейшим образом описывает все: от хода церемонии и переме-

щений императора до дамских нарядов и лиц присутствующих. Значительную роль играют и описания самого императора. Так, о прибытии Александра I в Борго Гагарин пишет следующее: «Он показался верхом и блистал молодыми годами своими и благостью. Народ судил о нем по виду его и долженствовал быть им прельщен»⁶. А во время открытия депутации 16 марта, по словам Павла Гагарина, «Александр был Красивейший Император; но по произнесении им многих с благосклонностью речей признан он стал Милосердным»⁷.

В «Сборе из книг»⁸ — второй части сочинения представлены «два взгляда» на княжество. В разделе «Моральный взгляд на Финляндию»⁹ кратко описан язык финнов, их мифология и быт. Примечателен вывод, приведенный Гагариным: «Ничто не привязывает их (финнов. — К. П.) к шведам, и даже язык шведский столько же им чужд, сколько и русский. Но Россия, столица которой к ним ближе, имеет более средств содержать их в лучшем положении и дружелюбии с собою»¹⁰. «Физический взгляд»¹¹ отражает географические знания о Финляндии. Гагарин приводит выписку: «Сия провинция... гораздо плодотворнее, нежели бы, по близости ее к северу, полагать можно было»¹². В приложениях содержатся две карты и упорядоченная информация о финляндских областях, их расположении, площади, населении, описании городов и ценности земель. Следующие сведения, например, приведены о Гельсингфорсе, будущей столице Великого княжества: «Гельсингфорс — торговый город, стоящий на приятном местоположении и в плодотворном полуострове: хорошая пристань; жителей от 3 до 4000, в окрестностях многие черепичные заводы и проч. Также сеют табак»¹³. Про Або читаем: «Столица Финляндии, место пребывания епископа, имеет также экономическое общество и Университет, основанный в 1640 г. королевой Христиной, хотя находится в северном климате и имеет весьма слабые средства, однако трудами своими приобрел отличное уважение. Жителей 12 000. Верфи, сахарные заводы, мануфактуры шерстяные, шелковые и прочие. Довольно знатный торг»¹⁴. Источники этой информации автор не приводит. Возможно, что кроме письменных сведений он использовал в том числе и личные впечатления.

Определяя значение этого произведения, нужно учитывать, что большую роль в его оценке играет прежде всего тот факт, что автор использовал записи, составленные во время сопровождения императора Александра I в его путешествии в Финляндию (это была одна из последних обязанностей князя при дворе). Этим обуславливаются и особенности изложения. Необходимо заметить, что до поездки в Финляндию князь П. Г. Гагарин неоднократно был за границей по долгу службы и, несомненно, имел определенный опыт в оценках и анализе событий.

Нельзя забывать и о том, что книга была издана очень быстро, в том же 1809 г. на французском и русском языках, анонимно, и, соответственно, с одобрения цензурного комитета. Обратимся ко времени написания этого сочинения. В 1808—1809 гг. шла русско-шведская война, окончание которой послужило началом нового этапа развития русско-финляндских отношений во всех сферах. В сентябре 1809 г. присоединение Великого княжества Финляндского к Российской империи стало законодательно подтверждено Фридрихсгамским мирным договором. В сочинении князя П. Г. Гагарина описываются события марта 1809 г., важнейшими из которых по праву можно назвать сейм в Борго, принятие императором депутации и принесение новому «Герцогу Финляндии перед лицом алтаря и трона присяги»¹⁵. Уже в марте, по свидетельству князя, Финляндию называют «новой Россией»¹⁶, тогда же рождается подозрение о пропагандистском характере этого сочинения. Издание книги могло преследовать несколько целей. Во-первых, продемонстрировать сам факт наличия императорской власти на территории Финляндии, хотя формально княжество еще принадлежало Швеции, и показать, что Финляндия уже является русским владением. Так, например, автор, описывая крепость Кименгард, сообщает, что это «укрепленное место», где «без пользы хранится в земле миллион рублей», и поясняет: «...ибо приобретение целой Финляндии уничтожило необходимость в сей крепости». Во-вторых, показать благоприятное расположение самих финляндцев по отношению к России (которое отнюдь не являлось повсеместным) и таким образом успокоить общественность, которая неоднозначно относилась к присоединению территории шведской

Финляндии к Российской империи. В-третьих, сообщить о ресурсах Финляндии и, следовательно, о положительных сторонах обладания княжеством, для чего автор делает сообщения о богатствах Финляндии не только в подневных записках, но и выделяет в книге отдельную часть, посвященную «физическому» и «моральному» взглядам на Финляндию, а также помещает карты и подробные таблицы, содержащие описания областей и городов княжества. Это можно рассматривать как своего рода рекламную кампанию начала XIX в., направленную на расширение знаний о Великом княжестве. Она должна была подготовить почву для того, чтобы общество оценило политику России в отношении Финляндии положительно, так же как и сам факт присоединения Великого княжества финляндского к Российской империи.

¹ [Гагарин П. Г.] Тринадцать дней, или Финляндия. М., 1809. С. 10—11.

² Там же. С. 13.

³ Там же. С. 32.

⁴ Там же. С. 22.

⁵ Там же. С. 21—22.

⁶ Там же. С. 16.

⁷ Там же. С. 20.

⁸ Там же. С. 48.

⁹ Там же. С. 49.

¹⁰ Там же. С. 52.

¹¹ Там же. С. 53.

¹² Там же. С. 55.

¹³ Там же. Таблица третья.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 21.

Н. Кент

КАРЛ ЛЮДВИГ ЭНГЕЛЬ И АРХИТЕКТУРА ИМПЕРСКОГО ХЕЛЬСИНКИ

Хельсинки, как многие города Финляндии, в начале XIX в. представлял собой череду деревянных домов и других зданий, постоянно подвергающихся стихии пожаров. Некоторые из подобных деревянных домов можно увидеть в районе Круунунхака, где сохранился «Бюргерский дом», построенный в 1812 г. на улице Крианинкату, 12 (ныне — филиал городского музея). Однако именно разрушительная мощь пожаров обеспечила и перспективу обновления Хельсинки, позволяя застраивать город с широкими улицами, с более крупными домами и более современными условиями.

Поэтому когда в ноябре 1808 г. сильный пожар, обрушившийся на Хельсинки, уничтожил район между северной и южной гаванями, это создало новую благоприятную возможность для перестройки стратегически важного рыбного порта с прилегающими к нему постройками. Первоначально военный офицер Андерс Кокке составил план застройки этого района, основанный на прежней схеме строительства маленького города с небольшими вкраплениями вдоль «рациональных» прямоугольных планшам, столь популярных в Западной Европе и Соединенных Штатах в то время. Но после того как в 1809 г. Финляндия перешла под контроль России, начали рассматривать иной план застройки города, так как Хельсинки становился новой динамичной столицей последнего территориального приобретения Российской империи. Эта идея была, в свою очередь, поддержана русским царем Александром I, издавшим в 1812 г. указ, по которому в Хельсинки перемещалась не только правительственная резиденция, но и предполагалось создание новой столицы. В 1817 г., спустя пять лет, уже под руководством Юхана Альбректа Эренстрема (1762—1847) этот план получил окончательное оформление. Эренстрем был предпринимателем и прожил довольно яркую жизнь, которая была богата и взлетами и падениями. В частности, он побывал даже «в долговой яме» в 1793 г., а позднее был посажен в тюрьму за измену, причем смертный приговор был затем все же отменен. Тем не менее после 1811 г. его положение в Финляндии изменилось, поскольку он был реабилитирован и стал активно участвовать в развитии новой финской столицы.

Если верить поляку Фаддею Булгарину (1789—1859), бывшему солдатом в войну 1808—1809 г. в составе русской армии в Хельсинки, город был ничем не примечателен. Тогда он отметил, что Хельсинки был «одним из небольших и одновременно даже жалких городков Финляндии, представлявший собой почти деревню, с несколькими улицами, выкрашенными в красный цвет деревянными домами, построенными на скалах или в непроходимой грязи».

Если верить поляку Фаддею Булгарину (1789—1859), бывшему солдатом в войну 1808—1809 г. в составе русской армии в Хельсинки, город был ничем не примечателен. Тогда он отметил, что Хельсинки был «одним из небольших и одновременно даже жалких городков Финляндии, представлявший собой почти деревню, с несколькими улицами, выкрашенными в красный цвет деревянными домами, построенными на скалах или в непроходимой грязи».

Решив превратить Хельсинки в парадный столичный город, Александр I назначил для создания нового величественного городского центра одного из своих любимых архитекторов — немца Карла Людвиг Энгеля (1778—1840). Действительно, немецкий архитектор, как ни один другой, оставил свой отпечаток на облике городе, поскольку построил около тридцати общественных зданий и наблюдал за сооружением еще более шестисот объектов.

Энгель впервые приехал в Финляндию в 1814 г., когда занимался планом постройки сахарной фабрики в Турку. Он был буквально подавлен дикостью территории. 1 мая 1816 г. он писал своим родителям из Хельсинки: «Вся Финляндия — это каменная скала... Валуны размером со здание должны быть взорваны там, где предусмотрены новые улицы. Крушение и звон разрушающего камня слышны изо дня в день повсюду, где будет построен новый город». Однако, не предаваясь отчаянию, Энгель увидел уникальную возможность для применения своего таланта и энергично взялся за работу.

Первым поручением царя Энгелю стало восстановление старого дома Бока на юго-восточном углу Сенатской площади, выполненное в 1816—1819 гг. Данное здание было первоначально построено в 1763 г. для купца Густава Бока, но в 1801 г. превратилось в резиденцию окружного судьи Хельсинки. По плану императора, оно должно было стать новой резиденцией генерального губернатора, имперского представителя, проживающего в столице. С этой целью в 1817 г. был надстроен верхний этаж, на котором разместился танцевальный зал и к которому был добавлен балкон для публичных выступлений. Именно отсюда Александр I в один из редких визитов в Хельсинки явился перед собравшейся толпой. Когда он в день своих именин 11 сентября 1818 г. появился на балконе, в обстановке здравиц со стороны народа, новый фасад был украшен небольшим ионическим портиком из четырех свободностоящих колонн, поддерживающих треугольный фронтон, расположенный на двух верхних этажах. Обновленное здание имело также большой сводчатый зал для собраний. Позднее, в 1837 г., здесь разместилась хельсинкская ратуша. Когда же место заседаний городских властей было перенесено в здание высшего общества, освободившиеся помещения стали использоваться муниципальным судом, недалеко от которого, на южной стороне площади, позднее возвели новый магистрат города. В результате дом Бока стал первым среди важных общественных зданий финской столицы.

Тем не менее не столько новая Сенатская площадь, на углу которой было расположено это здание, сколько эспланада — тройной проспект на юго-западе центральной части Хельсинки обеспечивал главную ось, соединяющую новые и старые районы города с востока на запад. Она также служила связующим звеном, объединяющим здания, построенные из разных материалов, поскольку, несмотря на повсеместное тогда каменное строительство, большинство хельсинкских домов, новых и старых, были выстроены из дерева. Гранит, на котором возводился город, не всегда являлся надежной основой для фундаментов. С другой стороны, некоторые дома сооружались не на скальных породах грунта, а на песчаной почве. В результате для строительства постоянно приходилось проводить значительные подготовительные работы. Англичанка Твидди,

хорошо разбиравшаяся в архитектуре города, писала в конце XIX в.: «Город расположен либо на массивных ледниковых скалах, либо на мягком песке, который становился строительной площадкой на территории, отвоеванной у моря. В последнем случае возведение зданий приходилось осуществлять на сваях. Для фундамента подобных строений использовали длинные, около 20 футов, столбы, которые вбивали в землю. Над вбивавшейся сваей устанавливался особый кран с подвешенным на железных цепях большим тяжелым камнем. Человек двадцать стоят вокруг крана и с криком “Разом!” подтягивают камень до верха крана, откуда он падает с огромным грохотом на конец несчастной сваи, загоняемой с каждым последовательным ударом все глубже в землю. Когда все сваи таким образом загнаны в землю с интервалами 4 или 5 футов, то между ними насыпается щебень из грубых фрагментов скалы или камня, а затем все это накрывается досками, на которых и строится сам дом».

Можно сказать, что наиболее важной постройкой Энгеля было строительство в северной части Сенатской площади у улицы Унионинкату, окруженной цинковыми статуями апостолов, лютеранской церкви св. Николая. Оно началось в 1830 г. уже после многолетней подготовки и составления первичных планов. Технология постройки была самой передовой и включала использование особого материала, пригодного для строительства во влажном климате. Сооружение собора было закончено только в 1850 г. в царствование Николая I, но на начальных стадиях строительства Александр I влиял на постройку этого здания.

Будучи законченным, со своим греческим перекрестным планом и двумя примыкающими автономными угловыми капеллами с колокольнями, собор стал настоящей короной над Сенатской площадью, в то время как Унионинкату превратилась в главный проезд в Хельсинки, так же как Невский проспект в Петербурге или Унтер ден Линден в Берлине. И хотя по сравнению с этими улицами Унионинкату была небольшой по размеру, однако имела элегантный и даже парадный вид, представляющий величие своего нового имперского хозяина.

Сенатская площадь, созданная Энгелем на месте, где раньше находились лишь убогие здания, представляла собой главное

общественное пространство столицы — открытую территорию, на которой можно было проводить публичные демонстрации и праздники. Она также была местом расположения Сената. Это здание, на сооружение которого не жалели средств, считалось наиболее значительной светской постройкой в городе. Энгель выбрал для своего первого монументального здания на площади коринфскую колоннаду, самую крупную из классических заказов для украшения фасада здания. Окна хорошо декорированного овального тронного зала, выходящие на Сенатскую площадь, окаймлены несколькими выступающими павильонами по обоим концам здания. Что касается главной части здания, то она представляет собой прямоугольник по форме 276 на 365 футов. Три флигеля с обратной стороны здания меньшей высоты и украшены ионическими колоннадами. Северный флигель начал в 1853 г. возводить уже архитектор Эрнст Лорманн, а закончил К. Р. Бьонберг в 1900 г.

Архитектурный стиль здания Сената восходит к итальянскому архитектору Карлу Росси. При этом, возможно, свою роль сыграли примеры древнегреческой или римской архитектуры, во всяком случае, библиотека, находящаяся в восточной части здания, сооружена на купальнях Диоклетиана. Однако в ходе нового строительства ее не стало. К тому же в 1980-е гг. весь комплекс подвергся полной реставрации.

Другие строительные проекты, заказанные Александром I и выполненные Энгелем, включают: православную церковь Святой Троицы; университет; его библиотеку с храмоподобными читальными залами; военное училище для сирот и здание для собраний. Таким образом, перестройка центра Хельсинки стала главной целью в этом плане у государства. Это потребовало значительных средств из казны, причем окончательным распорядителем ее был сам царь. Тем не менее даже он не имел в своем распоряжении таких непомерных средств, поэтому расходы на строительство в Хельсинки погашались российскими деньгами, хотя, конечно, значительные денежные суммы шли и из Финляндии. Тем не менее к моменту завершения Энгелем работ общая сумма расходов составила 4 229 743 руб. и 91 коп. Эта огромная сумма была взята не только из различных местных налогов, но и из акцизного налога на соль, а также из экспортного налога на деготь для за-

рубежного судостроения. Существенную помощь оказал петербургский государственный ссудный банк.

Строительство в Хельсинки оказалось для некоторых очень выгодным. Так, русская семья Ушаковых обогатилась на производстве строительных материалов. Семья Корастьевых нажила свое состояние, будучи строительными подрядчиками. Всем было ясно, что без благожелательности царя Хельсинки остался бы пыльной деревней на скалистых утесах.

Д. А. Митюрин

ДЖЕЙМС КЕЙТ В КАЧЕСТВЕ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА ФИНЛЯНДИИ

Джеймс (Яков) Кейт (1696—1758) был довольно ярким деятелем из числа наемных военачальников (кондотьеров). Историк М. Бородин отмечает, что «согласно воззрениям своего времени, он служил ради доблести и чести. Став под знамена того или другого государства, он честно обнажал меч в его пользу и безупречно отстаивал его интересы»¹.

В период своего пребывания в Российской империи Кейт руководил крупными военными операциями и занимал высшие административные должности. Его роль в качестве отца-основателя российского масонства, вероятно, позволяла ему влиять на выработку важнейших политических решений.

Хотя полная биография Кейта пока не написана, еще авторы XVIII в. (К. Г. Манштейн и С. С. Даун) достаточно полно осветили прусский период его деятельности. В 1842 г. в Эдинбурге были изданы фрагменты мемуаров Кейта, рассказывающие о событиях в России в 1727—1734 гг. и особенно об обстоятельствах восшествия на престол императрицы Анны Иоанновны.

Участие Кейта в кампаниях против Польши и Турции прослеживается по запискам К. Г. Манштейна и Б. Х. Миниха. Документы Российского государственного архива древних актов и Российского государственного военно-исторического архива позволяют осветить его деятельность в качестве командующего войск на Украине и в Финляндии.

Пребывание Кейта на посту финляндского генерал-губернатора, несмотря на свою кратковременность, представляет интерес как образец типичных для Российской империи методов управления оккупированными территориями. Помимо документов российских архивов при освещении данного периода используются записки пастора Тибурциуса, работы шведского исследователя Н. Тенгберга, финского Р. Даниэльсона, русского М. Бородинкина.

Прежде всего коснемся кратких биографических сведений о Джеймсе Кейте. Он был младшим сыном девятого графа-маршала Шотландии. В юности изучал право в Эдинбургском университете, но в 1715 г. вместе со старшим братом Джорджем примкнул к неудачливому претенденту на британский престол из свергнутой династии Стюартов. После разгрома мятежников эмигрировал во Францию и во время пребывания Петра I в Париже безуспешно пытался поступить на русскую службу. Позже, в испанской армии, стал полковником, но из-за отказа перейти в католичество путь к генеральскому званию ему был закрыт.

Кейт оказался в числе основателей масонского движения. Стремление распространить взгляды «вольных каменщиков» на востоке Европы, возможно, и побудило его снова стремиться на русскую службу. Петр II удовлетворяет прошение и присваивает ему чин генерал-майора. Участие в русско-турецкой войне 1735—1739 гг., хотя и накалило отношения с фельдмаршалом Минихом, принесло Кейту звание генерал-аншефа.

В марте 1740 г. он стал главнокомандующим всеми войсками на Украине и руководителем Малороссийской коллегии. Ввиду упразднения самого института гетманства, Кейт фактически оказался императорским наместником в Малороссии.

В апреле 1741 г. его вызвали в Петербург для нового назначения. Как писал в своих мемуарах Манштейн, «он покончил больше дел, нежели предшественники его в течение десяти лет. Украина отдохнула при его кротком управлении и при введенном им во всех частях порядке»².

В ходе начавшейся русско-шведской войны Кейт выступал в роли заместителя главнокомандующего фельдмаршала П. П. Ласси, принимая участие во всех важнейших сражениях,

начиная от битвы при Вильманстранде и кончая занятием Фридрихсгама.

Назначение Кейта генерал-губернатором состоялось в сентябре 1742 г. Своей резиденцией он избрал тогдашнюю столицу страны — Або (Турку) и, считаясь главой края, в первую очередь занялся делами именно этого города и прилегающих территорий.

Его новых «подданных» более всего интересовала дальнейшая судьба Финляндии, которая могла быть как возвращена Швеции, так и присоединена к России или превращена в независимое государство. Возможность реализации последнего из трех вариантов была изложена в Манифесте Елизаветы Петровны от 18 марта 1742 г., причем получение независимости «в дар» предполагало выполнение финнами как минимум двух условий: активное содействие русской армии и созыв некоего подобия общенационального представительства, способного выступить с инициативой провозглашения независимости.

Подобие такого органа в виде сейма появилось 18 октября 1742 г., причем депутаты представляли там все четыре сословия (дворянство, духовенство, горожан и крестьян), но всего от двух губерний — Абоской и Бьернеборгской.

Сейм сформировал делегацию из восьми человек (по два представителя от каждого сословия), которой предстояло отправиться к Елизавете Петровне с ходатайством о назначении герцога Голштинского (будущего Петра III) великим князем Финляндским. Однако отношение русского правительства к идее создания независимой Финляндии уже изменилось.

После консультации с Ласси Кейт задержал делегацию вплоть до получения инструкций из Петербурга. Требуемые разъяснения были получены 28 октября и сводились к тому, что, поскольку Финляндия завоевана, жители уже не могут рассчитывать на выполнение обещаний, содержащихся в манифесте императрицы от 18 марта 1742 г.

Все это было оглашено Кейтом, добавившим от себя, что поскольку императрица и герцог Голштинский близкие родственники, финнам должно быть безразлично, станут ли они гражданами независимого государства или подданными Рос-

сии. Ответ генерал-губернатора подвел черту под планами создания буферного государства между Россией и Швецией.

Достигнутая в столь деликатном вопросе определенность, видимо, вполне удовлетворила Кейта, дав ему возможность сосредоточиться на чисто административной деятельности.

Впрочем, возможно, чтобы ослабить недовольство, Кейт поставил в Петербурге вопрос об освобождении из плена всех уроженцев Финляндии. Принятое Сенатом решение было положительным, хотя и предполагало необходимость уточнения, «подлинно ли они тех мест, как в сказках их показано».

Система управления краем при Кейте не претерпела значительных изменений. Официальным языком по-прежнему считался шведский, чиновники оставались на прежних местах, а действие законов лишь минимально ограничивалось временными актами русской администрации, касающимися главным образом реквизиций продовольствия.

Одним из первых действий Кейта в качестве генерал-губернатора стало возобновление работы Абосского университета, причем прежнее жалование было сохранено даже за выехавшими в Швецию профессорами.

Менее популярной у населения мерой стало приведение жителей к присяге Елизавете Петровне. Первоначально такая присяга приносилась добровольно, а после 7 ноября 1742 г. (провозглашения вероятного правителя независимой Финляндии герцога Петра Голштинского наследником российского престола) стала обязательной.

Спустя две недели Кейт оставил свою должность и отбыл в действующую армию для подготовки к новой кампании.

Финские источники характеризуют Кейта как очень разумного и заботившегося о благосостоянии жителей администратора³. Его относительную мягкость приписывали благотворному влиянию Эвы Мертен, дочери покойного бургомистра Або, которую за глаза называли «герцогиней Финляндии». Для Кейта красавица из Суоми действительно стала женщиной всей его жизни, хотя официально их отношения так и не были скреплены узами брака.

На популярности Кейта негативно отразился добросовестно претворяемый им в марте—мае 1743 г. указ Сената о «на-

боре рекрутов в Финляндии для укомплектования флота». По причине массового уклонения от призыва вместо планируемых 400 человек с большим трудом удалось набрать порядка 300, которые, впрочем, так и не приняли участие в боевых действиях.

Сам Кейт в качестве командующего галерной эскадрой прославился своей победой у острова Корпо (20 мая 1743 г.). Подписанный в следующем месяце в Або мирный договор прекратил боевые действия и подтвердил присоединение к России Кюменигородской и части Саволакской губерний. Более того, бывшие противники стали союзниками, и чтобы спасти Швецию от возможного датского вторжения, 11-тысячный корпус Кейта расположился в Стокгольме. Попутно командующий выполнял обязанности полномочного посланника, имея своим партнером одного из руководителей шведского масонства барона Нолькена.

Возможно, в их планы входило осуществление в стране переворота и ликвидация конституционного строя, однако Елизавета Петровна предпочла воздержаться от подобных попыток. В августе 1744 г. корпус Кейта отплыл в Ревель (Таллин), а шведское правительство возобновило традиционный союз с Францией.

Через три года, из-за конфликта с канцлером А. П. Бестужевым-Рюминым, Кейт вышел в отставку и перешел на прусскую службу. Получив звание генерал-фельдмаршала, он вошел в ближайшее окружение Фридриха II.

Впоследствии Кейт принял участие в Семилетней войне, и хотя Пруссия и Россия выступали в ней в роли противников, ему не пришлось скрестить оружие со своими бывшими сослуживцами. Осенью 1758 г. он погиб в битве с австрийцами при Гохкирхе.

Хотя четырехмесячное пребывание на посту генерал-губернатора Финляндии стало лишь эпизодом в весьма насыщенной биографии Джеймса Кейта, итоги его административной деятельности на этом посту оказались достаточно значимыми. Будучи «образцовым кондотьером», он в очередной раз продемонстрировал свою абсолютную лояльность тому государю, на службе которого находился, пытаясь при этом управлять

краем в соответствии с уже существующими законами и традициями.

В значительной степени именно благодаря Кейту укореившееся представление о русских как «варварах» было опровергнуто в глазах финского населения. Более того, хотя и независимо от личной позиции самого генерал-губернатора, но его устами идея создания независимого герцогства Финляндского озвучивалась на официальном уровне, оставив определенный след в развитии национального самосознания.

¹ См.: *Бородкин М. М.* История Финляндии. Время Елизаветы Петровны. СПб., 1910.

² Манштейновы современные записки о России в исторических, политических и военном-действенном отношениях. СПб., 1823.

³ Suomen historian pikku jättiläinen. Porvoo; Hels.; Juva, 1995. S. 293.

*И. Э. Воеводский, Ю. П. Лукосяк, Т. П. Мазур,
Н. А. Силатьева, Т. А. Шрадер*

НОРВЕЖЦЫ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ (XVIII — НАЧАЛО XIX в.)

С начала XVIII в. многонациональный Санкт-Петербург на протяжении ряда десятилетий был притягательным для многих представителей европейских стран. Наиболее крупную диаспору в городе составляли немцы, а также значительное количество финнов и шведов из соседней с Россией Финляндии, и немалое число шведов из Швеции находили в городе возможность жить и работать. Что же касается норвежцев, то в XIX в. они представляли меньшинство по сравнению с другими представителями скандинавских стран. И все же не только ряд известных норвежских деятелей посетили столицу России, но здесь проживало небольшое число граждан из Норвегии, которые стали постоянными жителями Санкт-Петербурга. По данным Евангелически-лютеранской Генеральной Консистории в Санкт-Петербурге на 1903 г., в приход Шведской церкви входило 5801 прихожан, из которых 800 были шведами, 4901 — финнами и финляндскими шведами, а 65 являлись норвежцами и датчанами¹.

Попытаемся охарактеризовать ряд известных норвежских деятелей науки, культуры, посетивших Петербург, а также отразить участие норвежцев в становлении военно-морского флота в первые десятилетия развития Санкт-Петербурга как столицы России и участия их в жизни города. Пребывая в качестве гостей в столице России норвежцы устанавливали на-

учные и творческие контакты с коллегами в городе, что содействовало, безусловно, укреплению благожелательных отношений между Россией и Норвегией, несмотря на то, что практически в течение всего XIX в. Норвегия входила в состав Шведского королевства, отношения с которым у России не всегда были дружескими.

Прежде всего обратимся к XVIII в. Хорошо известно, что Петр I во время строительства нового государства и его новой столицы привлекал большое количество иностранных специалистов. В основном это были немцы, но среди создателей регулярного русского Военно-Морского Флота находим имя норвежца Корнелиуса Крюйса.

Норвежец Корнелиус Крюйс родился в Ставангере, и звали его Нильсом Ульсоном. В юности он покинул родину, и с 1666 г. началась его морская служба. Более 20 лет он служил в торговом флоте Нидерландов, но уже под именем Корнелиуса Крюйса.

В 1698 г. в Амстердаме Крюйс был принят на русскую службу Петром I в чине вице-адмирала. В 1698—1702 гг. строил Азовский флот, в 1702 г. укреплял оборону Архангельска.

В 1702—1704 гг. по заданию Петра I в Нидерландах К. Крюйс набирал специалистов на русскую службу, а с 1707 г. и до конца жизни с некоторым перерывом (в 1710—1711 гг.) судьба Корнелиуса Крюйса была связана с Санкт-Петербургом. В 1704—1713 гг. К. Крюйс командует Балтийским флотом, в июне 1705 г. у острова Котлин была одержана победа над шведами, а затем в 1710 г. при участии российских кораблей проводилась операция по взятию Выборга. Тем не менее в 1714 г. за нераспорядительность в кампании 1712—1713 гг. Крюйс был отдан под суд и отправлен в ссылку в Казань. Лишь с 1715 г. он вновь в Петербурге, где осуществлял руководство адмиралтейскими делами. В 1717 г. Крюйс становится первым вице-президентом Адмиралтейств-коллегии, в 1721 г. — адмиралом.

К. Крюйс был одним из тех, кто закладывал основы российского военно-морского законодательства. В частности, он был автором морских правил и регламентов, под его руководством создавались адмиралтейства, верфи, гавани, оборонительные сооружения, спускались на воду корабли.

Крюйс внес значительный вклад в строительство Петербурга и Кронштадта. При его участии возводились все сооружения морского ведомства, разрабатывались планы застройки и благоустройства городских территорий. Он являлся автором первого градостроительного норматива по борьбе с наводнениями, был родоначальником пожарной и метеослужбы Санкт-Петербурга. В сфере его внимания были вопросы торговли, промышленности, образования. Крюйс произвел описание реки Дон и составил атлас тех мест.

Умер К. Крюйс в 1727 г. в Санкт-Петербурге, похоронен в Амстердаме. На родине в г. Ставангере в 2000 г. ему был установлен памятник.

Именно К. Крюйс 1 мая 1703 г. принял на русскую службу в гребной флот с чином унтер-лейтенанта уроженца Тронхейма Питера Христиана Бредалья. Бредаль участвовал в сражениях у Котлин, в осаде Выборга, а в 1710—1712 гг. находился на Азовском флоте. С 1712 г. служил на Балтике, участвовал в Гангутском сражении и других операциях флота. В 1718 г. был пожалован в чин командора датского флота. Пользовался доверием Петра I, выполнял различные его поручения, набирал на русскую службу специалистов, а в октябре 1721 г. был даже командирован в Испанию с известием о мире со Швецией. С 1724 г. Бредаль стал членом Адмиралтейств-коллегии и начальником петербургских команд, являлся управляющим Адмиралтейской конторой и заведовал полковым двором в Петербурге.

В 1730 г. Бредалья назначают командиром Ревельского порта, а в 1733—1735 гг. он становится главным командиром Архангельского порта. В 1735—1739 гг. Бредаль создает Донскую флотилию и умело руководит ее действиями против турок. С 1737 г. получил чин вице-адмирала. В 1741 г. вновь назначен главным командиром Архангельского порта, а в 1742 г. ему был поручен перевод 10 кораблей с Белого моря на Балтику, но во время перехода корабли получили серьезные повреждения, и Бредаль самовольно возвратился в Архангельск. С 1744 г. норвежец был под следствием и судом и умер в 1756 г. в Санкт-Петербурге, так и не дождавшись оправдательного решения суда.

1 мая 1704 г. вице-адмирал К. Крюйс принял в Амстердаме на русскую службу «из добрых штурманов» в поручики уроженца г. Ставангера Тениса Трана. Командуя различными судами Балтийского флота (в их числе даже вице-адмиральским кораблем «Олифант»), Тран участвовал в различных операциях русского флота в период Северной войны. В 1716 г. был назначен на должность экипажмейстера Ревельского порта, в 1724 г. стал капитаном Ревельского порта, в 1729 г. его назначили капитаном Кронштадтским портом. В декабре 1732 г. Тран получил чин генерал-экипажмейстера контр-адмиральского ранга и до 1740 г. служил в Кронштадте, руководя экипажскими делами и снаряжением флота.

В 1707 г. на русскую службу в младшие капитаны на Балтийском флоте был принят старший брат известного датского адмирала П. Торденшёльда (Весселя) уроженец г. Тронхейма Хендрик Вессель. В 1710 г. он командовал кораблем «Кроншлот», участвовал в походе на Выборг, а в 1711—1712 гг. находился на Азовском флоте. Возвратившись в Санкт-Петербург, он командует кораблями Балтийского флота «Шлиссельбург», «Леферм», «Ревель» и в кампании 1713 г. вице-адмиральским кораблем «Рига». В 1715 г. Вессель был произведен в капитаны I ранга и служил в этом чине в России до сентября 1721 г., командуя, в частности, кораблем «Ревель».

В 1720 г. был принят на русскую службу в качестве штурмана «из норвежского шляхетства» Матис (Матфей) д'Реснер (Резнер-Резен). До конца 1727 г. он проходил службу на Балтийском флоте, а в 1728—1754 гг. служил в Астраханском порту. Командуя построенным в Архангельске кораблем «Полтава», он прибыл в Кронштадт. В 1757 г. участвовал в морской блокаде Пруссии. После этого, до своей отставки в 1763 г., Матис д'Реснер командовал различными кораблями Балтийского флота².

Так целая плеяда прекрасных норвежских мореходов служила России, которые были тесно связаны с молодой столицей России и внесли значительный вклад в развитие российского военного флота.

Однако уже в XIX в. ситуация качественно изменилась, поскольку в Петербург все чаще стали прибывать люди, которые стремились открыть в России свое дело. Среди имен иностран-

ных предпринимателей встречается и имя яркого представителя Норвегии Германа Гансена. Этот человек организовал первую норвежскую цирковую труппу, будучи сам клоуном, акробатом и дрессировщиком. Из Архангельска он вместе со своей труппой преребрался в Петербург. В 1843 г., свидетельствуют документы, труппа выступала на Покровской площади (ныне — пл. Тургенева). Выступления труппы Гансена печально закончились в российском городе Кириллове (у Белозерского монастыря), когда местные крестьяне уничтожили всех цирковых животных труппы.

После этой неудачи Г. Гансен отправился на Урал, где нанялся горным рабочим. Ему удалось сколотить огромное состояние, он опять вернулся в Петербург, где, собственно, и поселился. По проекту архитектора Василия Кенеля им был построен первый на Невском проспекте «бизнес-центр» (1873—1875 гг.). Одновременно Гансен учреждает Фонд помощи нуждающимся норвежцам, помогает русскому Императорскому Обществу поощрения художников. Наследство Германа Гансена после его смерти досталось сестре, которая создала в Норвегии Фонд братства имени Германа Гансена и многопрофильный лечебный центр³.

Другим представителем норвежских предпринимателей в Санкт-Петербурге был консул Юнас М. Лид. Имя этого человека в настоящее время незаслуженно забыто и в Норвегии, и в России, хотя он являл собой очень энергичного деятеля, который на протяжении более 20 лет работал в России, а затем уже в Советском Союзе.

Юнас Лид родился на хуторе Росдал в Норвегии в 1881 г. и умер там же в 1969 г. В 1912 г. в тридцатилетнем возрасте в Кристани он основал «Сибирскую компанию», в задачу которой входило найти торговый путь между Западной Европой и Сибирью через Северную Норвегию до Енисея.

Во время его путешествия по северным морям в Сибирь на борту корабля «Коррект» находился полярный исследователь, ученый Фритьоф Нансен. Об этом путешествии Нансен написал книгу и сделал доклад в Русском географическом обществе и в Королевском географическом обществе в Лондоне. Рукописный вариант доклада Нансена на немецком языке с по-

метами ученого хранится в архиве Русского географического общества. Ю. Лид принимал участие в выступлениях Нансена.

В 1914 г. норвежский король Хокон VII назначил Лида на должность консула в Красноярске. В том же году Лид получил русское гражданство, а император Николай II присудил ему даже звание наследственного почётного гражданина России за то, что Лид провел караван судов из гамбургского порта через Ледовитый океан в Сибирь сразу после начала Первой мировой войны. Во время Октябрьской революции в 1917 г. Ю. Лид посетил Петроград, где в Смольном встретился с В. И. Лениным и Л. Д. Троцким для обсуждения проблем Сибири. Однако вся собственность его компании в 1918 г. была национализирована. Лид был фактически разорен. Его квартира на Большой Конюшенной в Петрограде оказалась разграбленной.

Лид вынужден был выехать в Лондон. Однако в 1920 г. он приезжает в Россию с целью выяснения возможности установления с Англией торговых отношений. Поселившись в Петрограде, он встречался в Смольном с Зиновьевым. Известно также, что М. Горький просил Лида уговорить Нансена и Уэллса провести акцию помощи интеллигенции и голодающим ученым в Петрограде.

В Москве Лид встречался с Чичериным, Красиным и Дзержинским. В 1920 г., работая в своей фирме, являлся также представителем Американской алюминиевой компании, а позднее и Канадской алюминиевой фирмы. В 1931 г. в дипломатической миссии Норвегии в Москве Лид получил вновь гражданство этой страны, выкупил свое родовое имение в Ромсдале и с 1945 г. до конца своей жизни проживал там. В доме Лида до сих пор сохраняется обстановка, созданная им, с большим количеством произведений искусства, приобретенных Лидом в Петрограде и Москве в 1920-е гг.

Поскольку Санкт-Петербург в XIX в. был центром научной мысли России, его посещало значительное число ученых из Скандинавии. Особенно много деятелей науки приезжало в Петербург из Швеции. Но и норвежские ученые также стремились к установлению творческих связей со своими коллегами из Санкт-Петербурга.

Так, астроном и физик, профессор Университета Кристияни (Осло) в 1816—1861 гг. Кристофер Ханстен летом 1821 г.,

путешествуя по России, посетил Санкт-Петербург, Москву, Нижний Новгород, Казань, Екатеринбург, Иркутск, Туруханск, Красноярск, Оренбург, Астрахань, Сарепту и другие немецкие колонии на Волге.

Во время путешествия по Сибири Ханстен проводил важные для науки измерения земного магнетизма. Впечатления о путешествии он описал в книге «Воспоминания о поездке» (Reise-Erindringer), опубликованной в 1859 г. в Кристиании. Первая и последняя главы книги посвящены Санкт-Петербургу, где он встречался с высокопоставленными лицами Российской империи графами Е. Ф. Канкриным, М. М. Сперанским, бароном Врангелем, а также адмиралом И. Ф. Крузенштерном и генералом Ф. Ф. Шубертом. Перед отъездом в Стокгольм К. Ханстен был даже принят Николаем I, что свидетельствовало о высоком уровне визита и о том, что учитывались особые заслуги Ханстена в науке⁴.

Поскольку Санкт-Петербург являлся научным центром в области исследований Арктики, активную работу в изучении Ледовитого океана проводили ученые Российской Академии наук и Русского географического общества (РГО), которые проявляли большой интерес к результатам полярных исследований в Норвегии.

Выдающийся норвежский полярный исследователь, ученый, общественный деятель Фритьоф Нансен, начиная с экспедиции на судне «Фрам» (1893–1896 гг.) и до конца жизни был тесно связан с РГО. По ходатайству РГО русское правительство наградило Нансена орденом Станислава I степени. Само Общество присудило ему Константиновскую золотую медаль. Книга Нансена «На лыжах через Гренландию» была настолько популярна, что «нансеновские лыжные шапки» стали модны даже у светских дам Петербурга. 13 апреля 1898 г. Ф. Нансен с супругой прибыл в Петербург как гость Географического общества. 28 апреля в зале Петербургского дворянского собрания состоялся торжественный прием Нансена при полном составе шведско-норвежской миссии Нансен встречался также с Николаем II и представителями российского правительства, обсуждая проблему достижения договора между Норвегией и Россией в отношении невмешательства России в решение спорных вопросов между Швецией и Норвегией.

В 1913 г., после своей блистательной поездки по Сибири, Ф. Нансен на обратном пути второй раз посетил Петербург. 18 октября он выступил с докладом в Географическом обществе. Третий визит Нансена состоялся в 1920 г., когда он приезжал в Петроград в качестве верховного комиссара Лиги наций по делам репатриированных военнопленных. Четвертая поездка Нансена произошла в июне 1928 г. в Ленинград на Вторую полярную конференцию Аэроарктик в качестве председателя Международного общества по изучению Арктики с помощью воздушного корабля. Контакты с Ф. Нансеном в Петербурге—Ленинграде способствовали интенсивному изучению полярных районов русскими учеными⁵.

Другом и соратником Ф. Нансена был Отто Свердруп — опытный полярный капитан, совершивший немало смелых полярных походов, в том числе на судне Ф. Нансена «Фрам» в 1893–1896 гг. Российское правительство высоко оценило его вклад в исследование Арктики и в 1897 г. наградило по представлению Географического общества орденом Святой Анны 2-й степени. В 1914 г. О. Свердруп был приглашен участвовать в спасении трех русских экспедиций, пропавших в ледяных просторах Арктики. Работа норвежского капитана не прошла мимо внимания Николая II. Именно по его приглашению О. Свердруп посетил Петроград в 1914 г., а затем через Архангельск вернулся в Норвегию⁶.

Русское географическое общество было также инициатором приема норвежского полярного путешественника Руала Амундсена, который в 1903–1906 гг. на судне «Йоа» впервые в истории совершил непрерывное плавание из Атлантического океана в Тихий, открыв северо-западный проход в Северной Америке. В мае 1907 г. в Петербурге в помещении Офицерского собрания Армии и Флота состоялось общее собрание членов Географического общества, на котором Р. Амундсен сделал на французском языке сообщение об исследовании области около Северного магнитного полюса во время экспедиции 1903–1906 гг. Амундсен познакомился с обсерваториями, с достопримечательностями города и его окрестностей. Второй раз Р. Амундсен посетил Ленинград в мае 1926 г. во время его перелета на дирижабле «Норге I» над Северным полюсом.

К его прибытию в Гатчине для приема дирижабля была создана опорная база⁷.

Концертные залы Санкт-Петербурга, оживленная музыкальная жизнь петербуржцев привлекали зарубежных музыкантов из Европы. Не были исключением и норвежские композиторы, дирижеры, исполнители музыкальных произведений.

Из гастролировавших в Петербурге в XIX в. норвежских музыкантов наиболее яркий след оставил скрипач и композитор Уле Буль. Создатель норвежского национального театра, он первый открыл Европе богатство норвежской музыкальной культуры.

Буль родился в семье аптекаря. Научившись у дяди игре на скрипке, он уже в 6 лет исполнял партию скрипки в домашнем струнном квартете, а с 9 лет играл в оркестре музыкального общества «Гармония». В своей концертной деятельности Буль, бывший студент-богослов, использовал особенности норвежской народной скрипки («хардангерфельд») — наличие резонаторных струн и подставку плоской формы, которая делала возможной игру аккордами, а не арпеджио. О его игре петербургские газеты писали еще в 1837 г.: «Он играет вдруг на четырех струнах, и не аккорды или арпеджии, но чистое кантабиле, и вы слышите целый квартет!» К первому приезду в Петербург в феврале—марте 1838 г. Буль считался «норвежским Паганини». Как все иностранные музыканты, он выступил в Петербурге сначала в доме Виельгорских на Михайловской площади. Затем состоялись его концерты в Большом театре. Предваряя их, В. Ф. Одоевский писал: «Вот еще важная новость... знаменитый Уле Буль в Петербурге, и завтра в Большом театре мы услышим его волшебную скрипку. Мы бы могли представить читателям целые томы панегирий, которыми встретили и провожали его в Париже, Лондоне и Германии...» После концерта Одоевский отметил: то, что «делал он на скрипке — непостижимо физически! Его двойные трели с мотивом, его флажолеты, его мелкие штрихи составляют особенный мир, прежде не существовавший для скрипки, или, по крайней мере, не бывший никогда соединенным в одном и том же исполнителе». Про исполнение «Вариаций» Паганини Булем Одоевский заметил, что он «шутя набрасывает смычок, и вы слышите это мелкое шутливое Staccato, созданное

своенравным гением Паганини. Кажется, звуки, по мановению правой руки, сами собою вспархивают со скрипки. Затем следует фантастическая рулада, и быстрый перелив ее кончается решительными аккордами и хроматическими триллерами. Кажется, вольная птица вознеслась в поднебесье и простёрла в воздух свои пестрые крылья...». Высокий, статный норвежец произвел сильнейшее впечатление на петербургских дам: они вышли для Буля большое покрывало (находится в доме-музее Буля в Лисьоне). В 1841 г. Уле Буль второй раз приехал в Петербург. В концерте 11 мая он исполнил собственные произведения: «Концерт», «Фантазии “Норвежский сон”» и «Бравурные вариации». Ф. Кони писал: «Оле Буль — счастливый наследник Паганини, — должно быть, украл у скупого старика тайну пленять, восхищать и очаровывать силою смычка». В 1847 г. в Испании Буль встретился с Глинкой. Свидетельством их дружбы стала записанная норвежцем в дневник русского коллеги сицилиана с припиской: «Славный знак восхищения и уважения вашего искреннего друга. Севилья, 10 апреля 1847 года. Уле Буль». В третий раз Буль появился в Петербурге в 1866—1867 гг. после многолетних триумфальных гастролей в Америке. Он играл в феврале у князя В. Ф. Одоевского, в том числе под его аккомпанемент, и обедал с ним.

В Петербурге и Москве в 1877—1880 гг. гастролировал как дирижер один из основателей норвежской классической музыки, композитор, скрипач и дирижер Юхан Свенсен. Он был известен как скрипач в Швеции, Дании, Германии, работал в оркестрах Парижа и Лейпцига, как дирижер гастролировал в Германии, Англии, Франции, США.

Дирижер, композитор и скрипач, обучавшийся в Кристиании, Стокгольме и Лейпциге, норвежец Юхан Август Хальворсен, автор 3 симфоний, 9 сюит, множества оркестровых и скрипичных пьес, известен каждому норвежцу своей музыкальной сказкой «Путешествие за рождественской звездой» (1911) — норвежским аналогом нашего «Щелкунчика». В 1890—1893 гг. Хальворсен вел скрипичный класс в Гельсингфорсской консерватории и еженедельно приезжал в Петербург совершенствовать свое мастерство в классе профессора Петербургской консерватории Леопольда Ауэра⁸.

Из семьи петербургских норвежцев вышел выдающийся российский пианист, создатель петербургской фортепианной школы, профессор Ленинградской (Санкт-Петербургской) Государственной консерватории Владимир Владимирович Нильсен (1910–1998). Его родители — губернский секретарь, учитель Вольдемар Евгений Нильсен и Катарина Алексеевна — лютеране, В. В. Нильсен крещен в Шведской церкви св. Екатерины (как Вольдемар Самуил). Знаменитый петербургский музыкант Н. И. Рихтер в своих воспоминаниях отметил свою первую встречу с этим «молодым норвежским мальчиком».

На грани XIX—XX вв. большое влияние на русскую культуру оказали произведения скандинавских, и в частности норвежских, писателей. Особенно важную роль в жизни образованных петербуржцев сыграли произведения выдающегося норвежского писателя Генриха Ибсена: «Бранд», «Пер Гюнт», «Союз молодежи», «Столпы общества», «Кукольный дом», «Привидение», «Дикая утка» и др. Появление норвежских героев Г. Ибсена на петербургской сцене было несколько задержано в связи с их свободолюбивыми, отличными от принятых в конце XIX в. в России принципами морали. В 1890 и 1891 гг. цензоры Главного управления по делам печати неоднократно накладывали запрет на постановку драматических произведений Ибсена. В пьесе «Призраки» («Привидения») (1881), в переводе С. Н. Белоченко, по мнению цензора Альбединского, «проповеди Освальда о свободной любви и неформальной семье неудобны». Драма «Росмерсзольм» (1886), в переводе Н. Вотяковой, по мнению цензора, содержит в себе целый ряд крайне неуместных и предосудительных рассуждений о религии и разных социальных вопросах. Драма «Ингер из Эстрата» (1854), в переводе Н. Мировича, опять-таки по мнению цензора, «отличается излишнею и непристойной реальностью». Драматург «Столпы общества» (1875–1877), в переводе Н. Мировича, цензор драматических сочинений Альбединский посчитал «признать вполне неудобной для сцены в связи провозглашением героиней Лоны следующих слов: “правда и свобода — вот истинные столпы общества”». Но уже в 1901 г. по прошению В. И. Немировича-Данченко запрещение на драму Г. Ибсена «Дикая утка» было снято, также Петербургским цензурным комитетом было издано предписание о разреше-

нии к постановке пьесы Г. Ибсена «Доктор Штокман». Переводчиками большинства произведений Ибсена были знаменитые супруги А. и П. Ганзен, выпустившие в 1903–1907 гг. полное собрание его сочинений в 8 томах. Король Норвегии Хокон VII наградил Петра Ганзена орденом Святого Олафа. Благодаря чете Ганзен в русскую литературу и жизнь петербуржцев наряду с Ибсеном вошли нобелевский лауреат Бьёрнмтьяне Бьёрнсон, будущий нобелевский лауреат Кнут Гамсун и др. норвежские писатели⁹. Герои произведений этих писателей, можно сказать, вошли в дом каждого образованного жителя Санкт-Петербурга.

Необходимо отметить многочисленную норвежскую семью Серк, проживавшую в Петербурге в конце XIX — начале XX столетия. Судьбы членов этой семьи очень разнообразны, и деятельность их в Петербурге и за его пределами многогранна.

Норвежец Петер Оскар Юсеф Серк какое-то время был в Петербурге конторским служащим, играл в хоккей с мячом и в футбол за клуб «Виктория» (1901, 1903–1904, 1907, 1908). В 1902 г. он отправился в Америку, плавал в качестве кухонного работника на судне. Вернувшись в Петербург, он снова выступал за футбольную команду «Виктория», и в 1903 г. П. О. Серк как игрок клуба становится чемпионом Санкт-Петербурга по футболу. В 1905 г. вместе с братом Хансом он основывает фабрику моторных радиаторов в Ковентри (Англия), а в 1913 г. — такую же фабрику в Петербурге. В Петербурге в 1911 г. П. О. Серк женился на Луизе Франклин и до 1917 г. жил в доме архитектора Лидваля (Каменноостровский пр., 1–3). После 1917 г. П. О. Серк переехал в Бирмингем (Англия), где владел фабрикой, основал в Бирмингеме авиакомпанию, которая функционирует и по настоящее время. При входе в здание этой компании установлен бюст Серка.

Другой член этой семьи инженер-технолог Отто Акселевич Серк занимал пост директора акционерного общества «П. О. Серк» и проживал по адресу Фонтанка, 159. К этой семье принадлежали также гражданский инженер и архитектор Эрнест Акселевич, который служил на Политехнических курсах Петроградского общества народных университетов, и гражданский инженер Лев Акселевич, владевший инженерно-ар-

хитектурным бюро и состоявший архитектором акционерных обществ «Соединенные кабельные заводы», «Сименс и Гальске», «Сименс-Шуккерт». По проектам Л. А. Серка и его инженерно-архитектурного бюро был построен ряд промышленных зданий, которые органически влились в архитектурный облик Санкт-Петербурга¹⁰. Виктор Акселевич служил в Лаборатории по анатомии и физиологии растений ИАН, на Курсах Лесгафта и в Обществе народных университетов¹¹.

В истории петербургского спорта известен также норвежец, футболист Коре Юхан Матиассен, служивший в 1915 г. в Русско-Азиатском банке.

В 1905 г. Россия первой признала полную независимость Норвегии. Посольство Норвежского королевства в 1910-х гг. располагалось в доходном доме К. А. Шрейбера на Потемкинской улице, 3, построенном в стиле барокко, со скульптурой трех Граций и башней-эркером над ними на углу Сергиевской улицы. Посол Норвегии Н. Преберсен снимал богато отделанную архитектором квартиру со стороны Потемкинской улицы, окнами на Таврический сад¹².

Таким образом, в рассматриваемый период немалое число норвежских граждан, связанных с Петербургом в различных областях деятельности, внесли свой вклад в развитие столицы России.

¹ Российский Государственный исторический архив (РГИА). Ф. 828. Оп. 13. Д. 612. Л. 74.

² Общий Морской список. Ч. I. СПб., 1885; Государственный архив Военно-Моского Флота. Ф. 176. Оп. 1; Ф. 223. Оп. 1; Ф. 233. Оп. 1; Ф. 234. Оп. 1.

³ *Веренишельд М.* Консул Юнам М. Дид и Россия // Скандинавские чтения 2002 г. СПб., 2003. С. 458–464.

⁴ *Шрадер Т. А.* Норвежские полярные исследователи — гости Санкт-Петербурга // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2002. С. 45–52.

⁵ *Kokk D. Otto Sverdrups liv.* Oslo. 1934.

⁶ РГИА. Ф. 733. Оп.145. Д. 108-1907. Л.7; *Алимова-Шрадер Т. А.* Сотрудничество ученых России и Скандинавии в исследовании северных районов Европы (конец XIX — начало XX в.) // История географических знаний и открытий на Севере Европы. Л., 1973. С. 141.

⁷ *Шрадер Т. А.* Норвежские полярные исследователи — гости Санкт-Петербурга. С. 50.

⁸ Наше святое ремесло. Памяти В. А. Нильсена (1910–1988). СПб., 2004.

⁹ РГИА. Ф. 776. Оп. 26. Д. 10. Л. 3–4 об., 212, 216, 231–231 об.; Оп. 25. Д. 41. Л. 4; Д. 25-1901. Л. 10.

¹⁰ Здание фильтроозонной станции, Пеньковая улица, 8 (1910); совм. с В. В. Старостиним — производственные корпуса пивомедоваренного завода «Бавария», Петровский проспект, 9 (1911–1912), производственные здания кондитерской фабрики «Товарищества Ландрин», Б. Сампсониевский проспект, 77 (1911–1912), производственные здания товарищества резиновых изделий «Треугольник», набережная Обводного Канала, 134–138 (1913), производственные сооружения АО Соединенных кабельных заводов, Кожевенная линия, 37–39 (1910-е), производственное здание торгового дома «Сименс и Гальске», 6 линия, 61 (правая часть, надстройка) (1915).

¹¹ *Peter Oscar Serck // The Automotor.* 8.04.1911. P. 361–363; *Harley B.* A History of Sersk Group. Little Burrington, 1982. P. 86; *Sellias E.-A.* A History of the Serck's family (на правах рукописи). 2004. С. 2004.

¹² *Жерихина Е. И.* Литейная часть от Невы от Кирочной. СПб., 2006.

М. Д. Корablева

ГРИГ И ЧАЙКОВСКИЙ КАК ВЫРАЗИТЕЛИ «НАРОДНОГО ДУХА» В МУЗЫКЕ

XIX век — это время расцвета национальных культур во многих странах Европы. Романтизм, пришедший в первой трети века на смену классицизму в различных видах искусства, обусловил поиски идеала в народном творчестве. Музыканты, художники, поэты обращаются к фольклору в поисках духовной основы своего искусства. Начинается собирание, изучение и публикация произведений народного творчества.

В науке XIX в. также обозначился интерес к теме народа. В 1860 г. немецкие ученые Мориц Лацарус (1824–1903) и Хейман Штейнталь (1823–1899) объявили о создании новой научной дисциплины — «психологии народов». Суть их концепции сводилась к тому, что представители одной нации имеют психическое сходство, проявляющееся в общих представлениях, стремлениях, чувствах, особенностях культуры, т. е. обладают одним «народным духом», который обусловлен единством происхождения и средой обитания. Содержание народного духа можно выявить, изучая народный быт, нравы, обычаи, мораль, мифы, языки, различные виды творчества.

Идеи влияния климата и природы на поведение и нравы народов были не новы — их высказывали еще античные мыслители Греции, Индии и Китая. К проблемам национальной психологии обращались ученые и в XVIII в. Немецкий философ, эстетик Иоганн Готфрид Гердер в начале 1770-х гг. создает учение о «духе народа», который выражается в искусстве и народной поэзии. По мнению Гердера, душу народа можно

узнать через его устное народное творчество, так как именно мир фантазии наилучшим образом отражает народный дух.

Учение Гердера стало основой для творческих импульсов различных направлений немецкой мысли, например антропологии Фейербаха, языкознания Гумбольдта, герменевтики Дильтея и других научных школ. Однако научные исследования психологии народов, т. е. собственно наука этнопсихология, появились именно во второй половине XIX в.

Общее направление исследований культур, сформулированное М. Лацарусом и Х. Штейнталем, анализ «психологии народов» стали неотъемлемой частью культурологических исследований в XX в. Эти проблемы в различных аспектах развиваются и поныне.

Говоря о национальных культурах Европы, достигших своего расцвета во второй половине XIX в., хочется вспомнить двух выдающихся представителей Норвегии и России, двух северных композиторов, в творчестве которых ярко проявилось национальное начало, нашел свое выражение «народный дух», душа народа. Это Эдвард Григ в Норвегии и Петр Ильич Чайковский в России. Оба композитора внесли огромный вклад не только в национальную культуру своей страны, но и в культуру общеевропейскую.

Григ и Чайковский не являются первыми национальными композиторами-классиками своих стран. В Норвегии национальные черты ярко проявились в музыке родоначальников норвежской композиторской школы Уле Буля («норвежского Паганини»), Хальфдана Хьерульфа и Рикарда Нурдрока, работавших в 30–60-х гг. XIX в.¹

В России первым музыкальным классиком общеевропейского уровня, поднявшим русскую национальную музыку на небывалую до того времени высоту, был М. И. Глинка. Именно он обратился в своем творчестве к народным истокам, отказавшись от слепого подражания европейским образцам.

Но в настоящее время во всем мире русская музыка ассоциируется прежде всего с музыкой Петра Ильича Чайковского, а музыка Норвегии — с произведениями Эдварда Грига.

Чем же достигается национальный колорит в музыке? Как в звуках, созданных профессиональными композиторами, воплощается душа того или иного народа?

Необходимо отметить несколько основных факторов, влияющих на своеобразие национальной композиторской музыки. Во-первых, существенным является природно-географическая среда. Композиторы разных стран не только испытывают влияние климата и ландшафта своей страны, но и способны передать особенности родной природы, ее картины в музыкальных образах. Во-вторых, на особенности музыки влияет национальный характер жителей страны. Третий фактор — народное музыкальное творчество, образцы которого используют в своей музыке профессиональные композиторы (песни, танцы, национальные инструменты). В-четвертых — национальные мифологические сюжеты, по мотивам которых создаются музыкальные композиторские творения. Пятый фактор — религиозный компонент мировоззрения жителей страны. Часто профессиональные композиторы создают духовную музыку, характерную для религии своей страны.

Если речь идет о вокальной композиторской музыке, то существенным выражением национальных особенностей служит язык. Поэтическое слово — важнейший источник вдохновения для музыканта.

Историческая обстановка в родной стране также может служить фактором, влияющим на своеобразие композиторских сочинений. Рассмотрим подробнее влияние этих условий на творчество Эдварда Грига (1843—1907).

Грига можно назвать норвежским Антеем, никогда не отрывавшимся от матери-земли. «Норвегия!.. Я не хотел бы принадлежать ни к одной другой нации на свете!» — восклицал он².

Норвегия — это суровый северный край, живописную красоту которого составляют скалистые горы, бурные водопады, скудные лучи солнца, тихие бездонные озера, извилистые берега фьордов, изменчивое, холодное море.

Среди этой своенравной природы вырос народ, способный в борьбе со стихиями отстаивать свое право на жизнь. Сила духа, твердость, суровость, волевая энергия — основные качества норвежца. Но вместе с тем это народ поэтичный и музыкальный. Звуки свирели, которыми пастухи на горных пастбищах созывают стада, норвежской национальной скрипки «хардингфеле»³, которая аккомпанирует старинным балладам,

нежным колыбельным и задорным песням и пляскам — неотъемлемая составляющая народной жизни Норвегии.

Искренняя любовь Грига к своей стране, к народу, с его богатыей мифологией, яркой музыкальной культурой и поэтическим даром, воплотилась в музыкальных творениях композитора. Практически во всех жанрах сочинений Грига явственно ощущается неповторимый национальный колорит. Его музыка, обладая удивительной живописностью, способна вызывать у слушателей образы нежной и суровой красоты северной природы. Например, поэтические картины природы богато представлены в григовских песнях «В челне», «У ручья» и др., в фортепианных миниатюрах, в музыке к пьесе Ибсена «Пер Гюнт» и т. д.

Тесно общаясь с народом, впитывая всей душой национальные напевы и ритмы крестьянского быта, Григ воплощал подлинную суть норвежской музыкальности в своих сочинениях, делая ее достоянием общеевропейской культуры. Национальный колорит в пьесах Грига часто создавался с помощью черт, характерных для норвежской народной музыки, например: необычного для европейской музыки лидийского лада⁴ (а не привычного мажора и минора), интонаций подлинных норвежских песен, ритмов различных народных танцев. Из фольклора пришли в музыку Грига разные типы строения мелодии.

В произведениях композитора (например, «Норвежский крестьянский марш» из цикла «Лирические пьесы», сборник пьес «Крестьянские танцы», песня «Пастушка» и др.) часто встречаются картины народной жизни. Григ писал о себе: «Норвежская народная жизнь, норвежские сказания и история и прежде всего норвежская природа оказывали со времен моей юности большое влияние на мое творчество»⁵.

Композитор воспел духовную силу своего народа, отстаивающего право на свободу и независимость от диктата Дании и Швеции, а также внес свой вклад в утверждение этой независимости. Если раннее творчество Грига проникнуто датской культурой (большое влияние в это время на музыканта оказал знаменитый Ханс Кристиан Андерсен), то в дальнейшем Григ концентрирует свое внимание именно на норвежской песенности и поэзии. Сотрудничество с Бьернсоном, а затем с Ибсе-

ном открыло новые грани таланта музыканта. Песни на стихи Бьернсона стали в творчестве Грига первыми классическими норвежскими романсами. Именно норвежская литература, норвежский язык были определяющими в зрелом творчестве композитора⁶.

Религиозность своего народа Григ выразил в хоровых произведениях: 4 псалма на старинные норвежские мелодии для смешанного хора a cappella с баритоном или басом (1906).

Фантастические образы народной мифологии — еще один важнейший источник творчества Грига. Эти образы ярко и живописно представлены в сюитах к драме Г. Ибсена «Пер Пюнт», выросшей из народной сказки; в романах, написанных по мотивам народных легенд; в фортепианных миниатюрах, создающих определенные образы и настроения, и в других музыкальных шедеврах мастера (например, в песне «Козлийный танец»). Образы троллей, кобольдов и эльфов не раз встречаются на музыкальных полотнах Грига.

Творческое наследие Эдварда Грига огромно. И несмотря на то что композитор считал себя продолжателем немецкой музыкальной романтической традиции (своими учителями он называл Шуберта и Шумана), практически все его произведения — воплощение норвежской народной души.

В качестве конкретного примера приведем пятую тетрадь «Лирических пьес» (1891) — один из циклов фортепианных произведений, к которым Григ обращался на протяжении более 30 лет. Основные сюжетные линии этого цикла из шести пьес, который называют «норвежской сюитой», следующие: природа, народный быт, сказочная фантастика. Сами названия небольших фортепианных зарисовок говорят о национальном характере музыки: «Мальчик-пастух» — это меланхолическая картина северной природы, «Норвежский крестьянский марш» (точнее, танец-шествие Гангар) — картина приближающегося народного шествия. «Ноктюрн» — лирическое, утонченное воспевание нежной красоты вечерней природы. «Скерцо» — рисует картины сказочных персонажей — эльфов и троллей. «Колокольный звон» — пьеса, навеянная, по словам Грига, впечатлением утреннего перезвона бергенских колоколов, — самая мистическая и таинственная в этом цикле.

«Марш троллей» — пьеса, сочетающая в себе и сказочные образы скандинавских народных поверий — существ, обитающих в глубинах гор, вдали от солнечного света, и красоту природы, царящую при дневном свете. Особая ладовая структура, ритмическая организация, интонационные обороты произведения придают ему национальный колорит. Средняя часть содержит изобразительные моменты: солнечный свет, шум ручья, умиротворение и спокойствие — все это служит контрастом к первой и третьей частям, напряженным, динамичным, темным. Эта пьеса отражает и картину мира древнего скандинава, и присутствие двух начал в сердце каждого человека. Музыка Грига не только национальна, но и общечеловечна.

Гениальным выразителем в звуках свойств человеческой души, и особенно души славянской, был классик русской музыки П. И. Чайковский (1840—1893).

Первые музыкальные впечатления будущего композитора были связаны с зарубежной профессиональной музыкой, которую исполнял механический орган, привезенный отцом⁷. Впоследствии, так же как и на Грига, огромное влияние на Чайковского оказали немецкие композиторы-романтики — Шуберт и Шуман. В зрелом возрасте музыкант отмечал: «Тем, что я посвятил свою жизнь музыке, я обязан Моцарту». Но, творчески воспринимая традиции зарубежной музыки, Чайковский всегда придавал своим сочинениям ярко выраженный русский характер. Так, уже в одном из ранних произведений — Первой симфонии (1866) — многие темы имеют народно-песенную основу, в финале звучат подлинные фольклорные мелодии, а вторая часть симфонии имеет программный подзаголовок — «Туманный край, угрюмый край». В этой симфонии отразились впечатления от поездки, которую Петр Ильич предпринял по Ладожскому озеру на остров Валаам. Певучие, широкие, элегические темы звучат в этом произведении, предвосхищая будущий творческий почерк композитора.

Все произведения Чайковского отличаются большой напевностью, свойственной русской народной музыке, русскому характеру. По-вокальному звучат не только мелодии его опер и романсов, но и инструментальных произведений. «Я до страсти люблю русский элемент во всех его проявлениях... — говорил сам композитор. — Я русский в полнейшем смысле

этого слова»⁸. Широта мелодического развития русских народных протяжных песен может быть связана с необъятными просторами русской земли, с ее равнинным ландшафтом — ее полями, полноводными реками, лесами, долинами.

Ранние детские годы композитора прошли на Урале. Именно там музыкальная душа ребенка впитала народные протяжные песни, лирические напевы рыбаков. Холодный чиновничий Петербург во время учебы Петра Ильича не смог убить впечатления от народной музыки, полученные в детстве. Кроме того, на Чайковского большое влияние оказала городская песенная культура — жанр городского романса.

Большая часть произведений Чайковского связана с образами русской жизни. В них композитор нередко включал подлинные народные песни — русские или украинские. Например, записанная с голоса крестьянки песня «Коса ль моя, косынка» вошла в оперу «Воевода». Песня «Сидел Ваня на диване», услышанная Чайковским на Украине, стала главной темой медленной части Первого струнного квартета. Во Второй симфонии использованы украинские напевы. В финале Четвертой симфонии звучит знаменитая «Во поле березонька стояла»⁹.

Картины русской природы и народной жизни, черты русского характера Чайковский изображает во многих своих произведениях — операх, романсах, симфониях. Например, финалы Первой и Второй симфонии живо передают народный юмор и веселье. В опере «Евгений Онегин» для Чайковского была особенно важна поэтичность Татьяны, которая гармонирует с искренностью и естественностью крестьянского быта, красотой русских пейзажей. Также важнейшими для характера русской женщины в образе Татьяны являются ее воля, следование религиозному и моральному долгу. Образ Татьяны в опере Чайковского созвучен образу Сольвейг, созданному Григом.

Картины русской природы и народной жизни, проникнутые глубоким лирическим чувством, можно «увидеть», слушая цикл фортепианных пьес Петра Ильича Чайковского «Времена года». Здесь и унылая, печальная осень, и веселый бег саней в ноябре, и нежное цветение первых подснежников, и пение птиц, и знаменитые белые ночи.

Мифологическая основа русской культуры, народные обычаи переданы в пьесе «Февраль. — Масленица». В ней используются звукоизобразительные приемы музыкального письма — подражание характерному звучанию народной гармонии. Удаля, размах, праздничное оживление, многолюдность ощущаются в этом произведении. Есть и элемент таинственности.

Национальные мифологические образы присутствуют и в музыке Чайковского к сказке Островского «Снегурочка».

Кроме обрядово-бытовой стороны русской жизни, Чайковского интересовала религиозная жизнь души русского человека. Композитором созданы величайшие образцы православной духовной музыки — «Литургия св. Иоанна Златоуста» (1878), «Всенощное бдение» (1881), множество хоров а cappella.

Надо заметить, что Григ и Чайковский находились между собой в очень теплых, доброжелательных отношениях. В 1887 г. в Лейпциге произошла встреча двух музыкантов. Их знакомство оказалось началом, как скажет позже Чайковский, «искренней дружбы, основа которой есть несомненное внутреннее родство двух музыкальных натур, хоть и чуждых другу другу по происхождению»¹⁰.

«Сколько теплоты и страстности в его певучих фразах, — писал Чайковский, — не удивительно, что Грига все любят...»¹¹ Позже, в 1888 г., свою знаменитую увертюру-фантазию «Гамлет», русский композитор посвятит Григу.

В музыке обоих композиторов есть много общего. Особенно это заметно на примере их концертов для фортепиано с оркестром. Григ написал свой концерт ля минор в 1868 г., Чайковский — свой Первый концерт си бемоль минор — в 1875 г. (разница в полтона и семь лет). Несмотря на то что музыка концерта Грига основана на развитии коротких музыкальных фраз, характерных для старонорвежских баллад, содержит интонации и ритмы норвежского фольклора, а мелодика концерта Чайковского строится на длинных фразах, характерных для русской лирической протяжной песни, эти произведения близки друг другу по стилю, настроению, выраженным чувствам. Сколько динамики, экспрессии, лиризма и вокальности в обоих произведениях! Чувствуется, что их сочиняли родственные души. Но дело, наверное, не только в родстве музы-

кальных душ, но и в родстве территориальном. Северо-Запад России и Норвегия — соседи, у них много общего и в природе, и в национальном характере жителей, в «народном духе». П. И. Чайковский замечал: «...Григ сумел сразу и навсегда завоевать себе русские сердца. В его музыке, проникнутой чарующей меланхолией, отражающей в себе красоты норвежской природы, то величественной, широкой и грандиозной, то сурьезной, скромной, убогой, но для души северянина всегда несказанно чарующей, есть что-то нам близкое, родное, немедленно находящее в нашем сердце горячий, сочувственный отклик»¹².

В России музыка Грига впервые зазвучала в 1876 г. и с тех пор покоряет сердца русских слушателей. Русская музыка, в частности музыка П. И. Чайковского, любима в Норвегии. И в этом взаимном признании — залог дружбы двух стран.

¹ Гриндэ Н. История норвежской музыки. Л., 1982.

² Лейтес Р. Песни Грига. М., 1967. С. 3.

³ Ланге К., Эствед А. Норвежская музыка. М., 1967. С. 11.

⁴ Левашева О. Эдвард Григ. Очерк жизни и творчества. М., 1962. С. 50.

⁵ Цит. по: Лейтес Р. Песни Грига. С. 160.

⁶ Там же. С. 34—71.

⁷ Привалов С. Русская музыкальная литература. СПб., 2005.

⁸ Русская музыкальная литература. Вып. 3. Л., 1986. С. 193.

⁹ Там же. С. 197.

¹⁰ <http://www.norge.ru>. Этнелис Н. Эдвард Григ. Эстафета любви.

¹¹ Там же.

¹² Чайковский П. Литературные произведения и переписка. М., 1953. С. 345.

Л. В. Суворова

**ФИНСКИЙ ХУДОЖНИК ЮХО РИССАНЕН
В ПЕТЕРБУРГЕ**

Юхо Риссанен, талантливый бытописатель финского народа, лучшие свои работы создал в конце 1890-х гг. Родом из восточной Финляндии, он хорошо знал сельскую жизнь. Галерея его крестьянских образов отличается исключительной самобытностью и наделена эпической силой. Несмотря на отрывочность художественного образования, ему везло на наставников (Элен Шерфбек, Альберт Гебхард и Виктор Вестерхолм). А. Эдельфельт повлиял на его взгляды на искусство. С декабря 1897 г. в течение пяти месяцев Юхо Риссанен обучался в Петербургской Академии художеств как протеже Эдельфельта, в мастерской Репина, чувствуя со стороны Репина большую доброжелательность. Творчество Риссанена — пример художественного влияния российской художественной школы на финскую. Репродукцию с картины И. Репина «Запорожцы» Риссанен видел в Финляндии задолго до поездки в Петербург, и по рассказу Эдельфельта, именно под впечатлением от этой картины решил избрать путь художника: в его ранних работах встречаются родственные Репину юмористические изображения персонажей¹.

Начиная с дней учебы в Петербурге, Риссанен знакомится с коллекциями старых мастеров в Эрмитаже, особенно интересуют его жанристы XVII в., как когда-то привлекли к себе рисунки Гольбейна в руках Шерфбек. В столице он погружен в атмосферу русской культуры, духовность которой созвучна его взглядам на народную жизнь. О своих занятиях и петербургских знакомствах он писал в дневнике:

бургской художественной атмосфере Риссанен сообщает в письмах Фердинанду фон Вригту в Хельсинки. Он проживает на 14 линии Васильевского острова, учит русский язык и от имперской кассы получает стипендию в 25 рублей для финских студентов, обучающихся в Петербурге. «В первый день осматривал город, который показался мне каким-то хаосом, таким, что даже сейчас, когда думаю о Петербурге и его жизни, голова кругом идет», — пишет в письме фон Вригту Риссанен. «Там лошади, люди, повозки, и различного рода бродяги, и столько всего, насколько глаз хватает. Люди треплют подошвы своих ботинок, изящно семеня много километров вдоль улицы под названием Невский. Это и важные господа со своими дамами, и модные барышни, и франтоватые кавалеры, и мужики с бородами, и бабы в фартуках, и всякое такое, что словами не передать. Кроме того, звон десятков колоколов, звуки труб, крики людей, хлопанье кнутов огромного количества извозчиков; и если ко всему этому прибавить разного рода телодвижения перед ликом Господним, то все образует какую-то единую кашу, сплошную мешанину. Однако пусть Петербург будет таким, каков он есть, я все же выдержал»².

Но близилась Парижская выставка 1900 г., от художника много ожидали, и в мае 1898 г. Риссанен возвращается в Хельсинки. По заказу Эдельфельта, организатора финского отдела выставки, он выполняет ряд монументальных работ, призванных украсить Финский павильон. Это «Ледокол» (1899, Хельсинки, Художественный музей Атенеум), «Подледный лов рыбы» (1899—1900, там же), большая многофигурная композиция на тему зимней добычи рыбы (1900, Художественный музей Куопио). За эти произведения, а также картины «Слепая» и «Гадалка» (1899, Хельсинки, Художественный музей Атенеум), Риссанен получил бронзовую награду Всемирной выставки. Он пользовался почти исключительно акварелью, и в его большого размера панно легкие светлые краски соединяются с четкими линиями контура в эффектное целое. Главная составляющая мастерства Риссанена — обладание природным чувством композиции. Сын бедняка-рабочего из Куопио, он с малых лет соприкасался с рабочим и крестьянским людом и писал большей частью портреты и многофигурные композиции из жизни народа.

Свойственное искусству конца века увлечение примитивизмом гармонировало с основными чертами характера Риссанена. Восхищенный работами художника, французский критик Гюстав Жеффруа тогда же написал: «Риссанен, художник крестьян, оставайтесь в мире, который Вы так здраво передаете и так глубоко любите, и никогда не ездите в Париж учиться искусству»³.

Осенью 1900 г., получив субсидию от Художественного общества Финляндии на поездку в Италию, через Петербург, Варшаву, Вену и Будапешт художник отправляется в Рим. Связи с Россией обрываются на долгие годы. Его кумирами в первые десятилетия XX в. становятся Морис Дени и Поль Серюзье. В Государственном Эрмитаже хранится работа Риссанена «Две девушки», выполненная в 1916 г. Картина поступила в эрмитажное собрание в 1931 г., до 1919 г. находилась в собрании Лиенканен в Петрограде. Возможно, история ее связана со вторым приездом Риссанена в Россию. На холсте в центре изображены две девушки, в рост, во дворе крестьянского дома на фоне изгороди. Они обсуждают рисунок ткани или фасон фартука. Скорее всего, картина была куплена на открытой 3/16 апреля 1917 г. первой самостоятельной выставке художников Финляндии. Она была организована в помещении Художественного бюро Надежды Добычиной на Марсовом поле, дом 7, на втором этаже дома Адамини⁴.

Бюро приобрело большой авторитет в художественных кругах. Добычина смогла прекрасно организовать дело, в котором давно ощущалась острая нужда: в Петербурге не было постоянных выставок-продаж, и художники с трудом находили помещение для очередных экспозиций. В добычинских залах с 1911 по 1918 г. выставлялись Бенуа, Сомов, Грабарь, Рерих, Добужинский и другие известные мастера. Остроумова-Лебедева выполнила для Бюро рисунок печати и бронзовой вывески. Пропаганда современного искусства оставалась одной из главных забот Добычиной. В январе 1917 г. пресса писала: «Надо признать, что средоточием художественной жизни Петрограда является салон Н. Е. Добычиной на Марсовом поле. Самое интересное и самое свежее в текущем сезоне неизменно находило приют в скромных залах госпожи Добычиной»⁵.

Финская выставка стала и единственным опытом выставок иностранных художников в Бюро. Известно, что первые переговоры состоялись в начале лета 1916 г. Вместе со скульптором Алпо Сайло Надежда Добычина посетила Хельсинки и встретила с тогдашним интендантом музея Атенеум Густавом Стренгелем. Было решено устроить финскую выставку в Петрограде в апреле 1917 г. Еще до окончательного сбора экспонатов мартовские события послужили новым импульсом для ее организации. В финских художественных кругах с восторгом приветствовали революцию. Общество художников Финляндии направило свои поздравления «Миру искусства», Горький также получил приветственную телеграмму, под которой стояли имена Сибелиуса, Галлен-Каллелы, Ярнефельта и Риссанена. Настроение в процессе подготовки экспозиции было невиданно русофильским. Ратую за поворот в сторону России, финский критик Л. Веннервирта выражал надежду на организацию подобной русской выставки в Хельсинки: «Наконец-то, — писал он, — настало время приступить к приобретению выдающихся произведений богатого и оригинального русского искусства для коллекции Атенеума, дела, с которым мы уж слишком долго медлили»⁶.

Беспокойное время затрудняло организацию выставки. Государственные коллекции не давали экспонатов, частные владельцы давали немного. Тем не менее, отмечает А. Рейтала, выставка получилась большая и представительная, было привезено около трехсот работ свыше сорока художников. Ретроспективная экспозиция Риссанена содержала 25 полотен, Коллин выставил 23, Томе и Ойнонен по 21, Теслеф 15 и Саллинен 14 произведений. Риссанен и Саллинен отвечали за организацию выставки и установку экспонатов. В состав выехавшей 3/16 апреля 1917 г. из Финляндии на открытие выставки делегации входили А. Галлен-Каллела, Э. Ярнефельт, В. Валгрэн, Р. Каянус, М. Энкель, А. Финч, Г. Стренгель, М. Коллин, А. Кавен и А. Сайло. Встреча делегации в украшенном красными флагами городе была торжественной, в их закрытые экипажи были впряжены лошади из царских конюшен. О событиях «финской недели» в Петрограде во всех подробностях сообщала финская пресса.

Не меньший энтузиазм наблюдался и в Петрограде по отношению к финскому искусству. В почетный комитет выставки вошли художники Н. Альтман, А. Бенуа, И. Грабарь, Н. Рерих, И. Репин, К. Сомов, писатели Л. Андреев и М. Горький, музыканты А. Зилоти, А. Глазунов, В. Каратыгин, С. Прокофьев, Ф. Шаляпин, а также политические деятели В. Набоков, А. Керенский, П. Милуков, Ф. Родичев, В. Фигнер. Был выпущен каталог с приветственными статьями, авторами которых стали Бенуа, Горький и Каратыгин. Вступительная статья Бенуа к каталогу называлась «Финляндцы и мы». Искусство Финляндии, отмечал он, ничего не прячет и не наряжено в какую-либо мишуру, а являет то самое, что оно есть. Искусство Риссанена, познавшего в детстве ужасы бродячего нищенства, имеет какую-то простонародную прелесть; оно немного наивно, с определенной склонностью к примитивизму и в то же время тонко и нежно. Он любит большие декоративные здания, тяжелые фигуры, очень просто нарисованные и очень просто расцвеченные. Он рубит свои формы и почти не признает сложной операции лепки. Но под этим чувствуется большое мастерство и уверенный вкус. Париж, считает Бенуа, продолжает быть настоящим питомником, в котором созревают финские таланты⁷. По мнению критика Л. Пумпянского, всю экспозицию выставки «держит» зал с работами Риссанена. Пумпянский (его статья «Современное финское искусство» была опубликована в весенних номерах журнала «Аполлон») относит художника к самым видным представителям финского искусства новой формации. Образцом он считает «Женщину с веретеном» — большую по размеру акварель Риссанена со спокойным ритмом линий, величавой неподвижностью позы, сдержанной и широкой красочностью. Это наиболее характерное произведение для школы в выражении новых стремлений⁸.

В Бюро Добычиной финских художников ждала пышная встреча. На открытии присутствовали виднейшие представители художественной жизни Петрограда, и царящее на нем восторженное настроение, казалось, было чрезмерным. Оркестр исполнил «Марсельезу», с речами выступили министр иностранных дел Временного правительства Павел Милуков и комиссар по делам Финляндии Федор Родичев. На стихийно

возникшем митинге говорили ветераны революционного движения Е. Брешко-Брешковская и В. Фигнер, а также Горький, Маяковский, Добычина. С финской стороны выступили Ярнефельт и Валгрэн (как глава Союза художников). «Марсельеза» и «Марш жителей Пори» звучали попеременно и на торжественном ужине в ресторане Донон (Мойка, 24). В числе двухсот приглашенных были Бенуа, Бунин, Горький, Прокофьев, Рерих, Сомов, а Каянус, Риссанен и Саллинен выступили с речами. В знак признательности Юхо Риссанен подарил Добычиной несколько своих картин. На следующий вечер в опере финнов, находившихся в бывшей царской ложе, приветствовали криками «ура», оркестр сыграл «Марсельезу».

Выставка длилась с 3 апреля по 10 мая. Если сначала посетителей бывало до трех тысяч в день, то в конце их число сократилось до двух-трех десятков. Статьи в газетах не выходили, и обещанных приобретений для музеев не делалось. Даже проданные с выставки произведения финских художников оказались неоплаченными. Очевидно, влияло обострение политической обстановки. Из записей Бунина: «Последний раз я был в Петрограде в начале апреля 1917 г. В мире тогда уже произошло нечто невообразимое: брошена была на произвол судьбы — и не когда-нибудь, а во время величайшей мировой войны — величайшая на земле страна... вдруг оборвалась громадная, веками налаженная жизнь и воцарилось какое-то недоуменное существование, беспричинная праздность и противоестественная свобода от всего, чем живо человеческое общество... Видел очень большое собрание на открытии выставки финских картин. До картин ли было нам тогда! Но вот оказалось, что до картин. Собрался “весь Петербург”, и все просто умоляли финнов послать к черту Россию и жить на собственной воле; не могу определить тот восторг, с которым говорили речи финнам по поводу “зари свободы, засиявшей над Финляндией”...»⁹ Бенуа в рецензии на экспозицию запишет: «В неудачный момент открылась выставка. Сейчас положительно не до искусства, когда речь идет просто о жизни...»¹⁰

Оба организатора выставки в Бюро Добычиной — и Риссанен, и Саллинен — были членами Ноябрьской группы, образованной в 1916 г. Художники, вошедшие в нее, сформировались под воздействием кубизма, а лидер группы Саллинен,

несомненно, повлиял на перелом в финском изобразительном искусстве начала столетия. Главная тема живописи Риссанена — труд. Его персонажи смотрят в будущее с уверенностью и самоуважением. Глубоко религиозный человек, художник не признавал деления общества на классы, не мог понять, почему финны, получив долгожданную независимость, подняли друг на друга руки в Гражданской войне 1918 г., и вскоре покинул Финляндию.

¹ *Рейтала А.* Дружба под сенью политики. Введение в историю российско-советских и финских художественных взаимосвязей. Доклад. 1980. С. 12.

² Juho Rissanen ja suomalainen kansa. Kuulumisia Pietarista. Kuopio, 1998. S. 39 / Пер. с финского языка М. А. Полякина.

³ *Valkonen M.* Finnish art over the centuries. Helsinki, 1999. S. 92.

⁴ *Суворова Л. В.* Финская выставка в бюро Добычиной (К проблемам финско-русских художественных связей). СПб., 1997. С. 79.

⁵ Материалы о деятельности Надежды Евсеевны Добычиной / Сост. Л. В. Казанская. Б. м., 1993.

⁶ *Рейтала А.* Дружба под сенью политики. С. 16.

⁷ Выставка финских художников в Петрограде в апреле-мае 1917 года // Александр Бенуа размышляет... М., 1968. С. 136.

⁸ *Пумпянский Л.* Современное финское искусство // Аполлон. 1917. № 4–5. С. 75–84. — Имя Льва Васильевича Пумпянского в наши дни забыто. Он получил юридическое образование в Университете, одновременно с учебой занимаясь в мастерской Я. Ционглинского и М. Бернштейна. С 1916 г. сотрудничал с журналом «Аполлон», издателем и редактором которого был С. Маковский. Более двадцати очерков и статей критик поместил также в журнале «Пламя», который возглавлял А. В. Луначарский. Пумпянский интересовался вопросами культурного наследия, теорией портрета и проблемами советского искусства, занимался организацией Дома художников, а с 1938 г. до эвакуации (1 марта 1942 г.) преподавал и исполнял обязанности декана искусствоведческого факультета Всероссийской Академии художеств в Ленинграде.

⁹ *Казанская Л.* Весною, в доме Адамини... Финская выставка в апреле семнадцатого // Невское время. 1993. 27 мая. — Дом Адамини был поистине домом искусства. Здесь жили поэт и художник В. Каменский, режиссер и драматург Н. Евреинов, художник Б. Григорьев. Для деятельности магазина-салона «Художественное бюро» супруги Добычины сняли десятикомнатную квартиру с окнами на Мойку и Марсово поле. Ресторан «Донон» находился неподалеку (по свидетельству Репина, лучший, какой он знал в Петербурге).

¹⁰ Выставка финских художников в Петрограде в апреле-мае 1917 года. С. 135.

М. Н. Васильева

ТВОРЧЕСТВО В ФИНЛЯНДИИ ХУДОЖНИКА-КЕРАМИСТА М. Н. ШИЛКИНА

Жизнь и творчество Михаила Шилкина остаются недостаточно исследованными в отечественном искусствоведении. В различных источниках сведения об этом скульпторе часто противоречат друг другу; есть ряд тем, которые ждут своего исследователя – об анималистической керамике Шилкина в нашей стране никто не писал. В Финляндии в 1996 г. в издательстве «В. Хагелстам» был выпущен альбом, посвященный М. Шилкину, содержащий несколько статей о его работах¹. Это стало возможно благодаря проведенной специалистами Туйя Терво, Харри Калха, Леена Ахтола-Мурхаус огромной работе, в результате которой были устранены пробелы и неточности в имевшейся ранее информации об этом художнике. Благодаря коллекционерам из Финляндии и Швеции, предоставившим его работы для публикации в указанном издании, стало возможно получить репродукции обычно не экспонирующихся произведений.

Биографические сведения о Михаиле Шилкине не относятся к общеизвестным, кроме того, фактологически достоверная и полная информация, опубликованная в Финляндии, остается малодоступной, будучи не переведенной на русский язык.

Михаил Николаевич Шилкин родился в 1900 г. в деревне Трубино Тверской губернии в многодетной семье каменотеса. После смерти отца Михаил в возрасте девяти лет вместе со старшим братом был отправлен матерью в Петербург для обучения у портного. Однако вместо этого они с братом Григори-

ем стали юнгами, затем матросами. Во время Первой мировой войны Григорий погиб на фронте. Михаил устроился на работу в типографию чертежником, вечерами учился в школе и закончил лишь семь классов. Первое знакомство с искусством авангарда на выставках относится именно к этому периоду. После революционных событий 1917 г. пришлось сменить работу и устроиться на железнодорожную станцию. Петроградский период, который Шилкин впоследствии не любил вспоминать, завершился в 1921 г.: путешествие по Ладожскому озеру на паруснике с друзьями окончилось крушением. Все они оказались выброшенными за пределы границы – на побережье Финляндии.

М. Шилкин остался в Финляндии. Некоторое время он батрачил в Миккели у одного из землевладельцев², затем работал матросом, занимался транспортировкой древесины по Финскому заливу. Благодаря помощи друзей ему удалось перебраться в Хельсинки, где он вскоре оказался в русской художественной среде. В 1924 г. М. Шилкин стал посещать курсы при Центральном училище художественной промышленности. Его влекло искусство. Уже с детства он лепил из глины фигурки людей, животных, модель местной церкви. Теперь, обучаясь на курсах, он смог, наконец, удовлетворить свои потребности в знаниях в области лепки, в резьбе по дереву и камню, а также рисованию. Закончив трехгодичный курс обучения, Шилкин в том же училище дополнительно занимался еще год исключительно лепкой. В то время он зарабатывал на жизнь грузчиком. Но впоследствии, получив водительские права, стал шофером по транспортным перевозкам.

В эти годы Михаил Шилкин был активным участником богатой событиями и разнообразной культурной жизни русской диаспоры в Финляндии. Местом встреч был «Русский клуб». Круг общения Шилкина составляли архитекторы Иван Кудрявцев, Леонид Курпатов, образованные любители искусства Нагорновы, Истомины. В конце 20-х гг. при посредничестве своих русских друзей Михаил Шилкин получил первый заказ на изготовление рельефов и украшений из дерева для мебельной фирмы «Боман», владелец которой был одним из основателей «Объединения русских художников» в Финляндии. На свой первый гонорар за творческую работу Шилкин, живший

у своих друзей Нагорновых, смог наконец снять однокомнатную квартиру на улице Фредерикинкату в Хельсинки.

В 1931 г. М. Н. Шилкин женился на Нине Альбертовне Хорстмайер, уроженке Санкт-Петербурга, работавшей в ателье Маруси Бруновой. В квартире молодой четы было множество книг по искусству, изданных на разных языках; дом был больше похож на мастерскую, потому что все свободное время Шилкин отдавал самообразованию, резьбе по дереву и лепке. Выбор материала определялся доступностью, т. е. дешевой: гипс, цемент, жель, мыло, изредка бронза. Шилкин лепил, использовал все свободное время. Оригинальный портрет президента Свинхувуда он вылепил даже из снега, что стало муссироваться журналистами, создававшими ему известность, описывавшими чудесное превращение шофера в скульптора. Судьба и далее была благосклонна к нему. Председатель «Объединения русских художников» Л. Курпатов содействовал в получении материала с фарфоро-фаянсового завода «Арабия», куда Шилкин сдавал на обжиг свои первые керамические скульптуры.

В 1933 г. М. Шилкин впервые принял участие в коллективной выставке, устроенной по инициативе «Объединения русских художников», выставлялся в 1934–1937 гг., в 1947 г. В 1935 г. он участвовал в ежегодной выставке объединения «Художники Финляндии». После выставки 1936 г. Шилкин получил первую премию и первое признание публики за керамическую скульптуру «Самсон и Далила».

Художественный директор фирмы «Арабия» Курт Экхолм заказал Шилкину скульптуру для выставки 1937 г. в Париже. Для этого было разрешено пользоваться мастерской завода. Так появилась скульптура «Самсон и лев». Чтобы М. Шилкин мог представлять Финляндию за границей, ему при содействии известного скульптора Вяйно Аалтонена дали гражданство этой страны, и летом на выставке работы Шилкина были отмечены золотой медалью. В то же время Курт Экхолм предложил Шилкину постоянную работу в «Арабия». Там же он обрел новых друзей в лице директоров Курта Экхолма и Карла Густава Херлитца, тесно сблизился с керамистами Тойни Муона, Ауне Сиимес, Биргер Кайпийнен. Языком общения был шведский; финским Шилкин так по-настоящему и не овла-

дел. Именно поэтому в воспоминаниях разных людей его образ «раздваивается». Одним он запомнился как душа общества, остроумный, обладающий чувством юмора рассказчик, открытый общительный человек, другим — как неразговорчивый и даже скованный. Однако и те и другие вспоминали его характерную раскачивающуюся походку «морского волка», сохранявшего всю жизнь любовь к парусному спорту, его импульсивную манеру работы и увлеченность искусством. Благодаря поездке на выставку 1937 г. в Париж он смог расширить свое представление об искусстве Франции.

Когда началась Вторая мировая война, Шилкин добровольно перешел на работу в цех формовщиком. В 1939 г. он принял участие в коллективной выставке, а в 1940 г. — в выставке по случаю 30-летия Союза скульпторов Финляндии. В 1941 г. Шилкина призывают в финскую армию, где он около года водил армейский грузовик, а 1942 г. он возвратился в Хельсинки и приступил к своей обычной работе в «Арабия». В 1943 г. Шилкин создает монументальные керамические рельефы, которые и поныне украшают торец заводского корпуса и его интерьеры.

В 1947 г. М. Шилкин три месяца проработал в Дании на Королевском фарфоровом заводе, где познакомился со стилем работы мастеров этого предприятия. 1950 год подарил супругам Шилкиным возможность путешествия в Южную Америку. По пути были заходы в порты Нормандии, Лас Пальмас, Рио де Жанейро и Сантос. После пребывания в Буэнос-Айресе и Кордобе у аргентинского представителя фирмы «Арабия» Шилкины провели две недели в Бельгии.

В 1951 г. М. Шилкин принял участие в 9-м триеннале в Милане, где получил почетный диплом. Тогда же он смог посетить Венецию, Флоренцию и Рим. Первая персональная выставка М. Шилкина состоялась в Хельсинки в 1952 г. Следующее участие в миланском 10-м триеннале в 1954 г. оказалось довольно успешным: М. Шилкин был награжден серебряной медалью. В 1955 г. М. Шилкин совершил поездку в СССР и спустя 34 года вновь увидел свою мать и сестер. В дальнейшем он вплоть до 1960 г. регулярно навещал их. 1958 год ознаменовался тем, что М. Шилкин был отмечен государственной наградой Финляндии — медалью «Про Финляндия».

В 1960 г. в Хельсинки состоялась ретроспективная выставка его работ.

В августе 1962 г. Михаил Николаевич Шилкин в последний раз закрыл за собой дверь своей мастерской в «Арабия». Он умер во сне от инфаркта сердца в больнице св. Марии в Хельсинки, для интерьера которой он в свое время создал керамический рельеф «Мать и дитя». Скульптор был похоронен на православном кладбище у церкви св. Ильи, стены которой украшены рельефами и керамическим крестом, созданными этим мастером.

В 1965 г. в Хельсинки состоялась памятная выставка работ М. Шилкина и А. Сиимес. В феврале 1974 г. на выставке, посвященной 100-летию фирмы «Арабия», были представлены также и работы М. Шилкина.

¹ *Ahtola-Moorhouse L., Kalha H., Terva T. Michael Schilkin. Hels., 1996.*

² *Ibid. S. 9.*

В. А. Кутузов, В. И. Демидов

**ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СКК В ФИНЛЯНДИИ
А. А. ЖДАНОВ ПО ВОСПОМИНАНИЯМ
ЕЕ СОТРУДНИКА**

Как известно, в 12 часов 19 сентября 1944 г. в Москве было подписано соглашение о перемирии с Финляндией. От имени СССР и Великобритании документ подписал председатель союзного (советского) главнокомандования А. А. Жданов. Он же и возглавил Союзную контрольную комиссию (СКК) в Финляндии.

Несомненный интерес представляют в связи с этим краткие воспоминания, написанные в марте 1992 г. подполковником в отставке Александром Андреевичем Богдановым. Они уникальны тем, что являются единственными опубликованными воспоминаниями работников СКК.

А. А. Богданов (1915 г. р.) был направлен в 1937 г. по комсомольскому набору в чекистскую школу, по окончании которой получил назначение в контрразведку Ленинградского военного округа. В составе особого отдела танковой бригады участвовал в советско-финляндской войне, а в годы Великой Отечественной войны находился на руководящей работе в органах контрразведки Ленинградского фронта. С ноября 1943 г. и до конца Великой Отечественной войны был заместителем начальника отдела управления контрразведки Ленфронта. Богданов принимал участие в операции по освобождению Ленинграда от вражеской блокады, а также в Выборгско-Петрозаводской наступательной операции. Был награжден восемью боевыми орденами, в том числе двумя орденами Красного

Знамени. С марта 1946 г. по ноябрь 1947 г. Богданов — офицер СКК в Финляндии.

В послевоенные годы А. А. Богданов стал членом Союза журналистов СССР. Он был одним из авторов известной книги «В поединке с абвером», также написал ряд очерков о действиях военных чекистов в годы войны¹. В воспоминаниях Богданов описывает деятельность А. А. Жданова в СКК.

«За время работы в СКК в Финляндии (1946—1947) мне довелось видеть А. А. Жданова только один раз. Он был одет в форму генерал-полковника, имел очень болезненный вид. Запомнились большие отеки (мешки) под глазами».

Автор подчеркивает, что он прибыл в Хельсинки в марте 1946 г., когда А. А. Жданов постоянно работал уже в Москве. Находясь в СКК в Финляндии, Богданов заметил, что ее сотрудники здесь «работали четко, слаженно, в полную меру сил, успешно решая поставленные перед ними задачи. Чувствовалось, что этот довольно большой коллектив, в состав которого входили не только военные, но гражданские специалисты, высоко организован и дисциплинирован, в чем, несомненно, большая заслуга его создателя и руководителя — Андрея Александровича Жданова».

Богданов пишет: «В процессе работы в комиссии мне довелось познакомиться с рядом документов, которые в 1944—1945 гг. направлялись начальником инспекции СКК в Финляндию генерал-майором Кожевниковым, а позднее возвращались им на хранение в инспекцию.

Запомнился документ, в котором сообщалось о недостойном поведении группы офицеров СКК, выезжавших в конце 1944 г. в один из гарнизонов финской армии для описи имеющегося в нем вооружения. Произошло это так. Начальник финского гарнизона устроил встречу командования гарнизона с нашими офицерами, на которой распивались спиртные напитки. Некоторые офицеры, в том числе имевшие звания полковника, выпили лишку и вели себя на встрече крайне недостойно».

Любопытным, однако, было отношение к этому инциденту председателя Контрольной комиссии. Богданов пишет: «На этом информационном сообщении А. А. Жданов наложил резолюцию, на основании которой незамедлительно был подго-

товлен приказ председателя СКК в Финляндии. Согласно этому приказу пять офицеров в звании полковника, допустивших недостойное поведение в гарнизоне финской армии, отчислялись из состава СКК и в течение суток должны были покинуть Финляндию с последующей отправкой на фронт. Приказ был объявлен всему офицерскому составу СКК. Этот суровый, но справедливый приказ сыграл важную роль в укреплении дисциплины личного состава СКК. Характерно, что за 3 года деятельности СКК в Финляндии ни одного ЧП в ней не произошло».

То, что Жданов стремился достаточно серьезно вникать в «финские проблемы», свидетельствовал также факт, который не преминул отметить впоследствии автор воспоминаний. Он подчеркнул «еще один штрих», который характеризовал деятельность председателя Контрольной комиссии. «Со слов сотрудников СКК, находившихся в близком окружении А. А. Жданова, — отметил Богданов, — мне известно, что во время болезни в Хельсинки Андрей Александрович приступил к изучению довольно трудного для усвоения финского языка. За несколько дней болезни он овладел двумястами финских слов»².

Что же можно заключить в целом из этих данных? Во-первых, очевидно, коллектив СКК под руководством А. А. Жданова работал сплоченно; во-вторых, к нарушавшим должностные инструкции лицам весьма быстро применялись строгие меры, вплоть до отчисления их из состава комиссии.

Однако можно предположить, что Александр Андреевич Богданов сообщал лишь малую толику известного ему, и это, безусловно, было следствием специфики его службы. К тому же, в силу занимаемого положения, получаемая им информация была ограничена определенными рамками.

Из финских источников известно, что полковник А. Паасонен, руководивший до лета 1945 г. иностранным отделом Генерального штаба, сумел наладить агентурную сеть по прослушиванию телефонных разговоров и контролю за телеграфной связью в гостинице «Торни» («Башня»), где располагалась штаб-квартира СКК в Хельсинки. Это позволило руководству Финляндии получать сведения, согласно которым СКК не занималась подготовкой оккупации страны и не планировала

лишить ее независимости...³ Конечно, утечка секретных сведений осложняла деятельность СКК в Финляндии. Но она и не делала ничего, что могло бы рассматриваться как вмешательство в управление страной. Все находилось в ведении финляндского правительства⁴.

Касаясь вопроса о пребывании А. А. Жданова в Финляндии, хотелось бы еще обратить внимание на следующее. На международной научной конференции, проходившей в 2004 г. в историко-этнографическом музее-заповеднике «Ялкала», определенный интерес вызвал эпизод, будто во время своего нахождения в Финляндии А. А. Жданов хотел особо расположить к себе Маннергейма и якобы использовал версию о своей службе под началом Маннергейма в годы Первой мировой войны. Однако документы из личного фонда Жданова не подтверждают этого факта⁵.

Тема о пребывании А. А. Жданова в Финляндии вызывает интерес и финских историков. В ряде публикаций приводятся новые факты.

¹ См.: Александр Андреевич Богданов // Армейские чекисты. Воспоминания военных контрразведчиков Ленинградского, Волховского и Карельского фронтов. Л., 1985. С. 362–363; Воспоминания А. А. Богданова, личный архив авторов.

² Личный архив авторов.

³ См.: Осмо Юссила, Септо Хентила, Юкко Невакива. Политическая история Финляндии 1809–1995. М., 1998. С. 230.

⁴ Там же. С. 232.

⁵ Российский государственный архив социально-политической истории (РГА СПИ). Ф. 77. Оп. 2. Д. 1. Л. 28.

ЭКОНОМИКА, ВОЙНА И ПОЛИТИКА

А. А. Селин

ОБ ИДЕЕ СТРОИТЕЛЬСТВА ГОРОДА В НЕВСКОМ УСТЬЕ В НАЧАЛЕ XVII ВЕКА

Невское устье в XVI столетии представляло собой динамично развивающийся район Новгородской земли. Важное значение этого места для военных и торговых путей внутри Московского государства, особенно после Ливонской войны, когда «нарвское мореплавание» было потеряно, сегодня хорошо изучено. На рубеже XVI—XVII вв. в районе Охтинского устья стояла государева корабельная пристань, неподалеку находился гостиный двор, рядом, в поместье Богдана Хорошева, была выстроена церковь архангела Михаила¹. Подойдя почти к Невскому устью в последние годы Ливонской войны, шведы по достоинству оценили их геополитическое значение. Период между Тязвинским (1595) и Выборгским (1609) договорами был временем постоянных обращений шведской администрации к московским властям с просьбой пропустить войска из Финляндии в Эстонию².

Весной 1611 г. здесь разворачиваются масштабные инженерные работы под руководством шведского офицера Линдведа Класона, в задачи которого входит принуждение Орешка к сдаче³. Именно эти работы и дали начало городу Ниену, стоявшему до 1703 г., пока он не был взят войском Петра. Уже в 1611 г. здесь была устроена таможня, где до 1618 г. велось делопроизводство на русском языке⁴. Однако новгородцам начала XVII в. дальнейшие судьбы этой территории были неизвестны: кто знал в 1611-м, да и в 1615 г., власть какого государства будет распространяться на устье Невы в ближайшие годы?

В речах московских посланников и иных информаторов Посольского приказа в канун Столбовского мира Невское устье занимает важное место. Вернувшийся из Швеции Богдан Долматов-Карпов 18 августа 1616 г. рассказывал о своих впечатлениях, полученных в Невском устье: «На пристанище в острошку нам дали судно большое полукорабельное покрытое, да в провожанье гребцов дватцет человек. И я, холоп твой, на Невском устье стоял неделю за ветром, и как учал по нас бьет ветер, и мы ехали две ночи да день болшим морем, и стал опять ветр сильной и волна велика и мы стояли на море на якорех другую неделю»⁵. Месяцем ранее строитель ладожского Ивановского монастыря Варсонофий сообщал в Тихвин о том, что «на Невском устье стоит буса болшая с нарядом с болшим, а на нем вогненного наряду четырнатцать пушек да иные болшие пушки есть, и сколь велики и в которой город тот наряд проводить, того сказал не ведает»⁶.

Однако для новгородцев того времени Невское устье было не просто важным местом, активно развивающейся частью Новгородской земли. Они видели здесь своего рода перспективу для развития.

В ночь на 23 января 1616 г. из шведского посольского стана в московский выехали три новгородца: дворяне Яков Михайлович Боборыкин⁷, Угрим Иванович Лупандин и старорусский подьячий Федор Витовтов. Прежние их (в особенности Боборыкина) услуги московской стороне, а также высокая информированность о действительном состоянии занятой шведами территории стали причиной высокого к ним внимания Посольского приказа. Доставленные в Москву, новгородцы подверглись тщательному расспросу.

Надо сказать, что информация Посольского приказа того времени о пространстве, которое занимали шведы на Северо-Западе, в том числе о городах и уездах, которые стоило отобрать у шведов, была достаточно скудной и ограничивалась в лучшем случае перечнем. В Посольском приказе всерьез раздумывали, требовать ли у шведов на московскую сторону, скажем, город Толщебор (Тольсбург) без четкого представления о его местоположении. Н. П. Лыжин упоминал такой эпизод Дедеринских переговоров: когда зашел спор о Лифляндии, московские посланцы стали утверждать, что Лифляндия — отчи-

на московских государей от времен князя Георгия Владимировича (т. е. Ярослава Мудрого), который построил город Юрьев «своим именем». В ответ на это шведские же послы спросили московских, «видели ли они, каков Юрьев Ливонский делом?»⁸ Здесь новгородцы оказались информаторами очень важными, не только рассказавшими, где какой город находится, но и оценившими фискальный (здесь, несомненно, пригодился опыт подьячего Витовтова) и геополитический потенциал каждого из новгородских пригородов.

Так, к примеру, они рассуждали об Орешке: «Орешек государю прибылен, уездом велик и пошел уездом блиско к Новгороду, толко за семдесят верст от Навагорода. И Ладожское озеро и Нева река и Заневские погосты — все то к Орешку. И толко Орешка поступятца, и Новгородцкого уезда Заонежские погосты и Олонец будут за хрептом, и Ладожское озеро и Нева река отойдет»⁹.

А так они судили о Копорье, Яме и Ивангороде: «А Копорья уездом болши к Орешку и живущее и земля лутче, а к Новгороду Копорской уезд ближко помещиковыми землями, а не дворцовыми селы. А дворцовые селы от Навагорода далече, верст за сто и болши, то звали Копорским уездом. А помещиковы земли от Копорья приписаны к Новгороду и называют Новгородским уездом, и ведали к Новгороду, а в Копорье помещиковых земель не ведают. И доходом Копорья Орешка болши, токмо Орешек город крепче и Новгороду замок в государеву сторону лутчи. А Яма город и Ямской уезд подошел к Иваню городу, а уезд невелик, всево пять погостов, а доходом Копорья гораздо был менши, а Ивангородцкого уезда доходом был болши. А Ивангород крепок городом, и что было доходов с посаду и тамги, тово не ведает, а уездом невелик, и в болшом мести от города уезд на 15 верст, и доход с уезда был невелик, менши всех городов».

Однако и в этом случае Боборыкин не ограничивается описанием, но приводит чрезвычайно ценное наблюдение: «А толко вместо Иванягорода учинити судовая пристань на Невском устье, и в Иванегороде прибыли не будет, а Невское устье в Ореховском уезде».

Таким образом, налицо анализ новгородским дворянином геополитической ситуации в Новгородской земле. Явная не-

удача Ивана III с выбором места для строительства Ивангорода — возможного торгового соперника Нарвы могла, по мысли новгородца, быть компенсирована возведением торговой фактории в Невском устье. Обращает на себя внимание то, что Боборыкин, несмотря на свою особую роль в истории последних двух лет существования шведской администрации в Новгороде, все же не принадлежал к лицам, принимавшим в Новгороде сколько-нибудь ответственные решения. В этом сообщении новгородца мы сталкиваемся с общими представлениями новгородского дворянства о перспективах развития урбанизма на Северо-Западе.

¹ Подробнее см.: *Селин А. А.* К исторической топографии Невского устья на рубеже XVI—XVII вв. // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения А. Д. Грача. СПб., 1998. С. 269—272.

² *Флоря Б. Н.* Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI — начале XVII века. М., 1973. С. 64—65, 133; Грамота шведского короля о разрешении его воинским людям пройти в Ругодив по русской земле берегом. 1607. 3.02 // Смутное время Московского государства. Вып. 2. Акты времени царя Василия Шуйского (1606, 19 мая — 1610, 17 июля) СПб., 1915. Кн. 2. № 72. С. 85.

³ *Löfstrand E.* Annals // Accounts of the occupied city. Catalogue of the Novgorod Occupation Archives 1611—1617. Stockholm, 2005. P. 39.

⁴ Подробнее см.: *Коваленко Г. М.* Таможенная запись 1615 г. о взимании пошлин в Невском устье. Новгород, 1998; *Селин А. А.* Таможенная книга Невского устья 1616—1618 гг. // Новгородский исторический сборник. Вып. 10 (20). СПб., 2005. С. 475—482.

⁵ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 96. 1616. Д. 8. Л. 485—494, 498, 504. Список дворянина Богдана Карпова, как он ездил в Швецию к голландскому посланнику с письмом от государя. 1616. 18.08.

⁶ Там же. Л. 170, 134—136. Расспросные речи крестьянина Ларки Федотьева о вестях от строителя Варсонофия перед послами кн. Д. И. Мезецким с товарищами в Тихвине. 1616. 16.07.

⁷ Биография Я. М. Боборыкина была специально рассмотрена Г. А. Замятин: *Замятин Г. А.* К вопросу об избрании Карла Филиппа на русский престол (1611—1616 гг.). Юрьев, 1913. С. 122—127.

⁸ *Лыжин Н. П.* Столбовский мир и переговоры, ему предшествовавшие. СПб., 1857. С. 48.

⁹ РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 3. Л. 181, 183, 182, 184 (листы перепутаны). Здесь приведены цитаты из: Расспросные речи Якова Боборыкина и Федора Витовтова в Посольском приказе о расстояниях в Новгородской земле. 1616, февраля между 10 и 21.

А. Ю. Жуков

**ПРЕДЫСТОРИЯ ПЕТРОЗАВОДСКА:
УНИКАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕРРИТОРИИ.
XII—XVII вв. ***

В 1703 г. в устье реки Лососинки началось строительство Петровского завода, который при своем основании получил название Шуйский завод. При заводе возникла слобода, которая в 1777 г. была преобразована в город. До XVIII в. на территории будущего завода и слободы не существовало никакого поселения. Между тем для успешного развития любого завода с поселением требовалось соблюдение ряда условий. Это и хорошее техническое оснащение, и квалифицированная рабочая сила, и наличие поблизости богатой топливно-сырьевой базы, разветвленные внутренние и внешние коммуникации, крепкое сельскохозяйственное производство и, наконец, система внутренних локальных рынков. Другими словами, для горнозаводского комплекса, каким являлся Петровский завод, требовалась развитая инфраструктура. Но в 1700 г. началась знаменитая Северная война России со Швецией, и потребности армии в современном вооружении резко возросли. Казалось бы, в условиях войны предпочтение должно отдаваться тем районам, где такая социально-экономическая инфраструктура заводского типа уже существовала хотя бы в общих чертах. Поэтому возникает вопрос, почему новый завод был поставлен на безлюдных берегах Лососинки? Более того, почему в течение

* Статья написана при поддержке РГНФ: проект № 06-01-12110в «Разработка географической информационной системы "Электронный каталог населенных мест Карелии XV—XX в."», 2006—2008 гг.

всего лишь нескольких лет он стал крупнейшим в России горнозаводским комплексом, который выпускал весь спектр тогдашнего армейского и корабельного вооружения, причем лучшего в стране вооружения, которое царь Петр распорядился передавать только в свои элитные гвардейские полки?¹

Наше недоумение еще более возрастет, если мы вспомним, что к тому времени на территории Карелии на реке Пяле уже полтора века успешно действовала мануфактура Железная пустынь, принадлежавшая Соловецкому монастырю. Она выпускала не только необходимые в быту вещи, но даже отличные ружья и пушки, которые стояли на вооружении многих крепостей страны. Царь Петр не национализировал это производство, а предпочел его попросту закрыть, чтобы оно не создавало конкуренции Петровскому заводу. Столь же непростой вопрос встает при взгляде на пять Олонецких заводов в Заонежье, на северном берегу Онежского озера. Они строились с 1680-х гг. на средства бюджета Олонецкого уезда, но принадлежали частному лицу датчанину Генриху Бутенанту фон Розенбушу. Уже в самом начале войны, в 1701 г., они поставили для армии 100 пушек крупного калибра, 20 400 ручных гранат, 10 тыс. ядер и 760 бомб. После смерти Бутенанта, в 1703 г., эти заводы были национализированы и вместе с новым Петровским заводом составили комплекс Олонецких Петровских горных заводов. Но в тех же 1700-х гг. они исчерпали ресурс близлежащих руд и были закрыты.

Именно на это обстоятельство обращают внимание историки, когда объясняют причину строительства нового Петровского завода и то обстоятельство, что завод стал головным предприятием всего Олонецкого горнозаводского округа. А тот факт, что при нем действовала Канцелярия, которая управляла землями вокруг Онежского озера, рассматривался как основание для передачи ей полномочий уездных органов власти и что тот же принцип управления был использован при создании Олонецкой губернии с центром в городе Петрозаводске с его Александровским пушечным заводом.

Однако около самой Петровской слободы не было больших запасов железной руды. Наоборот, почти во всех обширных землях вокруг Онежского озера 50 тыс. крестьян округа Олонецких заводов выполняли в пользу Петровского завода

трудовые повинности, например: копали у своих деревень железную руду и выплавляли из неё полуфабрикат крицу, заготавливали лес на топку горнов. За это они были освобождены от выплат основных налогов в казну, став приписными крестьянами². Но разве ту же самую организацию нельзя было применить к уже имевшимся заонежским заводам, ставшим казенными? Зачем нужно было тратиться на новое предприятие, создавая из него крупнейший завод? Поэтому аргумент, что у заонежских заводов не хватало сырьевой базы, на поверку оказывается неубедительным.

Остановимся и на другом моменте. Говорят, что место для Шуйского (Петровского) завода было выбрано из-за реки Лососинки, дававшей отличный сток воды для работы заводских механизмов: молотов дляковки орудийных стволов, станков для сверления канала ствола у пушек и т. д. Но ведь этот сток потребовал значительных инженерно-строительных работ по его регулированию. Были возведены плотины у двух озер, питающих Лососинку, — у Машезера и Лососиноного. Последнее даже стало первым в стране водохранилищем. Если мы учтем масштаб работ, то возникает вопрос: почему они не могли быть проведены силами многочисленных крестьян Олонецкого горного округа на какой-нибудь другой реке, пусть и менее многоводной, например, на реке Лижма, где уже действовал один из заонежских заводов? Поэтому использование выгод сильного стока Лососинки нам представляется отнюдь не главной причиной строительства и мощного развития Шуйского завода.

Развитие завода поддерживалось наличием в нем высококлассных специалистов, которых переводили на новый завод из множества других предприятий, прежде всего из Тульских оружейных заводов, которые ранее принадлежали все тому же датчанину Бутенанту, а после его смерти были национализированы. Но ведь и за 10, и за 20 лет до этого Бутенант делал то же самое, переводя из-под Тулы в Заонежье своих специалистов. А старейший соловецкий завод Железная пустынь вообще обходился собственными квалифицированными кадрами. Почему же все-таки новый Петровский завод стал головным предприятием округа Олонецких заводов? Мы рассмотрели несколько причин этому и не нашли исчерпывающего ответа.

Очевидно, его следует искать в комплексе уникальных особенностей самой местности, в которой возник Шуйский завод. Одну из них, природную, мы уже упомянули. Действительно, Лососинка являлась единственной рекой на западном, северном и южном берегах Онежского озера с сильным стоком по достаточно узкому руслу, удобному для строительства плотин. Восточный же, пудожский, берег был слишком отдален от театра боевых действий и не подходил с точки зрения доставки продукции в армию.

Рассмотрение уникальных особенностей Петрозаводска — это выяснение предыстории города с начала его хозяйственного освоения человеком, т. е. примерно с рубежа I—II тысячелетия н. э. Именно тогда Карелия попала в орбиту широкой международной торговли. Самое северное ответвление Великого шелкового пути между Китаем и странами Европы шло по Волге до ее верховий. Затем дорога вела купцов по рекам и волоку на север, к Вытегре, вдоль южного берега Онежского озера в Свири, а по ней в Ладогу, Неву и Балтику. Тут, на севере, и встречались два торговых потока. На емкий международный рынок Север предложил свой товар — пушнину. Именно с торговлей пушниной на Свири и в Приладожье, по берегам Онежского озера и в саамских святилищах в тундре связаны многочисленные клады серебряных монет. Некоторые из них содержали до десяти тысяч монет восточной и западной чеканки. Знаток торгового дела перс Бируни (X в.) писал: «Серебро легче перевозить, чем те необходимые предметы, которые на него можно купить». В окрестностях Петрозаводска в XIX в. нашли клад восточных монет (около 660 монет в основном чеканки городов Багдадского халифата). А в 1972 г. обнаружен клад на озере Сандал (Кондопожский район): 71 западноевропейская монета XI—XIII вв. и 3 восточных дирхема³. Эти находки доказывают включение западного побережья Онега в торговую зону. При этом уже в конце I тысячелетия н. э. по петрозаводским местам торилась главная торгово-промышленная дорога Карелии от Ладоги к Белому морю: по Свири, Важенке и Олонке в верховья к реке Шуе, от нее вниз до устья, т. е. до района Соломенного, затем по озеру в Уницкую губу Онега, где путь сворачивал на Заонежский полуостров, пересекая его с запада на восток по рекам, озерам и волокам —

к Шунгге и Повенцу, а оттуда через водораздел к Выгозеру, потом по волокам на реку Суму и, наконец, к Белому морю. Участок длинной трассы от низовий Шуи до Повенца всегда являлся ключевым. Вдоль него и сосредоточены главные находки археологов, проследивших путь древних добытчиков. Очевидно, что первым из известных нам народов, проторивших главную торгово-промысловую дорогу Карелии и ее ответвления, были саами, а ко II тысячелетию эти водно-волоковые пути взяла под свой контроль весь. С древневепсской колонизации берегов Онежского озера и ведет свое начало история заселения западного Прионежья, в том числе и окрестностей будущего Петрозаводска. Об этом свидетельствуют десятки местных топонимов, производимых из вепсского языка и зафиксированных переписью 1563 г.

Из топонимов новгородских времен бесспорно русскими являются только четыре названия: озеро Лососинное и река Лососиница (ныне Лососинка), деревня Заозерье на Логмозере и куст деревень «на Бесовце». О второй же петрозаводской речке Неглинке следует сказать, что в те времена она звалась Нигиница, и русским в топониме является лишь суффикс⁴.

В XIII–XV вв. в Карелии происходят значительные государственно-административные, церковно-приходские и вотчинно-феодальные преобразования. Вокруг Онежского озера сложились погосты, т. е. сельские районы. Берега по обе стороны нижней половины течения Шуи и низовья Суны, Лососинное, само побережье Онега от Деревянного на юге до кондопожской округи на севере образовали Никольский Шуйский погост с центром в местности «на Видоне» (ныне — Виданы). Онежский берег к югу от Деревянного, включая вепсский район Ладва—Шокша—Шёлтозеро и Машезеро, вошел в состав Рождественского Остречинского погоста. С запада к Шуйскому погосту примыкало Сямозерье, включавшее среднее течение Шуи. Сямозерье принадлежало Рождественскому Олонецкому погосту. С юго-запада у Святозера к Шую подходили земли Воскресенского Важинского погоста. С северо-запада Шуйский погост граничил с Корельской землей, северная половина которой называлась Лопскими погостами; из них к Шуйскому подступали погосты Никольский Линдозерский и Пречистинский Семчезерский. Наконец, с севера Шуйский

погост граничил с Никольским Шунгским, а с востока — со Спасским Кижским погостом. При этом шуйские и кижские деревни стояли вперемешку в устье р. Суны в районе Кондопоги и по западным берегам Заонежского полуострова. Такое административное разграничение на погосты, имевшее место в новгородское время, без изменений перешло в московский период истории — XVI–XVII вв.

Обращает на себя внимание двойное наименование погостов. По традиции оно складывалось из названий церкви и местности, в которой стояла церковь. Так как на Шую была поставлена церковь во имя св. Николая, епископа Мир Ликийских («великого чудотворца Николы», «Николы-угодника»), и сам погост тоже получил название Никольского Шуйского. Церковь ставилась и содержалась за счет местного населения, объединившегося в приход, поэтому и выбор посвящения зависел от желания прихожан. Св. угодник Николай считался покровителем путешествующих по земле и особенно по воде. Посвящение вновь поставленной приходской церкви именно Николаю Чудотворцу выдает главное желание жителей — обеспечить безопасность плавания судов по водам рек и озер с помощью небесного покровителя. Это еще одно подтверждение давней специфики шуйских земель как ключевого передаточного звена на длинном пути с Ладоги на Белое море. Другая половина данной центральной части трассы проходила по землям и водам Шунгского погоста, и жители его также посвятили свою церковь св. Николаю, заступнику всех путешествующих. Святоникольские церкви появились в главных пунктах древних торгово-промысловых путей по всей Карелии и Поморью⁵.

Вскоре в Шуйском погосте, в отдаленной местности на Кондопоге появилась новая церковь — Успения Пресвятой Богородицы⁶. Кондопожская приходская община нуждалась, конечно, в собственной церкви из-за удаленности главной церкви погоста на Шую. История возникновения кондопожской «выставки»-волости напрямую связана с петрозаводскими местами, общими для деревень шуйского никольского прихода и кондопожского успенского. Прихожане церкви св. Николая жили в деревнях по берегам Шуи, на Логмозере и «на Соломяне-озере», в Ялгубе, но данные шуйские владения в районе

будущего Петрозаводска пересекались с кондопожскими, чьи селения лежали по широкой полосе вдоль западного берега Онега, от Кондопоги до Деревянного, в том числе на устье Шуи в Логмозеро, на Логмозере и у озера Лососино. В петрозаводской местности стояли и деревни Бесовецкой вотчины новгородского Спасо-Преображенского Хутынского монастыря (в районах Бесовца, Логмозера и Ялгубы), и селение шуйско-кончезерских своеземцев (наследственных потомков племенной знати веси) — деревни Заозерье на Логмозере и в Ялгубе. Район будущего Петрозаводска приобретает важнейшее значение в крестьянском освоении всего западного побережья Онега. Здесь, в низовьях Шуи, уже в новгородское время не только проходила важнейшая коммуникация средневековой Карелии, но и складывался узловой аграрный центр западного Прионежья, привлекательный и для общин, объединенных в два прихода, и для вотчинников.

Развитию хозяйства на берегах Шуи весьма способствовала и массовая волна переселения карелов из Корельского уезда, который занимал земли северо-западного Приладожья. В конце XVI в. и с 1611 по 1710 г. он находился под властью Швеции. К 1646 г. у Никольского Шуйского погоста имелись не только Никольский Виданский приход и Успенская выставка в Кондопоге. Крестьяне деревень в Виданах и на Бесовце составляли уже два полноценных прихода со своими церквями в центре погоста — во имя св. Николая Чудотворца и Рождества Иоанна Предтечи. Кроме того, на Виданах же обособилась отдельная волостка с собственной церковью св. Николая. На востоке погоста выделился приход на Ялгубе, и тоже с церковью «во имя великого чудотворца Николы». На севере появился приход на Муозере с церковью во имя пророка Ильи⁷. Аналогичные процессы происходили повсюду между Ладогой и Онегом⁸. Но в более восточные районы карелы переселялись в меньшем количестве, нежели в западные, приграничные. Поэтому у карелов-людиков более явны вепсские корни, чем у карелов-ливвиков. Но определяющая роль приходской системы в формировании людиков и ливвиков очевидна: она сплачивала и объединяла, способствуя породнению местных жителей и переселенцев. Другой важный фактор мирного проживания людей различной этнической принадлежности —

это налоговая политика правительства. Дело в том, что переписи проводились раз в два-три десятилетия, и именно с количества учтенных в них хозяйств начислялись налоги. И чем плотнее между двумя переписями заселялась та или иная местность, тем меньшая сумма налогов приходилась на одно дворохозяйство. Наконец, к формированию карелов-людиков привели жестокие события Ливонской войны и шведской интервенции 1610-х гг. Множество деревень стояли пустыми из-за гибели жителей, выжившие были разорены, а налоги приходилось выплачивать. Поэтому местное население привлекало переселенцев карелов на свои изрядно запустевшие земли. Уникальный полиэтничный состав местных жителей затем перешел в полиэтничность населения Петрозаводска. Именно в сложившемся толерантном отношении друг к другу мы видим корни спокойной этнической обстановки в Петрозаводске, отличавшей город все три века его истории.

Обращает внимание наличие среди товаров на продажу хмеля. Наш край находится на севере страны. Хмель по своим особенностям просто не может давать большой и устойчивый урожай в неблагоприятных климатических условиях. Следует учесть, что на конец Средних веков и начало Нового времени приходится время так называемого «малого оледенения». Но налогом облагались не все без исключения товары, продававшиеся в Виданах, а лишь те из них, которые ежегодно и устойчиво поставлялись на рынок в больших количествах. Если в число этих товаров попал хмель, значит в этот суровый для сельского хозяйства период низовья Шуи находились в одной из наиболее благоприятных по климатическим условиям местностей Обонежской части Карелии. Вот ответ на вопрос, почему низовья Шуи оказались столь привлекательны и для крестьян, и для различных категорий вотчинников еще в новгородский период истории края. Именно этот район был весьма густо заселен, а «в перекрестье» сельскохозяйственных интересов находились ближайшие окрестности будущего Петрозаводска. Кстати, если наложить карты заселения Шуи в Средние века и в наши дни, то мы получим вполне сравнимую картину. Думается, что когда царь Петр принимал решение о строительстве завода, то учитывал и фактор нахождения предприятия в самой непосредственной близости от развито-

го в сельскохозяйственном отношении района, который мог снабжать работных людей продовольствием.

С конца XVI в. шуйские крестьяне вплотную занялись широким железодельным промыслом. Производство железа и изделий из него являлось главным производственным промыслом карелов. Особенно ценился карельский уклад (высокоуглеродистое железо, по качеству близкое стали), изделия из него расходились по всей России. Полосы железа и гвозди постоянно закупались поморами для огромных сковород-«цренов», на которых они выпаривали соль из морской воды. Торговлей железом заведовали скупщики из числа богатых крестьян⁹. И когда с конца XVI в. карелы стали переселяться в Шуйский погост, они принесли с собой опыт крупного рыночного производства железа. Известно, например, что в 1608 г. Соловецкий монастырь закупил у шуйских скупщиков Никиты Фомина и Степана Родионова 1582 полосы и 67 пудов железа. Исследовавший становление общероссийского рынка академик С. В. Бахрушин выделял Шуйский погост и заселенную карелами среднюю и северную Карелию как один из главных в стране районов по товарному производству изделий из железа¹⁰. По существу, в лице скупщиков и их поставщиков-кузнецов мы видим раннекапиталистический тип организации производства — так называемую «рассеянную мануфактуру», которая особенно была характерна для северной Италии. Но и северная Россия также не избежала этих ранних ростков буржуазного развития.

Итак, выбор Шуйского погоста для строительства завода диктовался еще и тем обстоятельством, что там проживало значительное число высококвалифицированных специалистов, которых можно было сразу же привлечь для производства разнообразного оружия. В Заонежье же местные кузнецы уже работали на пяти заонежских заводах. Но для успешного развития товарного производства и доставки товара к потребителю важнейшим условием выступает разветвленная и надежная транспортная сеть. Выше уже шла речь о древней водно-волоковой трассе. А уже с середины XVI в. устье Шуи и Соломенное становятся главным узлом коммуникаций Карелии.

К середине XVI в. шуйские коммуникации включали не только основной магистральный водно-волоковый путь, но и сухопутную дорогу с Шуи на север. О ней упоминает Лихачев, описывая рыбные угодья шуян: озеро Падозеро на Сунской дороге¹¹. Сама же дорога была частью большого сухопутного пути с Повенца на Соломенное, о чем свидетельствует Дорожник Ионы Соловецкого, бродячего монаха, который с 21 декабря 1599 г. по 5 января 1600 г. совершил путешествие из Палеостровского монастыря в Тихвин¹². Сначала Иона добрался из Палеострова в Шуньгу, а оттуда по зимнику к Суне. Потом его путь пролегал к реке Шуге (30 верст) и от нее «в Соломея, тут же и Петровский мон<асты>рек» (еще 5 верст). Затем он ехал через Деревянное, Ладву в Александро-Свирский монастырь, а оттуда в Тихвин.

Итак, Сунская дорога заканчивалась у Петропавловского монастыря в Соломенном, а от него путь пролегал вдоль западного берега Онежского озера. Но через Соломенное же шла и водная трасса по Шуге в Заонежье и на Повенец. Ее также никак нельзя сбрасывать со счетов, так как в XVII в. она продолжала активно использоваться, судя по сведениям официального государственного дорожника XVII в. под названием Книга Большому чертежу. Сама «Книга» являлась как бы приложением к генеральной карте Российского царства («Большого чертежа»). В ней содержится подробное описание всех тогдашних важнейших коммуникаций страны. В основной редакции 1627 г. сказано: «А в Онежское озеро, подле горы от западу, пала река Повинец, а Повинец течет от верху реки Олонца; от западу ж в Онежское озеро пала река Шуйка»¹³. Совершенно очевидно, что река Повенец — это и есть известная нам водно-волоковая трасса с верховьев Олонки через Шугу и Заонежский полуостров, которая выходит к Повенцу с запада. Старинный и обустроенный водно-волоковой путь с верховьев Олонки через Шугу до Повенца был так привычен, что получил особое название река Повенец.

Значение Соломенного как главного узла коммуникаций российской части Карелии подтвердилось в трагичные 1610-е гг. во время иностранной интервенции в Россию. Осенью 1613 — весной 1614 г. состоялся бесславный рейд нанятых шведами запорожских казаков полковников Барыша

Польца и Сидорки по северу России. Они шли через Вытегру, Андому, Пудожский край и Каргополь к Холмогорам и Архангельску, потом повернули к западу на Сумский острог. Затем, не сумев захватить эти крепости, запорожцы отступили на Заонежский полуостров. Не взяв Шунгский и Толвуйский остроги и потерпев поражение под Падмозером у Толвуи, банда пошла на Олонец, где 5 марта 1614 г. и была разгромлена состоявшими на русской службе ногаями мурзы Барая Кутумова и русскими казаками. Пленные показали, что у Архангельска интервенты разделились, большая часть ушла к Суме, а меньшая двинулась к городку Шенкурску на реке Ваге. Не взяв и его, противник пошел на соединение с основными силами, что и произошло в районе Соломенного¹⁴. Между Соломенным и Шенкурском тысяча верст. Но в устье Шуи находился самый крупный узел коммуникаций всей Обонежской Карелии. К нему и пришли интервенты, перейдя по льду Онежского озера.

Из Соломенного оживленные транспортно-торговые пути расходились во все стороны света. Данный район и облюбовал царь Петр для строительства завода. При этом главный центр коммуникаций Карелии просто переместился несколько к югу, четко локализовавшись в одной географической точке — при Шуйском (Петровском) заводе и его слободе. Для сравнения: в Повенце, т. е. во втором по значимости центре коммуникаций русской части Карелии, тогда же был возведен Повенецкий железодельный завод. Но район Повенца, конечно же, значительно уступал по своим условиям в отношении развития крупного производства. Поэтому Повенецкий завод занял подчиненное положение по отношению к головному Петровскому заводу.

Конечно, несравненно лучшие условия были на густо заселенном и уже освоенном заводской промышленностью Заонежском полуострове, в его Кижском погосте. Но при всей привлекательности Кижского погоста царь все-таки сделал выбор в пользу Шуи. Почему? Можно было не сомневаться, что зажиточные кижане, которые владели всеми лучшими рыболовными промыслами Онежского озера, весьма недоброжелательно отнеслись бы к новому строительству. Ведь постройка на их землях пяти Олонецких заводов и работа на

них методом закрепощения («приписки») обошлась правительству очень дорого — кижане восстали; руководили восстанием именно наиболее зажиточные члены кижских общин. Первое Кижское восстание длилось с 1694 по 1696 г. Все это время заводы не работали. Правительство подавило сопротивление, однако не применило репрессий к кижанам, удовлетворившись возобновлением работ¹⁵. Власти отлично помнили об этом уроке в 1703 г., когда война уже разгорелась. Дальнейшее крепостническое развитие заонежской металлургии поставило бы под угрозу военные планы Петра по освобождению невских земель и удержанию их под своей властью.

Рядом с Кижским располагался Шуйский погост. Тут имелись и сырье, и лес, и квалифицированные рабочие руки. В Соломенном располагался главный коммуникационный узел всего западного Приладожья и перекресток проторенных торговых путей, от которого они расходились во все стороны. Основные из них шли как раз в нужном направлении — на Ладогу. Местное население имело налаженные торгово-производственные рыночные связи с различными областями страны. Наконец, тут же, на устье Шуи, от Видан до Логмозера и Ялгубы, лежал обихожанный многими поколениями район крестьянского освоения. Подобные доводы и обстоятельства и склонили Петра I к строительству пушечного завода именно в Шуйском погосте. Само устье Лососинки лишь усиливало привлекательность выбранного места, река давала отличный источник механической энергии для производственного оборудования. К тому же вся Лососинка оказалась незанятой крестьянскими поселениями и полями. Поэтому завод встал на свободном от крестьянских угодий месте, на устье Лососинки, у оживленной дороги.

¹ История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 212–214.

² Балагуров Я. А. Приписные крестьяне Карелии в XVIII–XIX вв. Петрозаводск, 1962.

³ Спиридонов А. М. Нумизматические источники по истории Приладожья и Обонежья конца I — начала II тыс. н. э. // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1984. С. 140; Карелин В. А. История Кондопожского края в дореволюционный период // Карелин В. А., Карпенко А. С.,

Пудышев Г. Я., Яковицкий В. М. Кондопога: Очерки истории и культуры края. Петрозаводск, 1996. С. 17.

⁴ Писцовая книга Обонежской пятины 1496 г.; Писцовая книга Обонежской пятины 1563 г. (ПКОП) // Материалы по истории народов. Л., 1930. Вып. 1. С. 114, 117, 119, 123.

⁵ История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 175.

⁶ Жуков А. Ю. «Успенская выставка в Кондопоге» в XV–XVI вв. // Кондопожский край в истории Карелии и России: Материалы III краеведческих чтений, посвященных памяти С. В. Шежемского (7–8 апреля 2000 года). Петрозаводск; Кондопога. 2000. С. 54–59.

⁷ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1209. Поместный приказ, Вотчинная канцелярия, Вотчинный департамент. Оп. 1. Кн. 980. Переписная книга Заонежских погостов 1646/47–1647/48 гг. И. П. Писимского, Л. Сумина и подьячего Я. Еувфимьева. Л. 95–112 об.

⁸ Жуков А. Ю. Олонецкий край в составе России // Олонец: Историко-краеведческие очерки в двух частях. Петрозаводск, 1999. Ч. I. С. 44–45.

⁹ Шаскольский И. П. Развитие ремесла и возникновение мануфактуры в Карелии в XVI–XVII в. // Материалы к советско-финскому научному симпозиуму по истории ремесла и возникновения мануфактурной промышленности (XIV–XIX века). Ленинград, 11–15 декабря 1972 г. Л., 1972. С. 27–28, 34.

¹⁰ Бахрушин С. В. Очерк по истории ремесла, торговли и городов Русского централизованного государства XVI – начала XVII в. (к вопросу о предпосылках всероссийского рынка) // Научные труды. Т. 1. М., 1952. С. 64–67.

¹¹ ПКОП. С. 123.

¹² «Дорожник Ионы Соловецкого» обнаружил и опубликовал археолог Б. Н. Морозов. Вновь опубликовал и проанализировал сведения источника о кондопожских местах А. М. Пашков (см.: Пашков А. М. Дорожник Ионы Соловецкого как источник по истории Кондопожского края в конце XVI – начале XVII в. // Кондопожский край... С. 60–62). — Мы используем его публикацию.

¹³ Книга Большому чертежу. М.; Л., 1950. С. 157. В другом списке основной редакции 1627 г. написано правильно: «пала река Шуя» (Там же, сноска 7).

¹⁴ РГАДА. Ф. 210. Оп. 17. Д. 8. Ст. 2. Л. 14–20 («Распросные речи черкасского сотника Федьки Бутова»).

¹⁵ Коваленко Г. М. Первые металлургические заводы в Карелии (1670–1703). Л., 1979. С. 44, 58, 79–80.

Т. А. Базарова

**НОВГОРОДСКИЕ КРЕСТЬЯНЕ
НА ГОРОДОВОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ
В ИНГЕРМАНЛАНДИИ В 1702—1703 гг.**

В связи с началом Северной войны в России происходил постепенный рост всех государственных повинностей: и денежных, и особенно натуральных (поставок фуража и хлеба, подводной, постоянной, отработочной и т. д.). Из-за близости района военных действий основная задача обеспечения русской армии в Ингерманландии всем необходимым легла на жителей Новгородской земли. Самой тяжелой из всех повинностей для новгородских крестьян с началом Северной войны стала работная повинность, поскольку надолго отрывала крестьян от сельского хозяйства. Крестьяне месяцами строили струги и шмаки на реке Сясь, возводили оборонительные укрепления, крепости, изготавливали и доставляли в указные места строительные материалы¹.

В начале XVIII в. в Новгороде велись работы по усилению старых каменных стен новыми земляными укреплениями. В 1702 г. порядок отбывания этой работной повинности определили два указа Петра I. Согласно первому распоряжению, в Новгород с Новгородского уезда отправили по подводе с подводчиком с каждых пяти дворов и по пешему работнику с каждых трех. 24 июля 1702 г. по новому указу в Великий Новгород в дополнение к первой высылке велели снаряжать по пешему работнику с каждого двора, учтенного в переписных книгах 1678 г. Так, с вотчин Тихвинского монастыря в Новгородском уезде и Тихвинском посаде, насчитывавших 241 двор,

выслали в Великий Новгород сначала 38 подвод с проводниками, а затем еще 241 человек. Таким образом, в 1702 г. только Тихвинский монастырь отправил на городские работы в Новгород 272 работника².

В 1703 г. в Новгород крестьян уже не снаряжали, поскольку приоритетными работами в Ингерманландии стали восстановление укреплений «новозавоеванного» Шлиссельбурга и строительство деревоземляной крепости в устье Невы. Осада и штурм 11 октября 1702 г. шведской крепости Нотебург стали первым шагом на пути завоевания Ижорской земли русскими войсками. Вскоре после штурма в переименованной царем в Шлиссельбург (Ключ-город) крепости начались ремонтные работы. Ими руководили Петр I и его ближайшие сподвижники — А. Д. Меншиков, Г. И. Головкин, Н. М. Зотов, К. А. Нарышкин и Ф. А. Головин, по именам которых были названы бастионы³. Тогда же близ крепости наладили мелкий судовой ремонт. Однако присланных весной 1703 г. по наряду из Тихвинского посада к «судовому делу» в Шлиссельбург десятых кузнецов «с кузнечными снастями и с точилы» после отработки положенного срока задержали там же для «городового строения». 19 июля 1703 г. указ Петра I и распоряжение А. Д. Меншикова обязали Тихвинский монастырь прислать им на смену других «самых добрых кузнецов десять же человек», а «кузнечные снасти даны им будут в Шлюсенбурхе прежних вышеписанных кузнецов». Для доставки мастеровых к месту работы из Шлиссельбурга в Тихвин был направлен солдат Матвей Шубинский⁴. Летом 1703 г. по распоряжению И. Ю. Татищева с Тихвинского уезда снаряжали крестьян «з дву дворов по человеку на его Великого государя работу в Шлюсенбурх» на два месяца (с 3 августа по 3 октября). Отправленным в Шлиссельбург работникам с оставшихся дворов собрали «на подмогу и на корм по два рубли на месяц»⁵.

Для городского дела новгородские крестьяне круглый год изготавливали известь на р. Сясь. Процесс этот проходил в несколько этапов. Вначале выламывались известные плиты, затем их выжигали в печах. Полученную известь складывали в бочки, которые доставлялись в указные места на стругах или телегах. Обычно у каждой печи трудилось сорок работников. В 1702—1703 гг. известь предназначалась для ремонта постра-

давших при штурме каменных укреплений Шлиссельбурга. Для того чтобы полностью обеспечить городские работы известью, 25 ноября 1702 г. по указу Петра I шлиссельбургский губернатор Александр Данилович Меншиков распорядился: крестьянам и бобылям Софийского архиерейского дома, а также Иверского Валдайского, Успенского Тихвинского и Александро-Свирского монастырей «выжечь в удобных местах пятьдесят печей»⁶. В 1703 г. известь для Шлиссельбурга стали заготавливать и в Свинорецком погосте на реке Шелонь⁷. Обычно из одной печи получали от 400 до 500 бочек извести. Если монастыри нанимали каменщиков, то каждая печь им обходилась в 200 рублей, если жгли известь своими работниками, то на треть дешевле⁸.

Весной 1703 г. русская армия продолжила успешное наступление в Ингерманландии. 1 мая 1703 г. капитулировал Ниеншанц, а 16 мая в устье Невы состоялась закладка крепости и города Петербурга. Вместе с армейскими полками дивизии А. Н. Репнина и полками гвардии первыми строителями Петербурга стали крестьяне, бобыли и мещане Новгородского уезда, а также посадские люди Великого Новгорода. Источников по истории раннего Петербурга сохранилось немного, поэтому о первых месяцах строительства можно судить лишь по кратким и отрывочным сведениям. Новые факты относительно условий сбора, численности и порядке отправки в невскую дельту рабочих людей дают материалы фондов Тихвинского Успенского и Валдайского Иверского монастырей, хранящиеся в Архиве СПбИИ РАН.

Очевидно, в мае—июне на возведении деревоземляных укреплений в устье Невы трудились только военные. Однако 30 июня 1703 г., спустя полтора месяца после закладки крепости на Заячьем острове и на следующий день после ее освящения, Петр I распорядился для ускорения работ привлечь к строительству жителей Великого Новгорода и Новгородского уезда. Шлиссельбургский губернатор А. Д. Меншиков немедленно отправил в Новгород свое распоряжение. Указ требовал к 20 июля прислать в дельту Невы сроком на четыре месяца со своими хлебными запасами по одному работнику с каждых двух дворцовых, вотчинниковых, помещиковых, архиерейских и монастырских дворов Новгорода и уезда⁹. Не-

обходимые для разнарядки сведения об общем количестве дворов брались из данных переписи 1678 г.

Распоряжение губернатора А. Д. Меншикова, которое доставил капитан, предписывало строгий порядок сбора и отправки крестьян из Новгорода и уезда. П. С. Глебовской получил у новгородских бурмистров списки посадских людей, по которым проверял соответствие работников числу дворов. Именно бурмистры или выборные посадские люди сопровождали в Шлотбург набранных с новгородского посада рабочих людей. Новгородец, дворцовый дьяк Андрей Юдин собирал крестьян с дворцовых волостей и по царскому указу должен был сам вместе с ними ехать в Шлотбург¹⁰. Для организации высылки крестьян с уезда назначили подьячих Новгородской приказной палаты и рассыльщиков¹¹.

В уездах, на самом низшем уровне в селах и деревнях вопрос, кому ехать на работы в Шлотбург, решал сельский сход, а также волостные и деревенские старосты. Они же определяли отправлять своих крестьян или нанять в соседней деревне или в Новгороде, а также размер жалованья работникам. Сумма и порядок выплаты могли отличаться не только в разных волостях, но и в одном и том же населенном пункте. Так, рабочим людям из карельских деревень заплатили за три месяца вперед с 10 июля кому по два, кому по два с половиной, а кому по три рубля за месяц, а «иным многим работником платили и за четыре месяца»¹². В среднем крестьяне за весь срок пребывания на строительстве Петербургской крепости получали от семи до двенадцати рублей, при этом в каждом договоре найма специально оговаривалось, что «хлеб и всякие харчевые припасы им, работником, покупать на те же наемные деньги». Если началом действия договора было обозначено 10 июля, то срок окончания определялся по-разному. В селе Яжелбицы крестьяне получили семь рублей «до отпуску, как Великий государь укажет». Труд рабочих из деревень Варнищи, Малые Миронушки и Заручьевье оплачивался до Филипповых заговен, т. е. до 14 ноября¹³.

Крестьянские старосты составляли списки работников, назначенных к отправке в Шлотбург. В вотчинах Иверского монастыря эти списки сначала передавались присланным в села монастырским служителям. Подьячий Никифор Дретенский

объезжал одно за другим села и деревни, собирая именнные росписи и рабочих людей в единую партию.

Новгород в июле—августе 1703 г. стал основным сборным пунктом, куда приводили рабочих людей со всего уезда. Помещиковых и вотчинниковых крестьян доставляли приказчики, и уже из Новгорода они следовали сухим или водным путем через Ладогу в Шлотбург. Монастырских и архиерейских работников обычно сопровождали стряпчие, казначеи, келари или строители. Крестьян Иверского монастыря доставляли на новгородское монастырское подворье, где соответствие присланных работников спискам проверял сначала стряпчий Матфей Якимов, а затем и сам П. С. Глебовской. Гвардии капитан не давал «рабочим людям мешкать в городе ни малого часу»¹⁴, строго следил за соответствием числа присланных количеству дворов, с которых они набирались, проверял «добрые» ли работники или старые или увечные. Во втором случае он требовал обязательной замены. В обязанности П. С. Глебовской входила и проверка сопровождающих. Так, 16 июля 1703 г. в восьмом часу по полудни на подворье Иверского Валдайского монастыря прибыли первые 122 работника, доставленные подьячим Никифором Дретенским и монастырским слугой Федором Степановым. Добрались до подворья, как писал подьячий, «с великою нуждою, потому что многие рабочие люди, идучи, в пути попристали и обезножили»¹⁵. Досматривая работников, П. С. Глебовской обратил внимание на то, что их сопровождает подьячий, а не стряпчий, как предписывал царский указ¹⁶. Позднее стряпчий Матфей Якимов сообщил архимандриту Тарасию, что капитан П. С. Глебовской «подьячего Никифора Дретенского спрашивал: стряпчей ли де ты или подьячей. И он, Никифор, ему, капитану, сказал, что де я подьячей и послан в неволю. Есть де на то и стряпчие и келари и казначеи, против указу мочно было ково послать. И он, капитан, с великим криком и бедством мне, работнику вашему, велел ехать с теми работниками по тем ево Никифоровым наносным словам»¹⁷. Впрочем, М. Якимову все-таки удалось избежать поездки в Шлотбург. По его просьбе митр. Иов в качестве сопровождающего предложил строителя приписного Николаевского Ляцкого монастыря иеромонаха Кирьяка. Только после долгих уговоров и заступничества

стольника М. М. Аргамакова гвардии капитан согласился принять иеромонаха. Кирьяк вместе с работными людьми отправился 18 июля в Ладогу водным путем, впрочем, и он до Петербурга не доехал, а когда через месяц вернулся в Новгород, то объяснил, что в такой поездке «нужды не было»¹⁸.

Число работников в каждой высылаемой из Новгорода партии было разным. Так, через два дня после первой отправки на подворье прибыло еще 33 работника (крестьяне сел Боровичи, Спаского и Потерпельского рядков и окрестных деревень). С ними по приказу П. С. Глебовского были посланы в Шлотбург монастырский слуга Андрей Белозеров и приказчик Дементий Ларионов¹⁹.

Первоначально сбор работных людей осуществлялся по переписным книгам 1678 г. за вычетом дворов, переведенных в ямщики. Так, например, в Деревской пятине в Еглинском погосте у князя Романа Михайловича Мышецкого с братьями в переписных книгах числилось три крестьянских двора, из них два вывезены в ямщики на Зимногорский ям. С оставшегося двора был взят крестьянин Евстигней Иванов, которого с провожатым — старостой Анцифером Григорьевым выслали на работы в Шлотбург²⁰.

Крупнейшими землевладельцами Новгородской земли были православные монастыри, которые и поставляли основную массу работников. Так, за Иверским Валдайским монастырем в Новгородском уезде числилось 524 крестьянских и бобыльских двора, из которых 136 семей записались в ямщики. Поэтому Иверский монастырь должен был отправить в Шлотбург 194 человека²¹. По-видимому, первые партии монастырских крестьян прибыли в Петербург 23—24 июля 1703 г. Сопровождавшие Н. Дретенский и Ф. Степанов, согласно их челобитной, доложили о прибытии работников губернатору А. Д. Меншикову. Тогда же выяснилось, что набор следовало осуществлять с учетом семей, записавшихся в ямщики²². Уже 3 августа приказной архиерейского дома С. Е. Боровитинов привез в Великий Новгород распоряжение А. Д. Меншикова: поставлять работников строго по переписным книгам, т. е. и за ямские дворы, «чтоб работники были всеконечно без домимки»²³. Поэтому в августе Иверский монастырь дополнительно направил в Петербург еще 68 работников.

6 августа в Шлотбург по указу митр. Иова прибыл подьячий Семен Зимогор, который должен был сменить там в чем-то провинившегося подьячего Никифора Лукина. С. Зимогор получил от Н. Лукина тетради с именными росписями работников и сразу же попал под караул из-за тридцати еще не присланных работников²⁴. Монастырским властям подьячий сообщал обо всех событиях в дельте Невы. Из его донесений следует, что в августе—сентябре Иверские крестьяне трудились на строительстве бастионов А. Д. Меншикова и Г. И. Головкина²⁵.

Таким образом, с конца июля 1703 г. на возведении укреплений Петербургской крепости вместе с 15 000 солдатами армии и гвардии трудились не менее тысячи новгородских посадских людей, крестьян и мещан.

Очевидно, несмотря на указ брать с собой хлебный запас на четыре месяца²⁶, нередко крестьяне прибывали на берега Невы без необходимого продовольствия. Согласно «сговорам», «хлеб и всякие харчевые припасы» следовало «им, работником, покупать на те ж наемные денги»²⁷. Однако часть полученных денег крестьяне оставляли семьям «на прокорм». Помимо того, судя по отправленным из Петербурга челобитным, часть работников полностью положенных по договору денег не получила. Крестьяне Иверского монастыря били челом архимандриту Тарасию, чтобы он распорядился выслать «достальные» деньги, поскольку «пить, есть не чево, а хлеб дорогой, а денги... издержали, а естли... в скорых числах денег не пришлют, и мы станем хлеб займовать из государевой полаты вдвое или второе, потому, чтоб нам голодною смертью всем не помереть»²⁸. Надо полагать, что «займовать» хлеб новгородцы собирались из армейских продовольственных амбаров, построенных месяцем ранее их же товарищами, поскольку первые новгородские работные люди попали в невшскую дельту еще до царского указа от 30 июня. Так, 27 мая 1703 г. Петр I указал стольнику М. И. Вадбальскому, дьякам А. С. Юдину и А. А. Озерову собрать работников для строительства хлебных амбаров в Шлиссельбурге и Шлотбурге. Тогда с дворцовых, помещиковых и монастырских деревень всех пяти пятин, расположенных от Ладоги на расстоянии от 50 до 300 верст, в распоряжение думного дьяка Е. И. Украин-

цова требовалось выслать 1500 человек с плотницким инструментом и своими хлебными запасами²⁹.

Тяжелые условия труда, недостаток продовольствия и средств на его покупку, холодное и дождливое лето 1703 г. привели к большой смертности среди строителей. До сих пор неизвестно, сколько рабочих людей трудилось и сколько из них погибло в первый рабочий сезон в Петербурге. По подсчетам Е. А. Андреевой, за все годы возведения новой столицы при Петре I наибольшая смертность среди пососан не превышала 13,25%³⁰. Однако даже в новейших исследованиях самые ранние отрывочные данные о численности заболевших и скончавшихся относятся к 1704 г.³¹ Поэтому даже единичные локальные сведения по первому году строительства, которые хранят монастырские архивы, можно оценивать как уникальные. Одним из таких документов является челобитная старосты карельских деревень 1703 г. Она содержит список из имен двадцати шести работников, которые возводили Петербург и «тамо померли, и жены и дети их просят милости». Если учитывать, что в июле 1703 г. со ста шести карельских дворов в Петербург отправили пятьдесят три человека («да сверх того многие бобыли и захребетники тамо померли»)³², то получается, что смертность среди первых строителей могла достигать (и даже превышать) 50%.

Организация масштабных строительных работ, перевозок воинских грузов и людей потребовала привлечения громадных ресурсов, ударила по хозяйству и крупных землевладельцев монастырей, помещиков и вотчинников, и крестьянским хозяйствам. В новгородских челобитных начала XVIII в. часто встречаются сведения, что крестьяне от непосильных повинностей разбежались, деревни опустели, во дворах остались только старики и дети. Контакты воинских частей с мирным населением нередко приводили к конфликтам и взаимным претензиям. Тяжесть государственных повинностей нередко зависела от тех, кто занимался распределением. Случалось, решающим аргументом становилась банальная взятка. У крестьян вымогали деньги «в почесть» сержанты и солдаты³³. У приказных и стряпчих благодарность за услуги требовали на более высоком уровне. Так, 30 августа 1703 г. стольник М. И. Вадбальский выразил неудовольствие стряпчему М. Якимову, что

иверский архимандрит не отблагодарил его должным образом. В пересказе стряпчего, М.И. Вадбальский содействовал замене поставки подвод со Старорусского уезда денежной выплатой: «Естли де бы не я, и вам бы де давать ис Старорускаго уезду з дву дворов человека в работники против Новгородцаго уезду и дважды с пяти дворов по подводе. Хотя де б с Старорускаго уезду и по две деньги з двора собрать, и то де мочно знать, что будет, а подводы де нанимали по пяти рублей, також и работным людем человеку давано по десяти рублей на четыре месяца». Ситуация изменилась после того, как стольнику и дьяку А. А. Озерову был поднесен некий «запас» и свежая рыба³⁴.

Итак, с началом военных действий в Ингерманландии (в 1702–1703 гг.) на новгородских крестьян пала значительная доля государственных повинностей, которые не планировались с начала года, а возникали по мере продвижения русской армии. Одной из самых тяжелых обязанностей стал срочный набор людей на строительство укреплений в Шлиссельбурге и Петербурге в 1703 г. Механизм сбора работников, организации их труда, обеспечения продовольствием и т. д., который в первый рабочий сезон не был продуман и налажен³⁵, будет полностью отрегулирован в последующие годы. Уже в конце 1703 г. образовалась Городовая канцелярия во главе с У. А. Сенявиным, принявшая на себя руководство крепостными работами во всей Ингерманландии, а в 1704 г. правительство определило список российских городов и порядок отправки рабочих людей, который сохранился на следующие почти полтора десятка лет.

¹ Анисимов Е. В. Население и подати // История крестьянства Северо-Запада России: Период феодализма. СПб., 1994. С. 166–172.

² Архив СПбИИ РАН. Ф. 132 (Успенский Тихвинский монастырь). Оп. 1. Карг. 53. Д. 16. Л. 1; Д. 17. Л. 1; Д. 31. Л. 1; Д. 37. Л. 1.

³ Яковлев В. В. Шлиссельбург // Три века Санкт-Петербурга: Энциклопедия: В 3 т. Том I: Осьмнадцатое столетие. Книга вторая. «Н–Я». СПб., 2001. С. 535–536.

⁴ Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Карг. 60. Д. 37. Л. 1.

⁵ Там же. Карг. 53. Д. 143. Л. 1.

⁶ Там же. Д. 79. Л. 1.

⁷ Там же. Ф. 181 (Иверский Валдайский монастырь). Оп. 1. Д. 5792. Л. 145.

⁸ Там же. Ф. 132. Оп. 1. Карт. 53. Д. 81. Л. 1; Д. 84. Л. 1, 2; Д. 163. Л. 1.

⁹ Там же. Д. 135. Л. 1–1 об.; Ф. 181. Оп. 1. Д. 5886. Л. 1–2 об.

¹⁰ По-видимому, А. С. Юдин быстро справился со своей задачей, поскольку 28 июля он уже вернулся из Шлотбурга в Новгород (Там же. Ф. 181. Д. 5792. Л. 233).

¹¹ Там же. Ф. 132. Оп. 1. Карт. 53. Д. 135. Л. 1; Ф. 181. Оп. 1. Д. 5886. Л. 2, 3.

¹² Там же. Д. 143. Л. 1; Ф. 181. Оп. 1. Д. 5886. Л. 24–27.

¹³ Там же. Л. 26.

¹⁴ Там же. Д. 5792. Л. 198.

¹⁵ Там же. Д. 5886. Л. 33.

¹⁶ Согласно указу, архиерейских крестьян следовало высылать в Шлотбург с архиерейскими стряпчими и приказчиками, а монастырских — «с келари и с казначеи, и с стряпчаями ж, и с приказшики» (Там же. Д. 5886. Л. 2, 3).

¹⁷ Там же. Д. 5792. Л. 173

¹⁸ Там же. Л. 174–175; Д. 5886. Л. 47.

¹⁹ Там же. Д. 5792. Л. 182.

²⁰ Там же. Д. 5886. Л. 6.

²¹ Там же. Л. 15.

²² Там же. Л. 42–43.

²³ Там же. Д. 5792. Л. 235.

²⁴ Там же. Д. 5886. Л. 47.

²⁵ Там же. Л. 49–49 об.

²⁶ Там же. Л. 1.

²⁷ Там же. Л. 24, 25, 27.

²⁸ Там же. Л. 51, 52.

²⁹ Местом сбора была назначена Ладога (ныне — Старая Ладога). Помимо строительства амбаров крестьян намеривались использовать в качестве кормщиков и гребцов на карбасах, шмаках, соймах и стругах для доставки припасов водным путем от Великого Новгорода до Шлиссельбурга и Шлотбурга. Получив распоряжение губернатора Я. В. Брюса, ладожский воевода послал набирать людей на эти работы отставных дворян. Однако в копии наказов, которые им дали, «не справясь подлинно», закралась серьезная ошибка: высылать по человеку с каждого двора. В действительности царский указ требовал в пять раз меньше: одного работника с пяти дворов (Там же. Д. 5792. Л. 149; Д. 5848. Л. 1–8, Д. 5874. Л. 1–2).

³⁰ *Андреева Е. А.* Петербург Петра I — город на костях: Миф или правда (1703–1712)? // Меншиковские чтения-2006. СПб., 2006. С. 16–17.

³¹ Там же. С. 23.

³² Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 5886. Л. 54.

³³ *Анисимов Е. В., Базарова Т. А.* Документы о Великом Новгороде эпохи петровских преобразований в Архиве СПбИИ РАН // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2006. № 38. С. 29–30.

³⁴ Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 5792. Л. 266.

³⁵ По мнению Е. А. Андреевой, первой обратившей внимание на копию царского указа 30 июня 1703 г. (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 5886. Л. 1–2), в нем шла речь о высылке работников в две смены (*Андреева Е. А.* Петербург Петра I — город на костях... С. 11). По нашему мнению, в указе говорится лишь об одной высылке. Другие документы монастырских фондов (сказки, отписки, челобитные и донесения) также подтверждают, что в 1703 г. крестьян отправляли в Петербург только на одну четырехмесячную смену. Дополнительная отправка работников на берега Невы была организована немедленно после прибытия первых партий работников, когда выяснилось, что местные власти не учитывали ямские дворы.

В. И. Фокин

**ОТРАЖЕНИЕ СОБЫТИЙ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ
В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ СКАНДИНАВСКИХ
СТРАН В 20—30-е гг. XX в.**

Во второй половине 30-х гг. события исторического прошлого вновь оказались в центре общественного внимания скандинавских стран и Европы в целом, что свидетельствовало о назревании кризиса европейской духовной жизни. Угроза новой войны порождала тревожное ожидание надвигавшейся катастрофы и стремление общества найти ответы на злободневные вопросы действительности в историческом прошлом. Для общественности скандинавских стран было естественным обращение к событиям Северной войны как одному из наиболее ярких событий международной истории в балтийском регионе. Особое значение в связи с этим приобретал вопрос о роли СССР в обеспечении международной безопасности, его способности и желании противостоять германскому реваншизму¹.

В послевоенной Европе самым страшным воспоминанием о прошлом была война, возникшая вследствие столкновения интересов национальных государств. Поэтому в широких кругах интеллектуалов естественным было обращение к основам духовного здоровья общества. Человек и история — проблема, которая становится предметом размышления в 20-е и особенно 30-е гг. XX столетия. Осмысление истории утверждается в качестве универсального средства изначального измерения человеческого бытия. В литературе этого периода значительное место занимает исторический роман, в котором концент-

рируются существенные вопросы всемирной истории, национальной культуры и современности, вопросы судеб нации и великих личностей, революции и прогресса, философского осмысления мира. Исторический роман, привлекая внимание широкой публики, превращается в форму общественной дискуссии, высказанные авторами суждения — выражением идей общественного развития или основой для создания новых концепций. Это была попытка разработать такую концепцию истории, которая бы позволила создать основанную на гуманистических идеалах новую систему духовных ценностей.

В художественном отражении послевоенного времени естественным выходом казалось обращение к личности, способной противостоять враждебности окружающего мира. В целом ряде художественных произведений утверждалась моральная сила человека, противостоящая несовершенству общества. Однако очень быстро стало очевидным, что индивидуализм как самоценность не в состоянии компенсировать утраченные идеалы и неизбежно ведет к саморазрушению личности. Он провозглашает наднациональные, надсоциальные гуманистические ценности, но не в состоянии их реализовать вне общества.

Национальной идее противопоставляется идея единства человеческой цивилизации. В европейской литературе 20-х гг. утверждается идея бесконечного многообразия мира. Шовинизму она противопоставляет гуманистическое царство духа и разума как синтез западного и восточного мировоззрений. Но для общественного сознания Европы и Северной Америки великие культуры Азии, однако, по-прежнему оставались чем-то неизвестным, экзотическим и пугающим. Отсутствие устойчивых и широких культурных связей между цивилизациями порождало невежество, а неизвестность была чревата естественной психологической реакцией — страхом перед огромной и непонятной культурой Востока. В силу этих обстоятельств в Европе некоторое распространение получила точка зрения, согласно которой процессы, происходившие в Советском Союзе, и были попыткой синтеза двух типов культуры, в результате которой личность должна полностью освободиться от политической и экономической детерминации, а широкие слои общества получить свободу проявления духа и воли

в созидательной деятельности². Такие надежды питали многие ведущие деятели мировой интеллектуальной элиты в 20–30-е гг. Революционное насилие смущало, но считалось неизбежным следствием прогресса. Ведь и многие западные демократии родились в кровавых столкновениях реакции и революции, ограничения и подавления движения реставраторских монархических сил. На Западе вызывало понимание индустриальное строительство в СССР, примером для подражания назывались социальные программы, обеспечивавшие массовость и доступность образования, медицинского обслуживания, занятость, программы государственной поддержки науки и культуры. Надежды, связанные с русской революцией, были настолько велики, что, когда пришло разочарование в сталинизме, не все решались на открытую критику СССР. Для западных стран фашизм был более реальной опасностью, чем гипотетическая мировая коммунистическая революция. Было совершенно очевидно, что СССР — наиболее организованная сила, противостоящая фашизму, который спекулировал прежде всего на почве оголтелого антикоммунизма. Наконец, существовала надежда на гуманизацию советской системы, появившаяся ввиду тенденций, формировавшихся в научных и творческих кругах СССР в 20–30-е гг.

В 30-е гг. на международном уровне выразителем взглядов этих кругов в определенной степени стал Н. И. Бухарин, ставший в 1929 г. академиком Российской Академии наук. В первых своих работах он, вслед за теоретиками II Интернационала, рассматривал марксизм как сугубо экономический материализм, был сторонником социологизации представлений о культуре и рационалистических представлений о морали³. Однако уже в работах 20-х гг. он выступает с критикой упрощенного, вульгарного материализма, революционных абстракций Троцкого, экономического и социального волюнтаризма Сталина. Возглавляя комиссию Академии наук, Бухарин участвовал в разработке методологии современной науки. С основными выводами комиссии Бухарин ознакомил международную научную общественность в докладе на II Международном конгрессе по истории науки и техники, проходившем в Лондоне в 1931 г. Доклад был посвящен проблемам гносеологии. В нем были рассмотрены актуальные вопросы: диалек-

тика взаимосвязи гносеологических феноменов «теория» и «практика». Бухарин отмечал, что практика выводит субъекта познания за пределы его «я» и приводит к «очеловечиванию» окружающего личность мира. Далее следовали выводы о том, что в изменяющемся мире нет вечных абстрактных истин, что истина всегда конкретна в каждый данный момент бытия, что антигуманна наука для науки, искусство для искусства, экономика для экономики⁴. В интеллектуальных кругах СССР и в начале 30-х гг. сохранялось представление о неоднозначности исторического процесса. В докладе Н. И. Бухарина на первом съезде советских писателей признавалась объективность иррационализма в жизни и неизбежность субъективизма в художественном творчестве⁵. Признание сочетания рационального и иррационального в историческом процессе привело Бухарина к изучению проблем гуманизма, поскольку это допускает возможность свободы выбора для человека в рамках объективных обстоятельств. Плановый характер экономики Бухарин видел в «превращении стихийной закономерности в закономерность осознанную, а не произвол»⁶. Идея противопоставить сталинской системе «постоянного насилия» идею «социалистического гуманизма» зародилась у Бухарина, по мнению С. Козна, в 1929 г.⁷ Скандинавская общественность познакомилась с основными тезисами на эту тему в докладе Бухарина, организованном Ассоциацией изучения советской культуры 3 апреля 1936 г.⁸

Кризис современного общества Н. И. Бухарин в своем выступлении определял как противоречивый процесс вызревания новой цивилизации — единого человечества, которое, реализуя социалистический гуманизм, станет коммунистическим обществом. Сложность процесса «вызревания единого человечества» Бухарин видел в том, что он чреват социальными потрясениями, кризисами и войнами. Реакцией на эту нестабильность являлось возникновение тоталитарных режимов. Отвергая такую перспективу, Бухарин выступал против механистического представления о причинах их формирования: функционировании больших организационных систем, подавляющих личность. Такой взгляд был характерен для 20-х гг., отражал кризис гуманистического сознания. Не случайно в это время популярным становится жанр антиутопии. Мно-

гие произведения тех лет поражают современного читателя предвосхищением основных черт тоталитаризма: обезчеловеченного, технизированного, бюрократического государства. Большинство художественных произведений подобного рода лишены социальной и национальной конкретики, свидетельствуя о том, что государственный механизм при низкой культуре общества чреват тоталитаризмом. Бухарин отмечал, что характер социальных отношений в классовом обществе налагает ограничения на свободу личности. Так, в анализ причин тоталитаризма вводился социальный фактор. В беседах с Р. Роланом Бухарин объяснял жесткость советской системы также национальными особенностями России: необходимостью преодоления обломовщины и анархизма. В связи с этим представляется, что Николай Иванович искренне считал, что корни тоталитарной системы объективно существуют в нашей стране. В 30-е гг. Бухарину была присуща не только «глухая критика» сталинизма, но и, так сказать, раздвоенность сознания. Будучи не в состоянии преодолеть противоречие между общественным идеалом, которому он был предан, и реальной практикой сталинизма, в докладе 1936 г. он вынужден был уходить в сферу социальной абстракции. Безусловно, в анализе тоталитаризма Бухарин был прав, но в конкретной ситуации 30-х гг. на первый план выходили факторы, связанные с функционированием государственного аппарата. Критикуя его, Бухарин апеллировал к социалистическому идеалу. Но в те времена социализм ассоциировался со сталинским СССР. Отказываясь от конкретного анализа, Бухарин не позволял себе сделать вывод о том, что без комплекса предупредительных мер политического, социального и культурного характера ни одна общественная система не застрахована от тоталитаризма.

Исторический роман А. Толстого «Петр I» был одной из первых попыток в популярной художественной форме на основе аналогии исследовать советский опыт и показать тернистый путь реформ в России. Своим обращением к историческим событиям Северной войны, в которых непосредственно участвовали скандинавские государства в начале XVIII в., роман вызвал большой интерес в Северной Европе. Популярности романа способствовал выход в широкий европейский и се-

вероамериканский кинопрокат фильма по роману А. Толстого⁹. Для общественности скандинавских стран Россия того времени была основой для размышления, по крайней мере, по двум проблемам. Во-первых, какова способность российского общества в условиях обширной модернизации сохранить способность к мобилизации ресурсов страны для решения военно-политических задач в конфликте с сильнейшей европейской державой. Во-вторых, есть ли возможность в условиях российской политической традиции осуществить модернизацию советского общества на западных началах. Историческая канва романа А. Толстого убеждала, что петровские реформы и их военная составляющая позволили России в XVIII столетии действовать в благоприятном для скандинавских стран направлении. Это обстоятельство исключило из общественного внимания Швеции того времени даже факт военного противоборства двух стран в период Северной войны, что вполне объяснимо в силу названных выше причин. В скандинавских странах все более крепла надежда, что не западные демократии, а Советский Союз будет способен удержать Гитлера от агрессии.

Книга А. Толстого вышла обычным тиражом для переводной литературы, а фильм не демонстрировался в большинстве кинотеатров, так как Всесоюзный кинокомитет имел только дублированную копию на французском языке и копию с титрами на английском. Советские полпредства организовали демонстрацию фильма с синхронным переводом в Копенгагене, Стокгольме и Осло. Но отклики и дискуссии по поводу романа и фильма в скандинавской прессе явно превосходили обычную реакцию на события культурной жизни. Они превратились в широкую политическую дискуссию по проблемам международной жизни, войны и мира, результатов советского эксперимента к концу 30-х гг. В ходе дискуссии нашли отражение как общие для Европы представления о происходившем в СССР, так и специфические для скандинавских стран проблемы, важнейшей из которых была проблема международной безопасности в регионе Балтийского моря.

В Дании в 20-е гг. общественное мнение относительно СССР характеризовалось резкой поляризацией. С одной стороны, существовало устойчивое негативное отношение к революции

в России и советскому эксперименту. Либерально-консервативное большинство склонялось к максимальному ограничению контактов с СССР, но вынуждено было считаться с настроениями в среде датских интеллектуалов, таких как Нильс Бор или Мартин Андерсен-Нёксе, а также в социал-демократических кругах, выступавших за расширение отношений с СССР¹⁰. Резко возрос интерес в датском обществе к нашей стране в 1936–1937 гг. Сообщения в прессе о политических репрессиях в СССР воспринимались в широком общественном сознании как свидетельства внутривосточной борьбы. Значительно большее внимание привлекли известия о высоких темпах индустриализации и возрастании военно-экономической мощи советской страны, о развитии социальной системы¹¹. Изменившиеся настроения свидетельствовали о том, что возрастающая угроза войны в Европе заставляла датское общество искать самые разнообразные пути обеспечения безопасности страны.

Объективный анализ умонастроений участников культурного сотрудничества с СССР, обострение международной обстановки заставляли народы скандинавских стран обращать свои взоры к СССР, который выступал для них в то время гарантом мира.

В Швеции после периода повышенного интереса к СССР (в середине 20-х гг.) в начале 30-х гг. наблюдалось глубокое разочарование на фоне сообщений о коллективизации, но потрясения, связанные с социальными последствиями мирового экономического кризиса, быстро вытеснили из сознания шведов советскую катастрофу¹². В середине 30-х гг. вновь возрождается интерес к связям с Советским Союзом. Их сторонниками стали прогрессивно настроенные шведские интеллигенты: исследователь Арктики проф. Альман, лауреат Нобелевской премии проф. химии Т. Сведберг, проф. медицины И. Хольмгрен, член парламента, адвокат Г. Брантинг, писатели, ученые, артисты, представители финансовых и промышленных кругов¹³. Тенденция к расширению связей получила развитие в 1936 г. В апреле этого года А. М. Коллонтай писала о том, что среди «радикальной интеллигенции Швеции, несомненно, намечается усиливающийся рост симпатий к СССР»¹⁴. С большим интересом следила общественность Швеции за советской

экспедицией на Северный полюс, другими достижениями советского общества¹⁵.

Улучшение советско-норвежских отношений стало очевидным в 1933 г.¹⁶ Норвежские сторонники сближения с СССР представляли весьма значительные круги общественности и располагали немалыми возможностями¹⁷, имея контакты с Институтом сравнительного изучения культур, академическими и студенческими организациями, крупными издательствами и журналами Норвегии, медицинскими, педагогическими и архитектурными организациями¹⁸. Интерес у жителей норвежской столицы вызвали тематические вечера с демонстрацией советских фильмов, организованные Норвежским обществом сближения с СССР в 1934 г.¹⁹ Волнующим событием стал вечер в феврале 1937 г. в Осло, посвященный памяти А. С. Пушкина²⁰.

Мероприятия, проводимые в скандинавских странах сторонниками сближения с СССР, свидетельствовали о глубокой заинтересованности значительной части интеллигенции в развитии и укреплении связей с нашей страной. В орбиту их деятельности было вовлечено немало влиятельных политиков, которые высоко оценивали советскую инициативу по созданию системы коллективной безопасности в Европе. Но при этом они предпочитали не проявлять самостоятельности, излишне доверяясь ведущим державам и рассчитывая остаться в стороне от грядущих потрясений.

Показательна позиция видного норвежского исследователя Средневековья, президента Академии наук Норвегии Хальфдана Кута, высоко ценившего достижения советских историков и с симпатией следившего за развитием культуры в СССР²¹. Для многих участников сотрудничества с СССР пассивное отношение к совместной политической борьбе против угрозы войны определялась представлением о своей национальной культуре как части западной цивилизации. Они не считали возможным действовать вопреки внешнеполитическому курсу ведущих западноевропейских государств даже тогда, когда находили его неэффективным, опасаясь остаться вне рамок западного общества. Другим сдерживающим фактором в интеллектуальной среде было распространенное представление о необходимости удержаться от двух крайностей: фашизма

и социализма. Эти представления подогревались мнением, что отнюдь не антикоммунизм был основой отчужденности значительной части интеллигенции европейских стран. Фашизм отвергался ею по самой своей сути. Созидательные тенденции в СССР всегда встречали поддержку и понимание интеллигенции, но непреодолимый моральный барьер на пути политического сотрудничества возводила репрессивная практика сталинизма. Пропаганда в данном случае не играла существенной роли, ибо в интеллектуальных кругах уже тогда против нее сложился достаточно стойкий иммунитет.

Со второй половины 30-х гг. все больше внимания привлекает внешнеполитическая деятельность Советского государства. Отражением настроений стала мысль, высказанная известным шведским социал-демократическим публицистом, превратившаяся в крылатую фразу: «Как ни вертись, факт остается фактом, что в настоящее время малые народы живут под защитой советских штыков»²². События петровских реформ и Северной войны воспринимались в общественном сознании как способность России мобилизовать свои ресурсы и реализовать гигантскую военную мощь для решения внешнеполитических задач. В общественном сознании скандинавских стран сталинский эксперимент воспринимался как некая историческая аналогия времен петровских преобразований. В этом контексте события Северной войны рассматривались в скандинавских странах как историческое доказательство того, что СССР может стать определенным гарантом стабильности в североевропейском регионе в случае возникновения европейской войны. Тем самым общественное сознание скандинавских стран отразило довольно распространенное заблуждение общественности малых стран в том, что великие державы могут защитить их суверенитет в случае конфликта между ними.

¹ Так, Р. Ролан предполагал, что по мере утверждения советского строя его репрессивная сторона будет все более ослабевать. В разгар открытых политических процессов 1937 — 1938 гг. он писал в дневнике: «Я не Сталина защищаю, а СССР, кто бы ни стоял у власти». Таким образом, Ролан не идентифицировал полностью сталинский режим с политической системой советского

общества, ибо считал его проявлением инерции традиций революционного насилия и сложности обеспечения политической стабильности в многонациональной и многоукладной стране в переломную эпоху. «Болезнь роста» Ролан считал и низкий жизненный уровень населения при значительных привилегиях для узкого круга лиц, в который он включал не только бюрократию, но и интеллектуальную элиту СССР. Преданность революционным идеалам в правящем слое на протяжении одного-двух поколений при быстром экономическом развитии, которое, по его мнению, позволит обеспечить повышение благосостояния населения страны, Ролан считал необходимыми условиями для преодоления замеченного им противоречия. Главное, что вселяло надежду в Р. Ролана в то, что советское общество движется в направлении «социального идеала справедливости», было духовное состояние народа. В дневнике писателя есть размышления, которые текстуально почти совпадают с его статьей «О моем пребывании в Москве». В них речь идет об ощущении мощного прилива жизненных сил, молодости народа, осознающего эти силы, гордости за успехи, искренней веры в свое дело и в свое правительство. Ролан пишет: «В истории это называется “звездными часами” — часами, когда народы наиболее полно переживают свою судьбу, — такими часами открывается каждая новая эра в мировой истории». Это ощущение подводило писателя к выводу о том, что, несмотря на все издержки, СССР вносит существенный вклад в прогресс мировой цивилизации. Особое значение этому вкладу СССР Р. Ролан придавал в связи с усилением влияния фашизма и ростом угрозы новой мировой войны. В предгрозовой обстановке середины 30-х гг. Ролан считал нашу страну важнейшим гарантом мира. Он выражал уверенность в том, что в случае нападения на СССР, народ дружно поднимется на защиту Родины и будет яростно сражаться. В советском народе Ролан видел залог конечной победы над фашизмом, низко оценивая способность западного общества к сопротивлению (См.: Московский дневник Ромена Ролана // Вопросы литературы. 1989. № 3. С. 202; № 5. С. 152). К противоположным выводам из наблюдений за советской действительностью пришел А. Жид. В сохранении диктаторского режима он видел не продолжение революционного насилия, а контрреволюционный переворот, в результате которого утвердился бюрократический правящий слой. В привилегиях для интеллигенции А. Жид усматривал подкуп со стороны диктатора, превращение художника и литератора в чиновника от искусства. В своих выводах писатель не был оригинален. В «Поправках к моему “Возвращению из СССР”» он признавался: «Я просветился уже после того, как была написана книга об СССР. Ситрин, Троцкий, Мерсье, Ивон, Виктор Серж, Палей, Рудольф и др. снабдили меня документами». А. Жид был одним из первых европейских писателей (а не участников политической борьбы), кто вслух сказал о расхождении между идеалами революции и советской действительностью. Аналогичную роль в США сыграл Д. Дос-Пассос. Он оценивал советский строй не с позиций прогресса цивилизации, а с точки зрения логики революционного процесса. В установлении сталинского режима единомышленники Л. Троцкого видели предательство дела мировой революции, дискредитацию ее идеалов. Их возмущало не государственное насилие, не ограничение политических свобод как таковых, а репрессии против тех революционеров, которым они симпатизировали. Они видели в СССР не противника, а союзника ре-

акционных сил, включая и фашизм. Поэтому они выступали против сотрудничества с СССР и его представителями в антифашистской борьбе. Фашизм казался менее опасным, чем сталинизм, который, по их мнению, лицемерно маскировал свою реакционную сущность передовыми идеалами социалистической революции. Р. Ролан и А. Жид выражали две противоположные точки зрения.

² Франс А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 8. М., 1960. С. 753.

³ Бухарин Н. И. 1) Теория исторического материализма. М., 1921; 2) О мировой революции, нашей стране, культуре и прочем (Ответ профессору И. Павлову) // Бухарин Н. Атака. М., 1924; 3) К постановке проблем теории исторического материализма // Бухарин Н. И. Избр. произведения. М., 1988.

⁴ Бухарин Н. И. Теория и практика с точки зрения диалектического материализма // Бухарин Н. И. Этюды. М.; Л., 1932.

⁵ Бухарин Н. И. Поэзия, поэтика и задачи поэтического творчества в СССР. М., 1934. С. 11–13.

⁶ Бухарин Н. И. Теория и практика с точки зрения диалектического материализма. С. 39. — Иной подход мы находим у С. Г. Струмилина: «Наша задача не изучать экономику, а менять ее. Мы не связаны никакими законами» (цит. по: Плановое хозяйство. 1927. № 7. С. 58).

⁷ Козн С. Бухарин. Политическая биография. 1888–1938. М., 1988. С. 431, 523.

⁸ Boukharin Nicolas I. Les problemes fondamentaux de la culture contemporaine. Conference faite à l'Association pour l'étude de la culture soviétique, le 3 avril 1936. Paris, 1936 (перевод см.: Новая и новейшая история. 1988. № 5).

⁹ Кинофильм режиссеров Петровых «Петр I» получил гран-при Всемирной выставки в Париже в 1937 г. и вплоть до начала XXI в. удерживал первенство по прокату в США среди советских и российских фильмов.

¹⁰ Иоффе А. Е. Международные связи советской науки, техники и культуры. 1917–1932 гг. М., 1975. С. 100.

¹¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5283. Оп. 5. Д. 366. Л. 61, 62.

¹² Там же. Оп. 9. Д. 46. Л. 23.

¹³ Там же. Оп. 5 Д. 540. Л. 40.

¹⁴ Документы внешней политики СССР. Т. 19. С. 225–226; Т. 20. М., 1976. С. 455.

¹⁵ Там же. Т. 19. С. 500–501; Т. 20. С. 293–295; Т. 21. М., 1977. С. 233.

¹⁶ ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 5. Д. 43. Л. 8.

¹⁷ Там же. Д. 418. Л. 1, 86.

¹⁸ Там же. Оп. 2. Д. 186. Л. 1–7.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. Д. 429. Л. 6.

²² Цит. по: Кан А. С. Новейшая история Швеции. М., 1969. С. 149.

Н. А. Кораблев

**ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ВЫХОДЦЕВ ИЗ ФИНЛЯНДИИ
В ОЛОНЕЦКОЙ КАРЕЛИИ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX — НАЧАЛО XX в.)**

В Олонецкой Карелии, как и других национальных окраинных территориях России, формирование предпринимательского слоя во второй половине XIX — начале XX в. шло на полиэтничной основе. Наряду с представителями коренного населения края — карелами, вепсами, русскими, довольно заметную роль в этом процессе играли и переселенцы из соседнего Великого княжества Финляндского — автономного государственного образования в составе Российской империи. Правда, отстававший от Финляндии по уровню социально-экономического развития карельский край не привлекал к себе владельцев крупных капиталов. Финляндские переселенцы с предпринимательской жилкой имели, как правило, скромные стартовые возможности, тем не менее некоторые из них заняли достойное положение в деловом мире Олонии, оставили значительный след в хозяйственной истории края.

По данным «Журналов генеральной поверки торгово-промышленных предприятий» за 1870 г., среди владельцев этих предприятий на территории карельских уездов Олонецкой губернии (Петрозаводский, Олонецкий и Повенецкий) насчитывалось 8 финляндских уроженцев¹. Почти все они являлись выходцами из сопредельных с Российской Карелией губерний — Куопиоской и Улеаборгской. Накануне Первой мировой войны, согласно тем же журналам, статус финляндских уроженцев имели в крае 11 предпринимателей², также в основ-

ном представлявших Куопиоскую и Улеаборгскую губернии. Местом деятельности финских уроженцев-предпринимателей были наиболее оживленные в торгово-промышленном отношении пункты Олонецкой Карелии — Петрозаводск, Олонец и Повенец, присвирские волости Петрозаводского и Олонецкого уездов (Шелтозерско-Бережная, Важинская, Мятусовская).

Обосновавшиеся в сельской местности финны-предприниматели чаще всего занимались мелкой лавочной торговлей товарами повседневного спроса, реже содержали небольшие питейные заведения (до введения в 1897 г. в Олонецкой губернии казенной винной монополии). Ежегодный оборот этих предприятий, по данной податной инспекции, обычно не превышал 3 тыс. руб. в год. Несколько выделялся на общем фоне по размерам торговли уроженец прихода Кухмо Улеаборгской губернии Лаврентий (Ларс, Лярсу) Кеттунен. Товарооборот его лавки в присвирском селе Хевроньино Мятусовской волости Олонецкого уезда в 1900 г. достигал 7 тыс. руб. Однако после кончины Лаврентия и его жены Екатерины Кеттунен, при их детях Александре и Ольге, не имевших большого коммерческого опыта, объем операций по лавке к 1913 г. также снизился до 3 тыс. руб.³

Своеобразное положение сложилось в начале XX в. в правобережной, относившейся к Петрозаводскому уезду, части крупнейшего села Вознесенье, в истоке р. Свири (Монастырская слобода, Шелтозерско-Бережная волость), где в руках финских уроженцев Матса Кюллинена, Григория и Агнеты Хаверинен сосредоточилась вся розничная торговля. Им принадлежали три местные лавки со съестными припасами, суммарный оборот которых, по данным за 1913 г., составлял 6,6 тыс. руб.⁴ Особое значение эти торговые точки приобретали в летний, навигационный период, когда в Вознесенье скапливалось большое количество пришлых сезонных рабочих.

И все же более разнообразной и значительной была предпринимательская деятельность выходцев из Великого княжества в карельских городах.

В хозяйственной жизни уездного города Олонца в пореформенные десятилетия XIX в. одно из центральных мест занимала династия купцов Холопаниных, имевшая финлянд-

ское происхождение. Родоначальник династии Герасим Холопанин (Холопайнен) родился в 1817 г. в Куопиоском приходе и губернии, знал как финский, так и русский язык, владел портновским ремеслом. В 1846 г. вступил в брак с дочерью мещанина г. Олонца Марией Семеновной Кузнецовой, через год окончательно переселился в Олонец и был принят в местное мещанское общество⁵. Первоначально, по-видимому, он занимался портновским делом, но вскоре сумел открыть и торговлю, которая шла небезуспешно. К 1865 г. Г. Холопанин состоял в купцах 2-й гильдии и имел лавку в олонецком Гостином дворе, которая отличалась широким ассортиментом товаров (хлебный, овощной, бакалейный, косметический, канцелярские принадлежности)⁶. Герасим Холопанин пользовался большим уважением и авторитетом в Олонце. В 1870 г. он был избран гласным от города в уездное земское собрание⁷. Наследником Г. Холопанина стал сын Иван Герасимович, также состоявший в олонецкой купеческой корпорации и продолжавший торговлю в Гостином дворе. Кроме того, он решил попробовать свои силы и на ниве промышленного предпринимательства.

В 1890 г. И. Г. Холопанин приобрел у тайного советника А. Я. Воронова небольшой Мегрегский железоковательный завод, находившийся неподалеку от г. Олонца. Предприятие было построено еще в 1810 г., работало силой воды. Сырьем служил металлолом, доставлявшийся из Петербурга, туда же сбывалась и продукция — лопаты, тележные шины, кайла, слесарный и кузнечный инструмент. Завод требовал ремонта и реконструкции, но предприниматель, по-видимому, из-за нехватки оборотных средств, на первых порах занялся поиском новых рынков сбыта. Результат оказался неутешительным. Из вывезенной в Нижний Новгород в виде опыта партии в 9000 лопат, не удалось продать ни одной штуки. Число рабочих пришлось сократить с 40 до 12 человек. Предприятие к середине 90-х гг. стало работать лишь по несколько месяцев, а в 1899 г. было окончательно закрыто⁸. Иван Герасимович к этому времени умер, и семейное дело возглавила его вдова Надежда Егоровна⁹.

По данным податной инспекции, еще в 1900 г. Н. Е. Холопанина, имевшая лавку с тремя складами в Гостином дворе, по

размерам товарооборота (35 тыс. руб.) занимала третье место в г. Олонце, уступая лишь наследникам купца В. Е. Куттуева и купцу М. Ф. Тухкину (40 тыс. руб.). Однако вскоре позиции Холопаниных сильно пошатнулись. Долги, накопившиеся из-за неудавшегося проекта с эксплуатацией Мегрегского железококательного завода, в условиях разразившегося в 1900–1903 гг. экономического кризиса, потянули все дело вниз. К 1907 г. оборот их торгового заведения в г. Олонце упал до 3 тыс. руб.¹⁰, а к 1913 г. за представителями этой семьи уже не числилось ни торговых, ни промышленных заведений. Правда, они продолжали оставаться собственниками значительной, по меркам Олонца, недвижимости, которая приносила ежегодный доход в 1030 руб.¹¹ В 1912 г. один из внуков Герасима Холопанина вынашивал планы постройки лесопильни на р. Олонке, но проект не был реализован¹².

Кроме Холопаниных, в г. Олонце на рубеже XIX–XX вв. смогли утвердиться в качестве торговцев финляндские уроженцы Иван (Иоганн) Фомич Хуотари и Матвей Матвеевич Пийранен (Пиронен). Их заведения относились к числу средних по здешним масштабам. Хуотари имел лавку на Базарной площади с хлебным, колониальным, бакалейным, кожевенным, шорным, скобяным и прочим товаром, годовой оборот которой оценивался не менее чем в 6 тыс. руб., а Пийронен — подобную же лавку, но с более ограниченным хлебно-бакалейным ассортиментом и оборотом в 5 тыс. рублей¹³.

В другом уездном городе Олонецкой Карелии — Повенце в конце XIX в. обосновался выходец из прихода Кухмо Улеаборгской губернии Иван Максимович Пулькинен. В 1894 г. он переписался в местное мещанское общество¹⁴. Начав дело с пивной торговли, которая после введения казенной винной монополии приносила неплохие доходы, И. М. Пулькинен в 1912 г. на паях с повенецким купцом Николаем Яковлевичем Беловым восстановил принадлежавший городскому обществу вододействующий лесозавод на р. Повенчанке, бездействовавший 15 лет¹⁵. В дальнейшем это единственное в г. Повенце промышленное предприятие перешло в собственность И. М. Пулькинена. Завод имел 2 пилорамы. По данным за 1914 г., на нем работал 21 постоянный рабочий и было выработано продукции на 47,5 тыс. руб., что составило около $\frac{1}{5}$ общего объема

производства лесопильной отрасли в Олонецкой Карелии¹⁶. В 1915–1917 гг. завод И. М. Пулькинена поставлял продукцию для нужд строительства Мурманской железной дороги. После революции предприятие подверглось национализации.

В губернской столице Петрозаводске в пореформенные десятилетия XIX в. видным инициатором частного предпринимательства в промышленной сфере выступил уроженец прихода Нильсия Куопиоской губернии Генрих (Федор Иванович) Кейнонен. В 1866 г. на берегу р. Неглинки он построил первую в Карелии спичечную фабрику. Предприятие не имело механического двигателя и носило характер мануфактурного производства. Основу оборудования составляли два ручных станка для выработки спичечной соломки и ее разрезания на отдельные спички. На фабрике, по данным за 1869 г., работало 18 рабочих-подростков, также из финляндцев. Объем производства составлял до 800 тыс. коробков спичек в год на сумму около 2,4 тыс. рублей. Продукция находила сбыт не только в Петрозаводске и уездах Олонецкой губернии, но и поставлялась в Петербург и Рыбинск¹⁷. Предприятие приносило устойчивую прибыль, и примеру Г. Кейнонена последовали некоторые местные предприниматели. В 1871 г. аналогичную спичечную фабрику открыл петрозаводский купец 1-й гильдии, выходец из Германии Федор Фогель, но вскоре у него возникли другие интересы, связанные с паровым водным транспортом. Проработав около двух лет, заведение Фогеля, имевшее годовую сумму производства до 4,5 тыс. руб., прекратило деятельность¹⁸.

В 1875 г. в спичечное дело решил вложить свои средства петрозаводский купец 2-й гильдии Гирш Перцевич Кац, вышедший из отставных нижних чинов губернского батальона и первоначально занимавшийся винной торговлей. Свое предприятие Г. П. Кац также построил на р. Неглинке, несколько ниже фабрики Кейнонена¹⁹. По оборудованию и организации дела эти заведения принципиально не отличались друг от друга. Производство на обеих фабриках постепенно расширялось. В 1889 г. на фабрике Г. Кейнонена трудилось 40 рабочих, сумма производства достигла 8 тыс. руб., на фабрике Каца — 45 рабочих, выработано продукции на 11 тыс. рублей²⁰. Однако только у Г. П. Каца был освоен выпуск более безопасных

бесфосфорных спичек, что, по-видимому, и сыграло решающую роль. В конце 1889 г. Генрих Кейнонен закрыл свою фабрику, как информировала газета «Олонецкие губернские ведомости», «по взаимному соглашению владельцев, во избежание конкуренции»²¹.

К сожалению, дальнейшая судьба Г. Кейнонена остается невыясненной. В числе петрозаводских предпринимателей позже 1890 г. имя Г. Кейнонена уже не встречается. В описи фонда Олонецкой казенной палаты в Национальном архиве Республики Карелия имеется упоминание о деле 1901 г. по наблюдению за поступлением пошлин по безмездному переходу имущества Кейноненов, но само дело не сохранилось²².

Спичечная фабрика Г. Каца, в дальнейшем перешедшая в руки товарищества «Огонек», просуществовала до середины 1920-х гг.²³ С ее закрытием спичечное производство в Карелии, у истоков которого стоял Г. Кейнонен, было свернуто.

В 1910-х гг. известность в деловых кругах Петрозаводска приобрели финские уроженцы братья Андрей и Кузьма Хейконены, построившие мельницу, оснащенную водяной турбиной на р. Лососинке, несколько выше Александровского снарядолитейного завода. Мукомольное предприятие относилось к разряду малых — на нем работало 4 рабочих, а годовая сумма производства, по данным за 1913 г., составила 2,5 тыс. руб.²⁴ Но оно заняло важную нишу в городском хозяйстве, опустевшую после банкротства в 1907 г. владельца лесопильно-мельничного заведения в устье р. Лососинки купца Марка Пикина. Новый собственник этого заведения — городской голова Г. Е. Пименов связывал свои интересы лишь с лесопильным производством. Услугами мукомольных предприятий М. Пикина, а затем братьев Хейконенов охотно пользовались многие городские торговцы, приобретавшие рожь в Рыбинске, а также крестьяне окрестных волостей, поскольку свежемолотая мука с каждого 9-пудового куля давала припёк на 2 пуда больше, чем покупная²⁵.

Братья Хейконены открыли также розничную и мелкооптовую лавку в своем доме по ул. Бородинской (ныне — пр. Ленина), где помимо муки собственного помола торговали привозным хлебным, овощным и бакалейным товаром. Оборот лавки в 1913 г. исчислялся податной инспекцией в 20 тыс. руб., что

вдвое превышало тогдашний средний оборот торгового предприятия в г. Петрозаводске²⁶. Братья установили прочные связи на крупнейших рынках России и приобрели высокую деловую репутацию. В период Первой мировой войны они являлись одними из поставщиков продовольствия для частей петрозаводского гарнизона.

Таким образом, предприниматели-выходцы из Финляндии, не обладая особенно крупными капиталами, тем не менее органично вписывались в деловую жизнь Олонецкой Карелии и в ряде случаев активно способствовали разрешению возникших проблем локальной экономики.

¹ Подсчитано по данным: Национальный архив Республики Карелия (НАРК). Ф. 4. Оп. 15, Д. 29/53, Л. 10–21; Д. 30/1, Л. 106–107; Д. 30/28, Л. 5–13 Д. 30/34, Л. 5–16 Д. 30/37, Л. 10–128, 149–155; 190-198

² Подсчитано по данным: НАРК. Ф. 4. Оп. 11. Д. 23/233. Л. 1–287; Д. 25/268. Л. 1–163; Д. 26/280. Л. 4–135

³ НАРК. Ф. 4. Оп. 5. Д. 35/27. Л. 21–26; Оп. 11. Д. 25/268. Л. 130.

⁴ Там же. Д. 23/233. Л. 256 об.–258. Левобережная часть Вознесенья (Намойные Пески), по тогдашнему административному делению, относилась к Лодейнопольскому уезду.

⁵ Там же. Оп. 17. Д. 19/12. Л. 2, 9, 13 об., 16.

⁶ Там же. Оп. 15. Д. 24/28. Л. 16–18.

⁷ Олонецкие губернские ведомости (ОГВ). 1870. 5 сентября.

⁸ *Благовещенский И. И., Гарязин А. Л.* Кустарная промышленность в Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1895. С. 50–53.

⁹ НАРК. Ф. 4. Оп. 5. Д. 1/15. Л. 16 об.–17. Оп. 18. Д. 24/231. Л. 9.

¹⁰ Там же. Оп. 11. Д. 25/268. Л. 17–19.

¹¹ Там же. Оп. 8. Д. 6/76. Л. 59 об.–60.

¹² См.: Там же. Ф. 2. Оп. 50. Д. 86/60.

¹³ Там же. Ф. 4. Оп. 11. Д. 25/268. Л. 19 об.–21.

¹⁴ Там же. Оп. 6. Т. 1. Д. 54/37. Л. 1–15.

¹⁵ Там же. Оп. 11. Д. 26/280. Л. 11, 14.

¹⁶ Обзор Олонецкой губернии за 1914 г. Петрозаводск, 1915. С. 86–67; *Балагуров Я. А.* Фабрично-заводские рабочие дореволюционной Карелии. Петрозаводск, 1968. С. 40.

¹⁷ ОГВ. 1870. 1 июля; 1873. 1 декабря.

¹⁸ ОГВ. 1873. 1 декабря. 1874. 5 октября.

¹⁹ Петрозаводск: 300 лет истории. Документы и материалы. Кн. 2. Петрозаводск, 2001. С. 100.

²⁰ *Орлов П. А., Будагов С. Г.* Указатель фабрик и заводов Европейской России. 3-е изд. СПб., 1894. С. 719.

²¹ ОГВ. 1890. 29 августа.

²² НА РК. Ф. 4. Оп. 8. д. 2/10.

²³ См.: Карелия в период восстановления народного хозяйства. 1921—1925. Сб. документов. Петрозаводск, 1979. С. 176, 178, 179; Неизвестная Карелия: Документы спецорганов о жизни республики. 1921—1940 гг. Петрозаводск, 1997. С. 32.

²⁴ Петрозаводск: 300 лет истории. Документы и материалы. Кн. 3. Петрозаводск, 2003. С. 23.

²⁵ См.: ОГВ. 1891. 20 ноября.

²⁶ НАРК. Ф. 4. Оп. 11. Д. 23/233. Л. 21 об.—22.

Ю. Котакаллио

**СОТРУДНИЧЕСТВО ФИНСКИХ
И АНГЛИЙСКИХ СПЕЦСЛУЖБ В 1918—1920 гг.***

Конкуренция между спецслужбами Англии и России 1907 г. возобновилась в результате Октябрьской революции и прихода в России к власти в 1917 г. коммунистов. Создалось положение, при котором Сикрет Интеллидженс Сервис (СИС) начала опасаться, что территория Советской России будет недоступна для иностранцев. Для СИС стало весьма важно начать активно направлять своих агентов в Советскую Россию. Резиденты СИС отправлялись в основном через Финляндию или через сопредельный с Мурманском район Заполярья, но, конечно, использовались и другие маршруты, прежде всего через Прибалтику и Индию. Задачей разведки было получение надежных данных о том, как большевики преодолевают возникший в России хаос. Ни советские источники, ни данные перебежавших из России противников существующего режима полностью, однако, не соответствовали действительности. Наиболее достоверные данные предоставляли СИС агенты, работающие в СССР.

Из Индии в советский Ташкент был направлен с разведывательными целями подполковник Фредерик Маршман Бейли. Бейли пишет в своих мемуарах «Миссия в Ташкент»: «Мы знали, что большевики у власти, но никто не знал, что такое большевизм или какие у них цели. Казалось полезным

* Перевод статьи с финского языка выполнен канд. филол. наук С. Г. Халиповым.

взглянуть на то, что это были за люди, и вынудить их продолжать войну с Германией или, по крайней мере, оставаться нейтральными».

Но ни англичане, ни другие державы не смогли втянуть Советскую Россию в войну с Германией. В декабре 1917 г. между Советской Россией и Германией было заключено перемирие, а 3 марта 1918 г. подписан Брест-Литовский мирный договор. Антанта же возлагала надежды на сохранение восточного фронта, на контрреволюционные силы России, а также на интервенцию и на своих резидентов. Самый известный разведчик, посланный в Советскую Россию, был Сидней Рейли, под кодовым названием «СТ1». В начале 1918 г. начальник СИС Камминг через район Мурманска направил его в Советскую Россию. Задачей, которую тогда ставили перед Сиднеем Рейли, была подготовка свержения советского правительства. После покушения Фанни Каплан на Ленина антикоммунисты и представители Антанты оказались в трудном положении. 31 августа 1918 г. советская тайная полиция (ВЧК) организовала обыск в английском посольстве в Москве, а также подготовила убийство в Петрограде коммодора Френсиса Кроми и арестовало несколько англичан¹. В результате Великобритания прервала дипломатические отношения с Советской Россией. Часть английских резидентов сумела скрыться от ВЧК, перебравшись различными способами через границу. К тем, кто тогда покинул страну, относился и Сидней Рейли, выбравшийся из Советской России в Хельсинки через Эстонию, а затем уже вернувшийся в Англию.

Пока шла Первая мировая война, к бежавшим из России гражданам в Финляндии относились весьма сдержанно. После окончания Гражданской войны военные интересы Финляндии заключались прежде всего в экспансии на Восток. Финляндии не нравилось, что в Мурманске находилось большое количество войск Антанты, что воспринималось как угроза Финляндии и ее интересам. Англичане же относились к финнам с явным недоверием. Отношение к Финляндии начало меняться только после того, как Германия потерпела поражение в Первой мировой войне.

Уже в ноябре 1918 г. СИС направила в Советскую Россию Пола Дьюкса, который имел в спецслужбах Великобритании

кодовое название «СТ25». Начальник СИС Менсфилд Камминг принял его на работу в СИС, поскольку ранее Дьюкс был в России и вернулся в Англию лишь после революции².

В середине ноября 1918 г. на Карельском перешейке финские пограничники помогли Дьюксу переправиться на советскую территорию через реку Сестра. У Дьюкса были поддельные документы ВЧК, с которыми он в Петрограде мог чувствовать себя в достаточной безопасности. Дьюкс вернулся в Финляндию в декабре, сообщив добытые им сведения в английское представительство в Хельсинки и встретившись в Стокгольме с майором СИС Скейлом. До начала нового года он вновь вернулся в Советскую Россию, получив снова от финских пограничников соответствующие документы. В Петрограде Дьюкс продолжил собирать информацию, а также начал сотрудничать с контрреволюционно настроенными гражданами. Теперь добываемые сведения Дьюкс переправлял через границу в Финляндию либо лично, либо через своих курьеров. Маршрут проходил из Петрограда на Карельский перешеек и, возможно, дальше уже в Хельсинки.

Однако переправка через границу на Карельском перешейке становилась достаточно сложной ввиду шпионофобии в Финляндии, а также подозрительности пруссаков настроенных бывших финских активистов и егерей. Так, бывший командир 27-го прусского королевского егерского батальона полковник Эдвард Аусфельт, немец по происхождению, получивший финское гражданство и являвшийся тогда комендантом Терийоки (Зеленогорск), явно стремился затруднить работу Дьюкса. Он даже задержал его, хотя затем все же вынужден был освободить английского разведчика. Тем не менее в январе 1919 г. по требованию англичан коменданта Терийоки заменили, назначив на это место Кая Доннера. Капитан Доннер стремился не допускать произвольного пересечения границы. Он задерживал или высылал курьеров и агентов, работающих на Антанту. Поэтому Третий отдел финского Генштаба вынужден был сообщить Доннеру, что курьеры Дьюкса имеют право передвигаться «с любого места и для любой поездки без особого разрешения от нас по праву, данному лицам не подлежащим допросам и ответственности перед ведомством уважаемого коменданта».

Однако пересечение границы осуществлялось не без проблем и далее. Доннер на границе вскрывал письма тайных английских резидентов, хотя знал о деятельности разведчиков. Более того, по инструкции, которую утвердил еще предшественник Доннера, комендант Аусфельт, требовалось всех, кто стремится в Советскую Россию, останавливать, открывая по ним огонь. В результате, по данным англичан, деятельность активистов и егерей, имевших связь с немецкими резидентами, создавала серьезные проблемы англичанам в организации переправок через границу Финляндии с Советской Россией. По сведениям английского агента «СТ24», весьма деятельный германский агент Ханс Иоахим Бассевиц заплатил миллион марок за то, чтобы связи англичан через Карельский перешеек с Петербургом вообще прервались. Подобная работа, естественно, негативно сказывалась на финско-английских государственных отношениях и затрудняла получение Финляндией от Великобритании признания независимости. Англия требовала, чтобы немецких агентов выдворили из Финляндии. Показательно, что только после выезда из Финляндии двух немецких резидентов Бассевица и Бартельца, Англия признала независимость Финляндии. Бассевиц же далее занялся разведывательной деятельностью Германии уже во Франции.

Конечно, переход границы и переправка данных для СИС всегда представляла опасность и с точки зрения деятельности ВЧК. Сама переброска через границу являлась крайне рискованной. В начале 1919 г., в частности, были застрелены два курьера английской разведки. В свою очередь финны задержали на Карельском перешейке в апреле 1919 г. курьера, «хотя он работал на англичан». Подозрения Англии были вновь связаны с «немецкими агентами» внутри Третьего отдела финского Генштаба. Тем не менее для СИС было важно сохранить резидентурный маршрут к Петрограду через перешеек. Если бы курьеры СИС не имели возможности пересекать границу, то связь англичан с Дьюксом, очевидно, была бы прервана, а данные о Советской России полностью бы иссякли. Британская сторона надеялась, что Лондон сможет достичь с финским правительством договоренности, которая бы не позволила прервать нелегальную переброску англичан в Россию. С точки зрения СИС для достижения этой цели нужно было

начать неофициальные переговоры с Маннергеймом. Англия уверяла регента К. Г. Э. Маннергейма, что их целью была лишь разведка, а не стремление поддержать какую-либо из сторон. Это, однако, не соответствовало действительности, поскольку английская разведка, сохранившаяся в Советской России благодаря деятельности Дьюкса, позволяла СИС поддерживать контакты с контрреволюционерами Петрограда и помогать им. В Петрограде Дьюкс был связан, по крайней мере, с контрреволюционным «Национальным центром» Белого движения, который ставил своей целью ликвидацию большевистского правительства.

Тем не менее в результате активных действий советской контрразведки связь с Дьюксом все же прервалась, он оказался в Советской России в изоляции. Теперь для руководителя СИС Менсвилда Камминга встала задача реанимировать разведывательную деятельность. Весной 1919 г. налаживать прерванные контакты отправился капитан Огастус Эйгар («СТ34»). Ему сообщили, что он получит помощь от Финляндии, Швеции, Эстонии и Латвии. Камминг также считал, что полезно сохранять хорошие отношения с нейтральными странами. Если отношения будут нарушены, Эйгара немедленно отзовут назад. Сама же деятельность Эйгара должна была быть незаметной, и он должен был при проведении операций использовать гражданскую одежду. Однако у него оставалась и униформа, которая была необходима на случай его задержания, поскольку считалось, что людей без военной формы могут расстрелять как шпионов.

Весной 1919 г. Огастуса Эйгара переправляют через границу на двух торпедных катерах с тремя офицерами и двумя механиками. Несколько ранее резиденты «СТ30» и «СТ31» осуществили предварительную подготовку для успешной деятельности группы. «СТ31» имел связь с финским правительством. Были подделаны документы для «группы Эйгара». В дальнейшем Эйгар должен был уже сам обеспечивать деятельность группы. Разведчиков разместили на катерах в гавани Терийоки. Финны дали разрешение, на предоставление которого, по мнению Эйгара, частично повлияло то, что Финляндия ждала от Антанты признания де-юре ее независимости. На Финском заливе англичане стали использовать не только

торпедные катера, но и прибывшую в 1919 г. на Балтийское море флотилию адмирала Кауэна, которая имела базы на эстонском берегу в Таллине, а также заходила в Хельсинки и имела базы на Сейскари и в Койвисто (Приморск).

Естественно, Эйгару необходимы были не только торпедные катера, но и поддержка с финской стороны. В частности, для осуществления плана было очень важно получить от финнов специальные полномочия и чтобы назначенный комендантом приграничного района 16 февраля 1919 г. подполковник Сарин позволил Эйгару без затруднений действовать в районе Терийоки. И Эйгар получил полную свободу для своих действий в Терийоки. Ему и экипажам катеров выдали разрешения, по которым можно было свободно отойти от терийокского берега. Более того, власти при необходимости должны были помочь членам «группы Эйгара». Но и без этого привлеченные к операции финские контрабандисты уже начали помогать группе, предоставив необходимую для катеров навигацию. Кроме того, для проведения операции нужна была еще и помощь со стороны русских, что позволяло бы создать единый план. С этой целью Эйгар завербовал двух агентов — Соколова и Гефтера.

Приступив к решению поставленной задачи, Эйгар, естественно, не сообщал, зачем он находится в Терийоки. Подполковника Сарина Эйгар лишь известил, что ведет разведку в отношении Красного флота в Кронштадте и полученную информацию передает затем коменданту. Также он не предоставлял информацию о помощи русских курьеров, целью которых было восстановление связи с резидентом Дьюксом. Нельзя забывать и о том, что финско-советскую границу тщательно охраняли. Комендант контролировал практически всех, кто прибывал в Финляндию и направлялся в Россию. Сарин стремился всячески помогать Эйгару. В частности, с его помощью англичане вышли на местного контрабандиста, хорошо знавшего воды залива у Терийоки.

Доверие к Эйгару выросло после того, как он потопил советский крейсер «Олегин». Потопление военного судна ослабило боеспособность Красного флота на Финском заливе, уменьшив тем самым угрозу для финского побережья. Комендант Сарин дал согласие на осмотр затопленного судна, если

летчик окажется над территорией Советской России. Английский агент находился в самолете на месте капитана Пауля Йельта, наблюдая произведенный им ущерб. Также Эйгару было предложено, чтобы англичане установили наблюдательный пункт, с которого могли бы собирать данные о передвижении русских по Финскому заливу.

Однако о непосредственной задаче Эйгара практически никто не знал. После затопления крейсера возникла опасность задержания Дьюкса, так как советские власти активизировали розыскную деятельность. В свою очередь англичане планировали более масштабную диверсию в отношении кронштадтской базы Красного флота. С этой целью авиаразведка англичан стала более интенсивной, но одновременно возрастала и угроза разоблачения «группы Эйгара». В результате Эйгар решил все же сообщить коменданту о своей задаче и о том, что он использует бывших русских офицеров как курьеров. Эйгар заявил о надежности русских, и что в случае необходимости это будет подтверждено в английском посольстве. Вначале комендант воспринял эту информацию негативно, однако не стал препятствовать разведывательной деятельности, поскольку по его инструкциям он должен был помогать Эйгару всеми средствами.

Для поддержки борьбы белых англичане с помощью торпедных катеров и авиации наносили удары по Кронштадту. Однако Огастус Эйгар так и не смог вывезти Пола Дьюкса из Петрограда. Дьюксу в сентябре 1919 г. пришлось бежать из Советской России, полагаясь на собственные силы. Деятельность же Эйгара была разоблачена большевистскими агентами, и ему пришлось вместе со своей группой выехать из Финляндии. К тому же большевики пытались тогда совершать целую серию диверсий против финнов и англичан. В частности, в сад дома «группы Эйгара», где большевики обнаружили базу СИС, была брошена граната.

К этому, однако, следует добавить, что финны и англичане действовали сообща в борьбе против советских шпионов. В своей работе «Военные действия для завоевания Петрограда в период 1918—1919 гг.» Каарло Курко пишет, что англичане совместно с финнами пытались в Койвисто найти предполагаемого советского разведчика и радиостанцию, с помощью

которой шпион сообщал о движении английского флота. В Койвисто его не обнаружили, но финны нашли тайную телефонную линию, ведущую от реки Сестра к Петрограду. Этот информационный канал был уничтожен. Сотрудничество с англичанами было хорошим способом усилить политические связи Финляндии с Англией.

Английская следила за попытками белых овладеть Петроградом. По данным агентов «СТ21» и «СТ28», в конце июня 1919 г. положение советского руководства казалось критическим. Однако Финляндия не атаковала без помощи союзников, поскольку нуждалась и в военной, и в экономической поддержке. Весной 1919 г. на ужине с Маннергеймом прибывший из Стокгольма майор Джон Скейл все же обсуждал возможное наступление финнов на Петроград. Однако, когда Скейл спросил прямо у Маннергейма, что он сделает, когда попадет в Петроград, Маннергейм ответил: «Дорогой майор, если я попаду в Петроград, то назначу вас королем». Маннергейм, таким образом, считал захват Петрограда невероятным.

В конце 1919 г. англичане полагали, что будущей зимой захват Петрограда белыми невозможен. Глава военной миссии англичан в Прибалтике и Финляндии генерал Хуберт де ля Поер Гаф еще в июне понял, что захват Петрограда неосуществим без помощи Финляндии. В свою очередь, согласно финскому военному министру Карлу Эмилю Бергу, для наступления на Петроград можно было бы оснастить и мобилизовать лишь треть армии. Находившийся в Петрограде Пол Дьюкс полагал, что наступление на город захлебнется еще на подступах к Петрограду.

Тем не менее в ноябре 1919 г. в Финляндию прибыли не только миссия Гафа, но и так называемая восточно-финляндская миссия. Министр иностранных дел Финляндии Рудольф Холсти был весьма доволен прибытием этой группы в Финляндию. Он надеялся также, что и флотилия под командованием адмирала Уолтера Кауэна останется в Финском заливе. Список лиц восточно-финляндской миссии в конце декабря 1919 г. включал 48 имен. На рубеже октября—ноября в группу вошли откомандированные из Лондона в Финляндию ее руководитель — подполковник Рональд Форбс Майклдзон и еще 10 офицеров и 8 солдат. Усиление группы, безусловно, повы-

сило разведывательную активность восточно-финляндской миссии.

После ухода союзников из района Мурманска целью группы стало наблюдение за военными операциями в Северной России. Главная база восточно-финляндской миссии была в Сортавале, через которую данные из-за границы переправлялись в английское посольство в Хельсинки. Прочие места деятельности восточно-финляндской миссии были в Кетеля, Суоярви и Пораярви.

Военная делегация наблюдала и за русскими, и за финскими войсками, о чем передвижении сообщалось в Лондон. В составе группы восточно-финляндской миссии были, по данным Сортавальского отдела южной Карелии, также «чистые русские», говорившие на безупречном финском. Таким образом, информацию получали и от финнов, и от русских. Сведения, получаемые миссией от русских, передавали и финнам. Данные, посылаемые Майклдзоном в английское посольство в Хельсинки, передавались через переведенного в Хельсинки майора СИС Джона Скейла финскому Генеральному штабу.

Генштаб предоставил восточно-финляндской миссии двухмесячное разрешение на переход границы, о чем сообщалось пограничникам. Отряд Майклдзона пересек границу в районе Мааселькю 15 февраля 1920 г. Однако через несколько дней после прибытия Майклдзона в Мааселькю пришли сведения о прорыве фронта под Архангельском. 25 февраля большевики захватили Мааселькю, и, по данным англичан, Мурманск тоже оказался под контролем большевиков. После ухудшения положения на фронте миссия отправилась снова в Финляндию. В Сортавалу Майклдзон прошел за пять суток, преодолев около 350 км. Его группа потеряла одного солдата.

Тем не менее, хотя между финнами и англичанами существовало сотрудничество, между восточно-финляндской миссией и Генштабом были явные разногласия. Официально англичане стремились не присоединяться к финской внешней политике. Однако положение офицеров восточно-финляндской миссии было иным. Английские офицеры, в отличие от официального курса, разделяли военно-политический курс Финляндии, поощряя нападение на СССР. Это неофициальное поощрение можно считать сомнительным, так как, по от-

четам восточно-финляндской миссии, Финляндия в своей агрессивной политике должна стать либо отчаянной, либо действительно верящей в свои достижения в будущих мирных переговорах. Однако глава миссии Майклдзон не определился по данному вопросу.

Итак, Финляндия получила возможность, несмотря на британскую политику, принимать собственные внешнеполитические решения. Англия не хотела явно вмешиваться в политику Финляндии, хотя вела разведку против Советской России и через территорию Финляндии. Положение изменилось только тогда, когда в 1919 г. англичане решили вынудить Финляндию начать наступление на Петроград.

После резкого ухудшения положения на фронте разведывательная деятельность была быстро свернута. Восточно-финляндскую миссию, за исключением двух офицеров, которые остались помогать военному атташе, распустили. Командира миссии Майклдзона перевели руководителем таллинского отдела СИС. Разведка СИС против Советской России сосредоточилась уже в Таллине и Хельсинки, причем обмен данными с финнами относительно Советской России продолжался весь последующий период.

¹ *Andrew C. Secret Service // The Making of the British Intelligence Community. London, 1985. P. 218–219.*

² *Kotakallio J. Suomen ja Iso-Britannia tiedusteluyhteistyö 1918–1920 // Sotahistoriallinen Aikakauskirja. 2006. N 25. S. 13.*

Д. А. Журавлев

**НАСТРОЕНИЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ
И ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
В ПЕРИОД СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКОЙ ВОЙНЫ
1939—1940 гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОЛИТИЧЕСКОГО
УПРАВЛЕНИЯ КБФ)**

На протяжении многих десятилетий одной из главных особенностей исследований по истории Советско-финляндской войны 1939—1940 гг. являлось отсутствие материалов, позволяющих рассмотреть весь спектр настроений в указанный период как в советском обществе в целом, так и в отдельных регионах, в частности в Ленинграде. Декларируемый в официальных изданиях тезис о единстве и сплоченности советского общества в период боевых действий серьезно сужал поле деятельности исследователей. Сегодня, когда открылся доступ к фондам политорганов советского государства, появилась возможность использовать целый ряд ценных и интересных документов, изучение которых позволяет расширить наши представления относительно настроений в СССР в период Советско-финляндской войны.

В нашем распоряжении находятся документы Политуправления Краснознаменного Балтийского флота (КБФ) за период 1939—1940 гг. В первую очередь необходимо отметить, что в политдонесениях и обзорах настроений фиксировались не только соответствующие высказывания и поступки краснофлотцев, а также красноармейцев, но и гражданского населения, в той или иной степени связанных с Военно-Морским Флотом в указанный период. Характеризуя подобный источ-

ник, следует отметить следующую его особенность. Основная роль в его создании принадлежала политорганам: именно их позиция была решающей при сборе необходимой информации, поэтому в поле их зрения чаще попадали те, кто переходил определенную допустимую черту в высказываниях и к кому необходимо было применить те или иные меры воздействия в последующем. Прежде всего фиксировались негативные высказывания, девиантное поведение различных лиц, что выходило за рамки «политически верной» линии, транслировавшейся официальной пропагандой. Анализ подобных материалов позволяет ответить на ряд локальных вопросов: какие события вызывали особый интерес со стороны населения, насколько было осведомлено советское общество о тех или иных событиях в стране и за ее пределами, каковы были основные пути распространения неофициальной информации и пр.

Анализ политдонесений и обзоров настроений открывает перед исследователем целый спектр мнений, сосредоточенных в высказываниях советских граждан по различным вопросам. Советское общество не было абсолютно монолитным, по-разному реагируя на важнейшие события во внутренней- и внешнеполитической жизни государства. Попытаемся прислушаться к мнению очевидцев событий, к голосам, воспринимавшим и передававшим получаемую информацию.

В конце ноября на советско-финляндской границе, в районе Майнилы, произошел инцидент, положивший начало кровопролитной войне. Официальная пропаганда в СССР представила случившееся как провокацию финской стороны, что послужило поводом для начала боевых действий. Подобная трактовка «выстрелов у Майнилы» надолго закрепились в отечественной историографии, а также в сознании советских людей. Вместе с тем современники не были склонны полностью доверять официальным источникам. В частности, краснофлотец Матвеев заметил по этому поводу: «Я не верю, чтоб финны первыми стреляли по нашим. Это сделали мы, чтобы скорее получить финские марки»¹.

В начале войны общее настроение в целом было приподнятое, при этом высказывания как военнослужащих, так и гражданского населения содержали значительное число штампов, тиражируемых официальной пропагандой. Необходимо так-

же отметить характерную особенность — преувеличение происходившего. Во многом показательным является мнение, высказанное одним краснофлотцем в начале боевых действий: «Финляндия против нас козявка и нечего с ней... разбить, и делу конец»². Не менее характерным является и следующий пример. Обсуждая в своем кругу вопрос о дальнейшей судьбе Финляндии, курсант Пальчевский не без бравады говорил: «...что может сделать наш флот? Выведет “Аврору”, наведет пушки, и поднимет Финляндия красный флаг»³. Неоспоримым было мнение о безусловном превосходстве Красной Армии и Военно-Морского Флота. Вместе с тем еще перед началом войны раздавались и редкие пессимистические голоса. 28 ноября краснофлотец Удалов отмечал: «Если сейчас не будет войны с Финляндией, то зимой, когда замерзнет залив и корабли встанут в гавань, финны нас разобьют, потопят все наши корабли»⁴.

Со временем война начинает проникать в жизнь и сознание советских граждан, что повлекло за собой необходимость адаптации к новым условиям как в практическом, так и идеологическом плане. Однако развертывание боевых действий, особенно для жителей районов, находившихся в непосредственной близости от фронта, повлекло за собой нарастание тревоги и в ряде случаев панических настроений, в первую очередь, среди гражданского населения, хотя «пораженческие настроения» отмечались и среди военнослужащих. В политдонесении Политического управления КБФ в начале боевых действий подчеркивалось: «Отмечаются отдельные пораженческие настроения. Среди отдельных лиц наблюдается преувеличение сил противника, его способности сопротивления и неверия в победу Советской Армии и Флота»⁵.

Вместе с тем знакомство с материалами политорганов показывает и несомненные достижения проделанной работы, и в первую очередь это касается информированности граждан по важнейшим вопросам внешней политики. Это можно проследить, например, по высказываниям краснофлотцев, в которых проявляется хорошая осведомленность о последних событиях. В частности, сверхсрочник Макаров заявлял: «...в Финляндии тоже ушами не хлопают, там не дураки сидят, и Советскому Союзу вряд ли удастся отвоевать у нее базы, так

как ее поддерживают Англия, Франция и Швеция, у которых флота гораздо больше, чем у нас»⁶. Следует отметить и аберрацию официальной информации. Последняя, накладываясь на субъективные наблюдения, ходившие слухи, принимала своеобразные формы. Краснофлотец Ситников замечал накануне войны: «Если мы будем воевать с Финляндией, то с нашей стороны будет очень много жертв. Это потому, что Финляндия очень крепко укреплена, что у нее очень много подземных аэродромов и очень трудно будет с ней бороться»⁷. Взвешенный взгляд на финскую армию проявлялся и в других высказываниях, что расценивалось политорганами негативно. Лекпом Герман, в частности, отмечал: «В случае возникновения военных действий между Советским Союзом и Финляндией в зимних условиях, финские лыжники заткнут за пояс советских лыжников»⁸.

Подобные слухи способствовали возникновению панических настроений, прежде всего в районах, прилежавших к линии фронта. С началом войны возникли опасения, что финская сторона может обстрелять близлежащие населенные пункты, и в первую очередь Ленинград. При этом главная угроза исходила от военно-воздушных сил противника, вследствие чего слухи о прорвавшихся в советское воздушное пространство финских самолетов (чаще всего фигурировали бомбардировщики) довольно часто встречались в сводках и обзорах политорганов КБФ. Так, старшина Тишкин распространял слух о том, что 12 белофинских самолетов напали на Ораниенбаум, из коих 2 было сбито и 16 посажено на лед⁹.

В отдельных случаях подобные панические настроения принимали крайние формы. Политрук Добрицкий из отдела пропаганды политотдела КБФ, проводивший беседу с женами начсостава и членами их семей в одной из воинских частей, располагавшейся вблизи Ленинграда, выбрал довольно странный метод воздействия на слушателей. Говоря о скором начале боевых действий, он акцентировал внимание собравшихся на проблемах, которые неизбежно при этом появятся, а также обнаружил существовавшие недостатки в обеспечении безопасности данной воинской части. В конце концов беседа привела к диаметрально противоположному результату — жены начсостава после подобной встречи пришли к следующему

выводу: «Здесь все погибнем в этом городке. Городок не защищен, командованию о своих семьях сейчас думать не время, а потому надо уезжать»¹⁰. Это повлекло за собой массовый психоз среди женской части городка, стал распространяться слух об эвакуации жителей из Ленинграда, жители начали собирать вещи, запасать продовольствие и переправлять его в соседние районы. В других воинских частях в окрестностях Ленинграда, пусть и не в такой степени, но подобные настроения также имели место.

Этому способствовали и ошибки политорганов флота. В газете КБФ «Часовой» особо отмечалось: «Помните, что военные действия только начались. Но враг коварен. Он еще не уничтожен. Он будет стараться посылать самолеты бомбить наши города»¹¹. Можно предположить, что наравне с мобилизацией сил военнослужащих, а также гражданского населения подобный тезис мог быть неадекватно воспринят и приватно истолкован «неокрепшими умами», спровоцировав появление слухов, связанных с особой опасностью финских ВВС.

Необходимо отметить хорошую осведомленность населения в отдельных случаях по целому ряду вопросов внешней политики, а также способность самостоятельного мышления и нетривиальных сопоставлений. В частности, сварщик Чуваков заметил в начале боевых действий: «С Финляндией поступили так же, как с Абиссинией, то есть СССР финский народ не покорился, и путем партизанской войны Финляндия изведет СССР...»¹²

И, как показало время, подобные сомнения в силах советской стороны были оправданы. Столкновение с мощной обороной, использование финской армией эффективных методов борьбы, а также неспособность в короткие сроки изменить собственную тактику привели к свертыванию наступления Красной Армии на всех участках фронта. Это, в свою очередь, породило в советском обществе волну недовольства и сомнения, т. е. «нежелательных» для власти настроений и высказываний, в которых политика советского руководства трактовалась диаметрально противоположно тому, как это преподносилось в официальной пропаганде. Старшина Алексеев охарактеризовал действия финских лыжных групп как «партизанскую борьбу народа, недовольного приходом Красной Армии»¹³.

Не согласился он также с определением этих групп как бандитских. Раздавались также голоса, в которых звучали сомнения относительно боеспособности Красной Армии. В подобном духе высказывался краснофлотец Дягилев: «Война с Финляндией идет медленно, а если придется воевать с Германией, тогда совсем не справиться»¹⁴. При этом подобные высказывания встречались довольно часто.

Первые бои показали высокий уровень выучки и оснащения финской армии, что стало особенно очевидно в сравнении с действиями советских войск. Это не замедлило отразиться в высказываниях населения. В начале января капитан Кожемякин в беседе с краснофлотцами о международном положении заявил: «Наши хотели закончить операцию с финнами в течение пяти дней, но, видимо, не закончат и в пять месяцев. Финны бегают на лыжах быстрее, чем наши части. 20 финнов вырезали роту красноармейцев»¹⁵.

Прекращение активных боевых действий было воспринято с особой настороженностью, а слухи стали распространяться с новой силой, что не могло не тревожить представителей власти. Так, начальник Политического управления КБФ бригадный комиссар Бельский в письме начальникам политотделов и военным комиссарам отдельных частей КБФ от 27 января 1940 г. отмечал: «За последнее время среди военнослужащих, вольнонаемного состава и членов семей увеличилось распространение провокационных антисоветских слухов, связанных с войной. Большинство этих провокационных антисоветских слухов несет пораженческий характер»¹⁶. Кроме того, стала поступать и информация из действующей армии, вследствие чего распространялись слухи, в которых говорилось о значительных проблемах в войсках. В январе 1940 г. военинженер 2-го ранга Листович сообщал: «Я видел, что по Невскому проходила одна войсковая часть, вид у всех понурый, небритые, головы опущены, очевидно, шли на фронт»¹⁷. Водолаз Помятун в беседе с рабочими заявил, что «наши войска, находящиеся на фронте против белофиннов, отошли назад, потому что там служат запасники, среди которых развели настроения о том, что семьи их остались необеспеченными, сейчас их заменили на регулярные войска»¹⁸. В этом же ряду стоит и высказывание краснофлотца Клапая, которое вместе с тем со-

держит и собственную интерпретацию событий: «На Финском фронте дела плохи, так как карелы, которые служат в рядах Красной Армии, переходят на сторону белофиннов и борются против нас, поэтому через каждые 5 дней части ЛВО меняются»¹⁹.

В связи с происходящим на фронте начинают появляться и первые сообщения о потерях, в частности об обморожениях в советских войсках. Краснофлотец Муругов в беседе с сослуживцами в декабре 1939 г. говорил: «Есть приказ — оставить войну с Финляндией, потому что из семи тысяч раненых половина обмороженных»²⁰. Позднее тема значительных потерь с советской стороны становится едва ли не основной в неофициальных разговорах. В начале января капитан Кожемякин утверждал: «Финны основательно потрепали один наш округ, сейчас выслан на помощь второй. Кронштадтский госпиталь завален ранеными, среди них есть и финны»²¹.

Слухи отражали целый спектр фактов и сведений, которые особо интересовали население и военнослужащих, но не нашли своего отражения в официальных источниках. 14 января 1940 г. в беседе с красноармейцами старший политрук заметил: «Отступление нашей армии произошло от того, что в тылу нашей армии остались спрятанными под землей финны в ДОТах, наша армия, пройдя большое расстояние вперед, не заметила их, а они после этого стали бить с тыла и поэтому пришлось отступить в другом направлении»²². Несмотря на «легальность» подобной информации в целом, политорганы сочли ее нежелательной, возможно, вследствие акцентирования внимания на отступлении советских войск.

Преувеличенные, а иногда и выдуманные подробности, описывающие хитрость финских войск, в результате чего им удавалось бороться с наступающей Красной Армией, могут свидетельствовать о стремлении простых граждан объяснить причины неудач советских войск, а также найти «легальные» способы объяснения военных неудач Красной Армии. Красноармейцы одной из частей, расположенной в Большой Ижоре, обсуждали следующую информацию: по их данным, был отдан приказ «переодеть часть красноармейцев в форму финских солдат и что эта часть была принята нашими частями за финнов и были все перебиты... По этому вопросу в Ленинград

приехали тов. Ворошилов и Буденный и командующий Ленинградским военным округом был снят»²³. В начале декабря в одной из частей военкому был задан вопрос: «Правда ли, что один из отрядов Красной Армии был окружен финнами, одетыми в гражданское платье и уничтожен?»²⁴ Фиксировались и слухи, основанные на реальных фатальных ошибках отдельных частей. Один из военнослужащих, прибывший с передовой и проходивший лечение в госпитале, рассказывал о том, что на фронте был случай, когда части Красной Армии по ошибке стреляли по своим же частям, вследствие чего было много убитых и раненых²⁵.

Тема неспособности командования эффективно руководить войсками, а также возможной его смены звучала в высказываниях гражданского населения и военнослужащих с конца декабря 1939 г., при этом возможность снятия командиров со своих постов и сопутствовавшая ей тема измены переплетались. Сотрудница одного из учреждений КБФ на службе рассказывала, что 10 тыс. бойцов, участвовавших в десанте под Выборгом, в результате измены со стороны командования были уничтожены белофиннами. Якобы ночью специально зажгли костры и собрали бойцов для проведения политработы. По этому костру белофинны и открыли огонь²⁶.

Кадровые перестановки в рядах командования еще на стадии, когда информация об этом была строго секретной, не были тайной для советских граждан. Кроме того, существовала и благодатная почва для подобных размышлений у тех, кто не имел возможности черпать сведения из достоверных источников. Необходимо отметить, что пути проникновения, а также «питательная среда» подобной информации были различными. 20 декабря младший командир Васильев заявил: «Кандидатура Мерецкова снимается с баллотировки в областной Совет, так как он снят с работы за плохое руководство военными действиями. Во время боев командиры многих частей убегали, оставляя бойцов. Наша авиация плохо действовала, отсюда плохо продвигается фронт»²⁷. Краснофлотец Цыганков в конце декабря 1939 г. сообщал, что, будучи в Ленинграде, услышал, что «на финском фронте командование ЛВО отстранено и для руководства фронтом выехал тов. Мехлис»²⁸. В конце декабря 1939 г. работница Селезнева поделилась со

своими коллегами информацией о том, что «как будто бы арестовано командование ЛВО за измену Родине». В марте 1940 г. вновь стали распространяться слухи о смене командования, а также обсуждалась судьба Мерецкова²⁹ и других высокопоставленных лиц. В частности, гражданин Васильев утверждал, что «арестован нарком Военно-морского флота товарищ Кузнецов за измену Родине, что он давал приказания бомбить нашей авиацией территорию, занятую Красной Армией»³⁰.

Учитывая подобные мнения, не удивительно, что часто вместе с обвинениями верховного командования звучала также критика политического строя, в адрес руководства страны. Значительное недовольство политикой правительства в среде красноармейцев и краснофлотцев было заметно в период ведения мирных переговоров. Краснофлотец Балацук отмечал, в частности: «Мне не понятна наша политика, чужой земли мы не хотим не пяди, а сейчас видно, что территорию захватили и она отходит к нам, как теперь понимать три особенности Красной Армии? Говорили, что врага будут бить до конца, за освобождение народа, а получается совсем по-другому»³¹. Краснофлотец Смирнов следующим образом высказывался по данному вопросу: «Сколько воевали и все зря, людей много потеряли, хотя бы ту территорию Финляндия отдала, которую завоевала Красная Армия. Вот с 7-го марта происходят переговоры, но ничего не известно было, вообще, что делает Правительство нам ничего не известно, все скрывается»³². Звучали и радикальные высказывания. Стоит привести слова краснофлотца Ковецкого: «Политика СССР сходится с политикой Гитлера — политика СССР — захватническая»³³. Наряду с этим возникал вопрос и о судьбе такой советской внешнеполитической инициативы, как создание Народного правительства Финляндской демократической республики. Краснофлотец Брисковский заявлял: «Ничего тут не поймешь, то была Народная Республика в Финляндии, и мы с ней имели разговор, не зная больше никого. Вдруг где-то нашли другую республику и заключили с ней договор о прекращении войны. Наша политика освобождения рабочего класса Финляндии от белофинских банд сорвалась. Заключая договор, оставили Финляндию неосвобожденной»³⁴.

Вопрос о цене возможной победы, о потерях, которые несли наши части, в том числе вследствие низкой квалификации командования, неизменно обсуждался советскими гражданами. Особенно часто это происходило в начале февральского наступления Красной Армии. При этом в ряде случаев была слышна и политическая подоплека. В конце февраля 1940 г. красноармеец Соловьев заявил: «Зачем такое освобождение, когда мы можем потерять по количеству людей три таких Финляндии?»³⁵

Учитывая значительные потери Красной Армии, а также относительно удачное наступление в феврале—марте 1940 г., стало преобладать мнение о том, что заключение мира с Финляндией является выражением слабости Советского Союза, свидетельством неспособности его вести дальнейшую борьбу с Финляндией. Младший командир Огарков после окончания войны утверждал: «Это хорошо, что кровопролитие кончилось, но все же нам, такой сильной стране, мириться с такой сильной букашкой, как Финляндия, позорно, а когда-то говорили, что мы ее шапками забросаем в течение 5—6 дней»³⁶. В подобном же духе высказывался красноармеец Кудалкин: «Нужно было до окончания разбить финнов, а то над нами будут смеяться другие страны!»³⁷ Вместе с тем сказались информированность военнослужащих относительно международной обстановки. Старпом Капитанов задавался вопросом: «Не понимаю, почему заключили мирный договор с Финляндией, а дело до конца не довели, неужели наше правительство испугалось других стран?»³⁸ В связи с этим в очередной раз поднимался вопрос о цене победы. Краснофлотец Егоров замечал по этому поводу: «Сколько времени воевали, средств много затратили, а теперь заключили мирный договор. Надо было их добивать до конца»³⁹. Краснофлотец Евсеев отмечал: «Напрасно заключили договор, надо было бы вести войну до конца, а то нашего народа много погибло, а до конца дело не довели»⁴⁰. Таким образом, радикальные настроения военнослужащих в целом характеризует следующее высказывание: «По-моему, зря наше правительство подписало договор о мире с Финляндией, лучше было бы разбить и захватить всю Финляндию»⁴¹.

Военнослужащие крайне отрицательно относились к любым уступкам со стороны Советского Союза, апеллируя к горькой цене доставшейся победы. При этом в их словах отчетливо слышалось недовольство действиями властей, в первую очередь правительства. Краснофлотец Девятов заявлял: «Советское правительство поступает неправильно, отдавая Финляндии завоеванные нами города, как Петсамо, это уже второй случай, когда Советский Союз без всякого на то основания отдает города. Вы только посмотрите, сколько погибло людей на этой земле и за что? Люди завоевали эту территорию, а правительство отдает обратно»⁴². Хорошая осведомленность военнослужащих в вопросах внешней политики позволяла им делать нестандартные заключения относительно дальнейшего развития событий. Краснофлотец Баранов высказывал следующее мнение: «Теперь Финляндия будет плацдармом против СССР, и в скором времени придется в два раза больше пролить крови. Надо было бы бить их до конца и присоединить к себе всю Финляндию»⁴³.

В очередной раз критиковалась авантюрная попытка сталинского окружения создать марионеточное правительство в Финляндии. Воентехник 2-го ранга Яковлев высказывался по этому поводу: «Воевали, воевали с Финляндией, проливали кровь, а теперь черт знает зачем заключили мирный договор, а правительство Народного фронта возвратилось в СССР, и будет оно шпионить в пользу Финляндии»⁴⁴. Майор Твардовский также довольно нестандартно выразил свое мнение: «Непонятно, как же теперь быть с Народным правительством, куда оно денется. Ведь мы ему помогли в освобождении финского народа, а теперь выходит, что это было не что иное, как фиговый листок»⁴⁵.

Необходимо отметить, что рассматриваемые документы интересны не только как источник, дающий информацию о наиболее важных вопросах, поднимавшихся в советском обществе. В нем содержатся также и отдельные указания на то, каким образом проникали к советским гражданам сведения, которые не публиковались в официальных средствах массовой информации.

Информация, подчас весьма детальная, содержащая яркие подробности, поступала к советским гражданам различ-

ными путями, затем трансформировалась в зависимости от целого ряда факторов. Одним из путей проникновения подобной информации являлись письма с фронта, которые, несмотря на цензурные ограничения, содержали сведения, в корне отличавшиеся от официальной пропаганды. Красноармеец Драгунов в беседе с сослуживцами 14 января сообщил: «Моя соседка получает письма от мужа с фронта. Раньше он писал, что все идет хорошо, обещал даже скоро вернуться. А сейчас прислал письмо и пишет, что возвращения не жди, возврата нет — гибнут наши бойцы от холода и пуль противника. Укрепления нам никак не сбить, ни бомбы, ни снаряды их не берут»⁴⁶.

Еще одним путем проникновения «нелегальной» информации в советское общество, исключительно в районах, прилегающих к театру военных действий, являлось радио, а именно радиопередачи, которые транслировала финская сторона. При этом слушавшие их, как гражданские, так и военные, делились впоследствии полученными сведениями со знакомыми. Так, в Кронштадтском военно-морском госпитале по ошибке технического персонала вместо трансляции концерта из Ленинграда осуществлялось вещание передачи финской радиостанции на русском языке⁴⁷. Вместе с тем следует отметить, что подобный источник информации не всеми воспринимался как незаконный, а в отдельных случаях происходили и вовсе удивительные вещи. В 12-м железнодорожном дивизионе сам военком, старший политрук Ефимов, организовал в декабре 1939 г. коллективное прослушивание «антисоветской передачи», пригласив к себе в купе военнослужащих своей части, «а до этого несколько раз слушал сам эти передачи»⁴⁸. На острове Гогланд политрук 50-го батальона Клиназаухов регулярно принимал «антисоветские передачи», добросовестно записывал их, а затем рассказывал их содержание командирам.

Кроме того, в близлежащих к театру военных действий местностях часто встречались листовки «антисоветского содержания», которые, несмотря на директивные указания, не сдавались оперативному уполномоченному Особого отдела НКВД и не уничтожались, а проникали затем не только в Ленинград (в сводках Политуправления КБФ сообщалось о случаях нахождения большого числа листовок прямо на улицах города),

но и далее, в глубь страны. Об особой значимости уничтожения подобных материалов указывалось в письме Бельского, адресованного военкомам и начальникам политотделов соединений КБФ: «В каждом отдельном случае обнаружения антисоветских листовок доносить в Политуправление КБФ как о чрезвычайном происшествии»⁴⁹. Такое же отношение было и к чтению иностранных журналов, которые обнаруживали советские военнослужащие на финской территории. Необходимо отметить, что чтение листовок и журналов в большинстве случаев не рассматривалось советскими гражданами как предосудительное действие. Чаще всего ими руководило любопытство, желание больше узнать о происходящем.

Можно назвать и такой своеобразный путь проникновения информации, который условно можно назвать «бытовым». Например, заведующий складом 2-го отдела ГВП Кудрявцев, находясь в Ленинграде у родственника, прибывшего с фронта, «слышал через стенку квартиры разговор», содержание которого впоследствии и распространял⁵⁰.

Основным источником слухов являлся Ленинград. Именно отсюда в свои части отбывали военнослужащие из увольнения, распространяя увиденное и услышанное, сюда приезжали по различным делам гражданские лица. При этом необходимо отметить, что сам Ленинград был крупным центром, где сосредотачивалось большое количество людей с различных направлений, обладавших значительным объемом информации. Можно предположить, что сведения, «доставленные» из Ленинграда, расценивались как авторитетные, заслуживающие доверия. Довольно часто рассказывающие, прибывшие из Ленинграда, употребляли такие формулы, как «сказал незнакомый гражданин», «слышал в городе» и пр.

В отдельных случаях о происходящих событиях мог рассказать их непосредственный участник. Информация, полученная из указанных выше источников, передавалась затем родственникам или знакомым, сослуживцам, просто в разговоре. При последующей передаче сведений они трансформировались, обрастая новыми подробностями и дополнениями. Подчас такой «испорченный телефон» кардинально изменял первоначальный вариант.

Политдонесения и общественные настроения, материалы политорганов Балтийского флота являются важным источником по истории советского общества в 1930—1940-е гг., который характеризует жизнь советского общества с других сторон, делает происходившее более рельефным. Он дает представление не только о жизни военнослужащих, но и гражданского населения, раскрывает позицию властей по целому ряду вопросов внутренней и внешней политики. Одна из особенностей указанных документов состоит в том, что они содержат эмоционально окрашенную информацию, так как высказывавшийся не следил за «политкорректностью» своей речи, акцентируя внимание на том, что волновало его в конкретный момент. Вместе с тем необходимо отметить, что существуют и ограничения рассматриваемых источников, уже отмеченные нами ранее, что определялось позицией политорганов, для которых было важно фиксировать и контролировать, в первую очередь, негативные настроения в обществе.

¹ Российский государственный архив Военно-Морского Флота (далее РГА ВМФ). Ф. Р-34. Оп. 6. Д. 832. Л. 10.

² Там же. Д. 837. Л. 308.

³ Там же. Д. 761. Л. 74.

⁴ Там же. Д. 837. Л. 323.

⁵ Там же. Л. 311.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же. Д. 832. Л. 173.

¹⁰ Там же. Д. 837. Л. 313.

¹¹ Там же. Д. 828. Л. 143.

¹² Там же. Д. 837. Л. 311.

¹³ Там же. Д. 832. Л. 173.

¹⁴ Там же. Л. 71.

¹⁵ Там же. Д. 835. Л. 186.

¹⁶ Там же. Д. 828. Л. 242.

¹⁷ Там же. Д. 931. Л. 5.

¹⁸ Там же. Д. 884. Л. 171.

¹⁹ Там же. Д. 835. Л. 99 — 100.

²⁰ Там же. Л. 100.

²¹ Там же. Л. 180.

²² Там же. Д. 828. Л. 242.

²³ Там же. Д. 884. Л. 128.

²⁴ Там же. Д. 931. Л. 5.

²⁵ Там же. Д. 884. Л. 128.

²⁶ Там же. Л. 148.

²⁷ Там же. Л. 204.

²⁸ Там же. Д. 836. Л. 100.

²⁹ Там же. Д. 884. Л. 204.

³⁰ Там же. Л. 113.

³¹ Там же. Л. 232.

³² Там же. Л. 231.

³³ Там же. Д. 837. Л. 315.

³⁴ Там же. Д. 834. Л. 231.

³⁵ Там же. Д. 835. Л. 245.

³⁶ Там же. Д. 834. Л. 229.

³⁷ Там же. Л. 230.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же. Л. 231.

⁴³ Там же. Л. 232.

⁴⁴ Там же. Л. 232.

⁴⁵ Там же. Л. 232.

⁴⁶ Там же. Д. 828. Л. 243.

⁴⁷ Там же. Д. 884. Л. 157.

⁴⁸ Там же. Д. 928. Л. 13.

⁴⁹ Там же. Д. 828. Л. 294.

⁵⁰ Там же. Д. 884. Л. 205.

К.-Ф. Геуст

НАЛЕТЫ СОВЕТСКОЙ ДАЛЬНОЙ АВИАЦИИ НА ХЕЛЬСИНКИ С ФЕВРАЛЯ 1944 г.

На проходившей с 29 ноября по 2 декабря 1943 г. Тегеранской конференции в состав советской делегации был включен, в частности, Александр Голованов, командующий авиацией дальнего действия (АДД). Эти военно-воздушные части не были связаны с фронтовой авиацией, а подчинялись непосредственно Ставке как специальное элитное подразделение, называемое иногда «сталинский кулак».

После переговоров с западными союзниками Сталин лично передал Голованову распоряжение постараться заставить Финляндию отказаться от союзных отношений с Германией, приступив к массированным бомбардировкам финнов. Сталин считал, что сильный удар с воздуха по сердцу Финляндии — столице сломит боевой дух финнов, и тогда Финляндия будет вынуждена подписать сепаратный мирный договор с СССР.

Маршал Голованов заверил Сталина, что АДД способна выполнить поставленную задачу. В начале января 1944 г. подразделения АДД были непосредственно переброшены на Северо-Запад СССР и там ожидали в полном боевом порядке благоприятных погодных условий. Объекты Хельсинки были тщательно определены, из них главными были сугубо административные, военные и промышленные сооружения. При этом бомбить гражданское население не предполагалось. Это, в частности, можно заметить из схемы целей АДД¹.

Надо учитывать, что серия бомбардировок Хельсинки была первой крупной стратегической операцией АДД — авиационное соединение не имело еще опыта подобных массовых налетов с большим количеством самолетов². Бомбардировка в ночь с 6 на 7 февраля 1944 г. стала полной неожиданностью для финнов. Следующая бомбардировка прошла через 10 дней, а затем третья, последняя, в ночь с 26 на 27 февраля 1944 г. При последнем налете были разрушены, в частности, главное здание Хельсинкского университета на Сенатской площади (на другой стороне площади находится здание правительства Финляндии, которое, очевидно, и являлось объектом бомбардировки), а также библиотека Технического института, которая располагалась вблизи верфи Хиаталахти. Десятидневный интервал в бомбардировках, вероятно, зависел лишь от погодных условий. За три ночи бомбардировок Хельсинки было совершено 2120 вылетов, сброшено около 11 000 бомб. Около 800 упали на застроенные части города³.

Следует при этом учитывать, что в связи со снятием блокады Ленинграда, АДД уже действовала относительно недалеко от территории Финляндии, но финская разведка не смогла тогда сделать правильных выводов и не заметила, что эта авиационная группировка готовилась к налетам на Финляндию. О неожиданности первых бомбардировок говорит, в частности, тот факт, что из города не стали эвакуировать важные правительственные учреждения и гражданское население. Даже главнокомандующий маршал Маннергейм попал под падающие бомбы. В результате ему пришлось отменить намеченный ужин с министром иностранных дел Х. Рамсаем и министром Ю. К. Паасикиви.

Однако уже 23 августа 1943 г. карта целей советских летчиков была известна в Финляндии, поскольку ее получили с одного из сбитых над Финским заливом советских разведывательных самолетов. Более конкретная информация о переброске АДД в район Ленинграда и указание на возможность новой бомбардировки были добыты 12 декабря 1943 г. В этот день транспортный самолет «Ли-2» с командиром авиаполка на пути на левашевскую авиабазу на юге Карельского перешейка потерял в условиях плохой видимости ориентацию и был сбит финским истребителем. Самолет упал около фин-

ской авиабазы в Сууляярви. При вынужденной посадке часть экипажа и пассажиров погибла. Однако финнами был взят в плен тяжело раненый начальник оперативного отдела 102-го авиаотряда, капитан А. Д. Коробов, который на допросах сообщил весьма интересные сведения об АДД и ее организации. На основании допросов финны сделали вывод, что задачей АДД (о чем Коробов, несомненно, даже не знал) является лишь поддержка с воздуха операции по снятию блокады Ленинграда⁴.

Благодаря деятельности финской радиоразведки, оправившейся после первой ночи авианалета, потери в городе оказались небольшими (погибло всего 145 человек). Основываясь на данных радиоразведки, власти успели принять нужные меры защиты от второй и третьей бомбардировок. Точную информацию о летевших на Хельсинки бомбардировщиков получали через радары Вюрцбурга, а также через станции воздушного наблюдения в Эстонии⁵.

Однако о результативности системы ПВО Хельсинки в Финляндии и в России сложились совершенно различные представления. Если в Финляндии считают, что эффективность огня зенитных установок составила 95%, в результате чего бомбардировщики начали сбрасывать свои бомбы не в центре Хельсинки, то по мнению российской стороны, в ряде немецких городов зенитная артиллерия была намного эффективнее. В Хельсинки, с точки зрения генерал-полковника (в 1944 г. капитана) В. Решетникова, «было только несколько прожестков и случайный зенитный огонь»⁶. При точном немецком огне зенитных орудий по летящим советским самолетам финский принцип заслонного огня был явно неизвестен советским летчикам. Ведь главная цель заслонного огня заключалась не в уничтожении самолетов, а в том, чтобы помешать самолетам сбрасывать бомбы и чтобы бомбы не падали на застроенный центр города, где собственно и находились цели АДД. В воспоминаниях советских летчиков есть, во всяком случае, многочисленные указания на «мощную огневую бурю в хельсинкском небе».

Тем не менее после серии бомбардировок Хельсинки АДД начала бомбить в ночь с 9 по 10 марта 1944 г. Таллин, причем целями, в частности, были порт и вокзал. Воздушная оборона

оккупированного Германией Таллина была значительно слабее финской. В результате бомбардировка оказалась более тяжелой: погибло почти 1300 человек и было разрушено свыше 51% зданий города.

На обратном пути советских самолетов из Таллина финские ВВС смогли организовать контрудар благодаря информации, перехваченной радиоразведкой. Свыше 20 финских бомбардировщиков рано утром 10 марта 1944 г. незаметно влились в подразделение АДД в районе острова Суурсаари в Финском заливе. Когда советские самолеты приблизились к своим базам, финские бомбардировщики нанесли удар без собственных потерь по авиабазам в Левашево, Козимово и Горской, т. е. севернее Ленинграда.

Есть основания полагать, что все издания советского периода о деятельности АДД — как очерки подразделений, так и воспоминания отдельных летчиков — были, как правило, подвергнуты жесткой цензуре. Тяжелые бомбардировки Хельсинки если и упоминаются, то лишь вскользь, тогда как менее значительные операции советских ВВС в годы войны получили большее освещение⁷. В некоторых воспоминаниях авторы вообще не касаются объекта бомбардировок, а сообщается лишь «о крупном портовом городе на берегу Балтийского моря» (т. е. Хельсинки) и т. п. Однако описание маршрута свидетельствует о том, что речь шла о бомбардировке именно финской столицы.

После первой бомбардировки Хельсинки представитель финского правительства Ю. К. Паасикиви тайно посетил Стокгольм для выяснения у советского посланника А. Коллонтай возможных условий мира с СССР. Паасикиви находился в Стокгольме с 12 по 23 февраля 1944 г. (т. е. во время второй и третьей бомбардировок). Поскольку Коллонтай не дала исчерпывающего ответа, у Паасикиви появилась возможность узнать о конечных условиях мира прямо от советского руководства в Москве.

Уникальная поездка Паасикиви и бывшего министра иностранных дел Карла Энкеля в разгар войны была совершена 27 марта 1944 г. на пассажирском самолете «DC-3» шведской авиакомпании, который пролетел севернее Выборга и достиг Ленинграда. При посредничестве Коллонтай самолету было

предоставлено окно, т. е. был временно прекращен огонь на Карельском перешейке. Самолет, на котором находился Паасикиви, вернулся в Стокгольм тем же маршрутом через четыре дня. Обратный перелет был еще опаснее первого, поскольку боялись, что японская разведка в Москве может перехватить информацию о переговорах Паасикиви. Если бы эти сведения дошли до немцев, то эскадрилья немецких ночных истребителей, дислоцировавшаяся на хельсинкском аэродроме в Малме⁸, могла сбить самолет на котором летел Паасикиви, чтобы помешать финнам вести нежелательные для Германии поиски сепаратного мира!

Благодаря визиту Паасикиви, а также оптимистическим сообщениям Коллонтай и шведских дипломатов, бывших посредниками, у советского руководства сложилось впечатление, что Финляндия непременно запросит мира. Следовательно, АДД выполнила свою задачу, и подразделения тяжелых бомбардировщиков передислоцировались в центральную Россию для выполнения иных стратегических задач. Так, в начале мая 1944 г. АДД поддерживала, в частности, освобождение Крыма, а в июне—августе 1944 г. активно участвовала в операции «Багратион», когда освобождали Белоруссию и часть Украины. В итоге восточный фронт переместился чуть ли не к самой Варшаве.

Однако для Сталина и Иванова стало большим сюрпризом, что финляндское правительство и парламент на своих заседаниях 12 апреля 1944 г. не одобрили предложенные Паасикиви и Энкелю «мягкие» условия мира⁹. Разумеется, известия о попытках достижения Финляндией мира также дошли до и немцев. В результате Гитлер запретил поставлять оружие и продовольствие «своему ненадежному союзнику начиная с 6 апреля». Так бомбардировка Хельсинки и удачная воздушная оборона города решительно ухудшили положение Финляндии в глазах как Сталина, так и Гитлера!

Сталин решил еще раз попытаться «подействовать на сознание упрямых финнов». Ленинградский фронт получил приказ готовиться на Карельском перешейке к наступлению. Оно началось 10 июня 1944 г. АДД не участвовала в этом «четвертом ударе Сталина», а бомбардировщики готовились к Белорусской операции. Однако АДД 9 июня 1944 г. днем по-

лучила неожиданный приказ сильным ударом уже на следующую ночь начать уничтожение выборгского «железнодорожного узла». Интенсивность планировавшегося бомбового удара должна была во много раз превзойти масштабные бомбардировки Хельсинки¹⁰. Причем количество целей было явно меньше, чем в столице Финляндии.

Однако на маршруте бомбардировщиков АДД к Хельсинки над территорией Гродно—Смоленск погода испортилась. По причине стопроцентной облачности и ливня всем самолетам было приказано прервать свой полет и приземлиться на запасных аэродромах в центральной части СССР. Каков мог быть результат прерванного налета на Выборг? Даже если бы удалось поднять в воздух все финские истребители, то наверняка они бы понесли значительные потери. В результате истребителей и пилотов после этого удара осталось бы значительно меньше для борьбы с налетами фронтовых ВВС, т. е. самолетами 13-й армии ВВС Ленинградского фронта.

Можно также представить, как превратившийся в груды развалин Выборг морально подействовал бы на боевой дух и боеспособность финской армии и народа. Разрушение могло бы быть действительно колоссальным и в отношении человеческих жертв, и в материальном отношении. Войска Карельского перешейка были в клещах между двигающейся вперед «огневой бурей» и остававшимся позади разрушенным городом, из которого нельзя было обеспечить подвоз оружия, не говоря уже о передвижении войск, а также соответствующей эвакуации. Таким образом, возможно, что Финляндию спасли буря и ливень, царившие в ночь с 9 на 10 июня 1944 г.

Тем не менее после тяжелых сражений лета 1944 г., а также после произошедшей в начале августа 1944 г. смены президента Финляндия и СССР перешли к новому раунду переговоров, которые, наконец, привели к прекращению боевых действий на фронте 4—5 сентября 1944 г. Согласно мнению командующего ВВС дальнего действия генерал-полковника Решетникова, Сталин теперь хотел убедиться, что «финны не подведут второй раз и что их обещания теперь, наверняка, будут выполнены»¹¹. В результате Красная Армия получила приказ прекратить огонь лишь через сутки после того, как это сделали финские войска¹².

Поскольку командование АДД в феврале 1944 г. сообщило советскому руководству, что Хельсинки был разрушен до основания, то представители Союзной Контрольной комиссии, направлявшиеся осенью 1944 г. в столицу Финляндии, предполагали, что придут на руины города. Генерал-полковник А. Жданов, председатель Союзной Контрольной комиссии, весьма удивился, когда увидел, что город даже не был разрушен, как до этого сообщал начальник штаба АДД и высокопоставленный политработник М. Шевелев.

Естественно, Жданов немедленно доложил об обстановке Сталину, который пришел в ярость, поскольку осознал, что ему до этого говорили неправду. Поскольку эскадрильи тяжелых бомбардировщиков АДД были еще нужны для разгрома сильных оборонных линий вокруг немецких городов (в частности, Кенигсберга, Бреслау и, естественно, Берлина), а маршал ВВС Голованов был все же способным командиром, то Сталин выбрал метод наказания, который не ухудшил дееспособность АДД. Так, в день независимости Финляндии, 6 декабря 1944 г., из частей авиации дальнего действия было сформировано отдельное стратегическое подразделение ВВС, подчиненное Верховному командованию. По приказу Сталина из АДД сформировали 18-ю воздушную армию, подчиненную «фронтовым ВВС» под командованием маршала авиации А. Новикова. Одновременно ликвидировали все отдельные преимущества для летчиков АДД.

Поскольку в Кремле, по видимому, все еще подозревали, что вышеупомянутый капитан АДД Коробов, взятый в плен 12 декабря 1943 г., все-таки раскрыл финнам план бомбардировки Хельсинки, то уже летом 1947 г. Союзная Контрольная комиссия потребовала передать ей документы, которые касались данного вопроса¹³. Тем не менее большинство документов, касающихся этого дела, очевидно, уже были утеряны (или перевезены из Финляндии в период проведения финскими спецслужбами операцией «Северная Звезда» («Стелла поларис»)).

Известный историк, занимавшийся проблемами боевых действий в воздухе, Олаф Греллер, так объясняет падение статуса АДД: «Поскольку поражение Германии осенью 1944 г. было явным, а эффективность бомбардировок западных со-

юзников удивила Сталина, советский диктатор почувствовал парадоксальную возможность политически использовать незначительную результативность в авианалетах АДД. Дело в том, что, подчиняя АДД тактическим силам ВВС в качестве одной из воздушных армий, Сталин смог бы утверждать, что СССР вообще не обладает стратегическими силами ВВС и даже никогда не собирается бомбить немецкие города. Значит, только западные союзники причастны к уничтожению и террористическим бомбардировкам немецких городов!»¹⁴

Маршал ВВС Голованов — единственный советский маршал военного периода, так и не получивший высший военный орден СССР — «Золотой звезды героя». Он был также единственным маршалом, которому даже в 1970-е гг. не было разрешено опубликовать свои мемуары¹⁵. Морально маршал Голованов так и не оправился от этих ударов. Последней должностью маршала стала «достойное рядового генерала» командование дивизией парашютистов. Нецензурированное издание мемуаров Голованова вышло лишь в октябре 2004 г., т. е. спустя почти тридцать лет после его смерти¹⁶.

С августа 2004 г. Финляндию пять раз посещал участвовавший в бомбардировке Хельсинки в феврале 1944 г. ветеран АДД генерал-полковник Василий Решетников, который до 1980 г. служил заместителем командующего ВВС СССР. Генерал-полковник Решетников прочитал две публичные лекции в финском Музее Авиации в Ванте, а также в Авиационном музее Средней Финляндии в Тиккакоске. Кроме того, он дал несколько интервью. Примечательно, что военные специалисты прибыли в Хельсинки даже из Петербурга и Таллина для того, чтобы проинтервьюировать Решетникова. После докладов развернулась живая дискуссия. Для большинства слушателей это была первая возможность узнать об опыте и взглядах бывшего летчика на зимние ночи 63-летней давности.

¹ Следует сказать, что нельзя предполагать, что АДД со своей тактикой и самолетами того времени, а также свободно падающими, сброшенными ночью с большой высоты бомбами, могла попасть по главным мишеням. Разумеется, для этого нужна была бы штурмовая авиация с полетами в светлое время суток.

² См.: *Роэцин Г. П.* История дальней авиации СССР. М., 2005; Дальняя авиация — первые 90 лет. М., 2004; Дальняя авиация России. М., 2004; Главный маршал Голованов. М., 2001.

³ См.: *Geust C.-F.* Helsingin ja Kannaksen taivaalla 1944 — Neuvostoliiton Kaukorommitusilmavoimien toiminnasta // *Sotahistoriallinen aikakauskirja*. 1994. N 13; *Teust K.-Ф.* В небе над Хельсинки и Карельским перешейком — зима-лето 1944 года // *Авиация и время*. 1997. № 4, 5, 6; *Geust C.-F.* Neuvostoliiton kaukotoimintailmavoimat kesän 1944 suurhyökkäyksessä Karjalan kannaksella // *Sotahistoriallinen aikakauskirja*. 2004. N 23; *Medved A., Hazanov D.* ADD:n hyökkäykset Helsinkiin // *Sotahistoriallinen aikakauskirja*. 1999. N 18; *Медвед А., Хазанов Д.* Цель — Хельсинки // *Авиация*. 1999. № 3.

⁴ Пилота «Ли-2» младшего лейтенанта Г. С. Козовякина передали немцам 08.01.1944, однако неизвестно, что знал Козовякин, а также почему немцы заинтересовались им.

⁵ Летом 1943 г. из Германии были доставлены несколько современных радаров дальнего слежения Фрея, дальность измерения которых достигала ок. 200 км. В Финляндии этот радар получил название Рая. Также были доставлены радары ведения огня Вюрцбург—Дора, которые финны назвали Ирья.

⁶ См.: *Решетников В. В.* Что было — то было. М., 1996; *Решетников В. В.* А. Голованов. Лавры и тернии. М., 1998.

⁷ *Богкарев П. П., Парыгин Н. И.* Годы в огненном небе. М., 1991; *Цикин А. Д.* От «Ильи Муромца» до ракетносца. М., 1975; *Тимоховиц И. В.* Оперативное искусство советских ВВС в Великой Отечественной войне. М., 1976. С. 248—249; *Горностаев Н.* Мы воевали на Ли-2. М., 1990; *Решетников В.* Из опыта боевых действий дальней авиации в операциях сухопутных войск // *Военно-исторический журнал*. 1984. № 7; *Гунбин Н. А.* В грозовом небе. Ярославль, 1984. С. 148—149; *Кот А. Н.* На дальних маршрутах. Киев, 1983. С. 119—121; *Молодт А. И.* Самолет уходит в ночь. М., 1986. С. 217—226; *Перемот Д. К.* На дальних маршрутах. Минск, 1985; *Богданов Н.* В небе — гвардейский Гатчинский. Л., 1980; *Киньдюшев И. И.* К победным рассветам. М., 1978.

⁸ После первой ночи бомбардировки 12 февраля 1944 г. в Малме была переведена немецкая эскадрилья ночных истребителей «1./JG 302».

⁹ Примечательно, что в мемуарах летчиков АДД до сих пор дает о себе знать ошибочное представление, что Финляндия согласилась на заключение мира в результате бомбардировок Хельсинки.

¹⁰ Около 500 самолетов в течение 30 мин должны были сбросить бомбовый груз, составлявший 600 т, в то время как в случае Хельсинки бомбардировка длилась несколько часов.

¹¹ См.: *Решетников В. В.* Что было — то было.

¹² На это также повлияло радиовыступление премьер-министра Антти Хакселля, где он весьма неопределенно публично высказался о разрыве Финляндией отношений с Германией.

¹³ *Geust C.-F.* Stalinin haukat Suomen kentillä (Valvontakomission lentotoiminta Suomessa 1944—1947 // *Sotahistoriallinen aikakauskirja*. 1997. N 16.

¹⁴ *Groehler O.* The Long-Range Airforces in the Great Patriotic War of the USSR (1941—1945) // *Militärhistorisk Tidskrift*, 1991.

¹⁵ Фрагменты мемуаров Голованова («Дальняя бомбардировочная...») были опубликованы в номерах журнала «Октябрь» (1969. № 7; 1970. № 5, 9; 1971. № 11; 1972. № 7). О прекращении издательства и о запрете на печать свидетельствовал также отказ от издания уже сверстанной книги С. Грибанова. Эта работа вышла лишь в начале 1990-х гг. (*Грибанов С.* Заложники времени. М., 1992).

¹⁶ *Голованов А. Е.* Дальняя бомбардировочная... М., 2004.

В. Г. Макуров

ПЕРЕСТРОЙКА ЖИЗНИ КАРЕЛИИ НА ВОЕННЫЙ ЛАД В 1941 г.

Ранним утром 22 июня 1941 г. войска фашистской Германии и ее союзников без объявления войны вторглись на территорию СССР. Так началась Великая Отечественная... В 12 часов того же дня с правительственным сообщением выступил по радио заместитель председателя Совнаркома, нарком иностранных дел страны В. М. Молотов. Президиум Верховного Совета СССР издал указы: «О мобилизации военнообязанных», «Об объявлении в отдельных местностях СССР военного положения» (в том числе и на территории Карелии) ¹.

Как и во всей стране с первых часов войны стала перестраиваться вся жизнь Карелии. В 7 часов утра 22 июня 1941 г. открылось расширенное заседание бюро ЦК КП(б) КФССР с участием руководителей Верховного Совета и Совета Народных Комиссаров, на котором была зачитана поступившая из Москвы шифрограмма с сообщением о внезапном нападении Германии и в связи с этим рассмотрены первоочередные мероприятия. Около 10 часов утра во все районы выехали руководящие работники для оказания практической помощи местным партийным органам в проведении военно-организационных мероприятий, прежде всего мобилизации военнообязанных первой очереди в ряды Красной Армии и Военно-Морского Флота. В первый же день войны в республике прошли массовые митинги, на которых жители Карелии заявляли о своей готовности встать на защиту Родины. Многие из

них выразили желание вступить в ряды Красной Армии и подали заявления с просьбой направить их на фронт. По сообщению военного комиссара Карело-Финской ССР И. М. Макарова, к концу дня на призывные пункты явилось 60% подлежащих призыву в армию, а вечером 23 июня мобилизация военнообязанных первой очереди в основном завершилась. Всего за 1941–1945 гг. Вооруженные Силы страны мобилизовали из Карелии около 100 тыс. человек, которые сражались на всех фронтах Великой Отечественной войны ².

Одновременно с проведением мобилизации военнообязанных граждан в ряды действующей армии развернулась работа по формированию истребительных батальонов (ИБ), частей народного ополчения и партизанских отрядов. К осени численность бойцов-истребителей составляла более 5600 человек ³. Летом и осенью 1941 г. в силу сложившейся тяжелой обстановки на фронте, отсутствия достаточного количества регулярных частей Красной Армии ИБ Карелии направлялись на передовые позиции фронта и вели упорные бои с противником, в которых проявили стойкость и мужество. Участвуя в этих первых, неравных и самых тяжелых боях против превосходящих сил противника, ИБ понесли ощутимые потери, но выполнили свой долг с честью.

Народное ополчение состояло из добровольцев, пожелавших с оружием в руках защищать свою землю. «Мы считаем себя мобилизованными и призываем всех трудящихся Карелии, кто может держать оружие, вступить в ряды народного ополчения», — единодушно заявили на митинге рабочие Онежского завода. К августу 1941 г. в подразделениях насчитывалось около 22 тыс. человек. Они несли охрану важных объектов, дорог, мостов и т. д., а в первые месяцы войны служили резервом для пополнения войск на фронте ⁴.

С первых дней войны в Карелии стали создаваться подпольные группы и партизанские отряды для борьбы с захватчиками. Многие подпольщики и партизаны достойно проявили себя в сложной боевой обстановке. Подпольщиками были карелка Мария Мелентьева и вепс Анна Лисицына, которым посмертно присвоено звание Героев Советского Союза. Всего на подпольную работу были направлены более 120 человек, в основном коммунисты и комсомольцы ⁵.

Партизанские отряды в Карелии начали создаваться в начале июля 1941 г., в августе их насчитывалось уже 15 общей численностью 1700 человек. Численный состав партизан, несмотря на имевшиеся в ходе боевых действий потери, оставался почти неизменным благодаря постоянному пополнению. С каждым годом партизанские отряды усиливали боевые действия. Всего по данным штаба партизанского движения, за 38 месяцев войны партизаны Карельского фронта уничтожили 15 тыс. вражеских солдат и офицеров, разгромили 52 гарнизона, 31 воинский эшелон, уничтожили многие десятки складов с продовольствием, боеприпасами и снаряжением. Это был ощутимый вклад в общее дело разгрома немецких и финских захватчиков на Севере. Свыше 1700 активных участников партизанской и подпольной борьбы в Карелии были отмечены наградами Верховных Советов СССР и КФССР⁶.

Обстановка требовала обучать военному делу население, способное носить оружие. На предприятиях и в учреждениях республики было организовано регулярное проведение военных занятий. Особенно широкий размах приняла работа по подготовке людей к противовоздушной обороне. Уже в 1941 г. в кружках ПВХО обучалось более 50 тыс. человек, т. е. все взрослое население не оккупированной части Карелии. Среди женщин развернулось движение по овладению санитарным делом, многие из них отправились на фронт и в военные госпитали⁷.

Неоценимую помощь фронту оказало создание силами населения летом и осенью 1941 г. оборонительных сооружений, военных аэродромов, дорог и других объектов. Люди работали в лесах и болотах почти круглосуточно, жили в палатках и землянках, испытывали недостаток в одежде, обуви и пище. В сентябре—октябре 1941 г. на оборонительном строительстве трудились 60 тыс. жителей Архангельской, Вологодской и других областей, в том числе свыше 20 тыс. жителей Карелии⁸. В кратчайшие сроки были построены тысячи блиндажей и дзотов, вырыты сотни километров окопов и противотанковых рвов на огромном протяжении фронта от Ладожского озера до Баренцева моря. Опираясь на эти оборонительные рубежи, советские войска смогли оказать более сильное со-

противление превосходящим силам противника, задержать их продвижение.

В первые месяцы войны перед Карелией стояла важная задача: в короткий срок закончить строительство железнодорожной линии Сорокская—Обозерская. (Эта железнодорожная ветка протяженностью свыше 300 км проходила по побережью Белого моря и соединяла Кировскую и Северную железные дороги.) На этот участок были направлены несколько тысяч рабочих, необходимые материалы, тракторы, автомашины и другая техника. В сентябре 1941 г. железнодорожная линия Сорокская—Обозерская была запущена. После захвата противником участка Кировской железной дороги от станции Лодейное Поле до станции Масельгская она играла особую роль в снабжении Карельского фронта и Северного флота военным снаряжением и подкреплениями из центральных областей страны, в осуществлении связей Карелии и Мурманской области со всей страной⁹.

С началом войны в Карелии предпринимались попытки организовать собственное производство отдельных видов вооружения и боеприпасов для нужд фронта. Некоторые предприятия (мастерские Сегежского целлюлозно-бумажного комбината и Кировской железной дороги, Повенецкий судоремонтный завод) начали выпуск пистолетов-автоматов, минометов, мин и гранат. В ноябре 1941 г. собиралось специальное совещание для рассмотрения данных вопросов с участием председателя Президиума Верховного Совета республики О. В. Куусинена, председателя Совнаркома П. С. Прокконена, секретаря ЦК КП(б) КФССР П. С. Солякова. Однако развернуть в условиях прифронтовой полосы в непригодных мастерских производство вооружения в достаточном количестве и соответствующего качества не удалось¹⁰.

На производство продукции для нужд фронта переходили предприятия мирного профиля. В результате несколько десятков видов оборонной продукции выпускали работники лесозаводов, промкооперации, Кировской железной дороги, местной промышленности. По заданию командования Карельского фронта производил перевозки автотранспорт хозяйственных организаций и учреждений республики, объединенный в автотабатоны и автороты. Обеспечивали бесперебойную дос-

тавку воинских грузов работники железнодорожного и водного транспорта. Труженики сельского хозяйства снабжали бойцов действующей армии продуктами питания.

Как отмечает историк К. А. Морозов, экономика республики, подчиненная интересам фронта, характеризовалась некоторыми особенностями. Во-первых, переход ее на военный лад осуществлялся в условиях, когда наши войска, ведя оборонительные сражения, в силу ряда причин, вынужденно отступали. В результате начавшийся процесс перестройки производства многим предприятиям не удалось завершить, и они эвакуировались в восточные районы страны. Во-вторых, уже в первые месяцы войны немецко-финским войскам удалось значительно продвинуться в наступлении, оккупации избежала лишь одна треть общей довоенной территории республики. В-третьих, многое из того, в чем нуждался фронт, производилось тружениками Карелии в непосредственной близости от мест боевых действий, в условиях налетов вражеских диверсионных отрядов и бомбардировок авиации, что создавало дополнительные сложности для ведения необходимых работ и угрозу для жизни людей¹¹.

Одной из наиболее сложных проблем являлось обеспечение производства рабочей силой. В связи с войной резко сократилось число рабочих и специалистов в промышленности, на транспорте и особенно в сельском хозяйстве. Поэтому на период войны вводилась трудовая мобилизация населения для проведения тех или иных первоочередных работ. Женщины, заменив ушедших на фронт мужчин, стали решающей силой во всех отраслях народного хозяйства. От привлеченных на производство недостаточно квалифицированных работников требовалось быстрое овладение сложными профессиями и постоянное повышение квалификации. На предприятиях развернулось обучение новых кадров. Школы ФЗО и ремесленные училища оказались эвакуированы, поэтому новое пополнение проходило обучение на различных курсах, в школах передового труда (стахановских школах), через индивидуальное обучение опытными квалифицированными рабочими. Все это в известной мере позволило разрешить сложную проблему кадров¹².

Война коренным образом изменила содержание и направление деятельности партийных, советских, профсоюзных, комсомольских и других общественных организаций. Руководство промышленностью, транспортом и сельским хозяйством главное внимание уделяло перестройке экономики республики в интересах фронта, удовлетворению его нужд. Обсуждались наиболее важные вопросы политической и хозяйственной жизни на местах, решения военно-оборонных задач. Как и по всей стране, в Карелии создаются политотделы машинно-тракторных станций и совхозов. В работе Советов на первый план выдвигались вопросы оказания всемерной помощи фронту, мобилизации сил республики на борьбу с врагом, перестройки народного хозяйства на военный лад. Профсоюзные организации проявляли постоянное внимание к нуждам рабочих и служащих, детей-сирот, семей военнослужащих и инвалидов войны. Такая забота имела особо важное значение, потому что в условиях войны резко сократилось производство товаров народного потребления, значительно уменьшился розничный товарооборот государственной и кооперативной торговли, ухудшилось продовольственное положение населения¹³.

В соответствии с требованиями военного времени перестраивали свою деятельность театральные и музыкальные коллективы, клубы, дома культуры, библиотеки республики. Брошюры, выпускаемые республиканским издательством, рассказывали о героизме воинов Севера, о самоотверженном труде людей прифронтового края. Республиканские газеты «Ленинское знамя» и «Totuus» («Правда»), районные газеты систематически помещали материалы о положении на фронтах, о героических подвигах бойцов Карельского фронта, о жизни тыла.

Таким образом, перестройка народного хозяйства Карелии на военный лад шла полным ходом, однако завершить ее не удалось. Вынужденное отступление частей Красной Армии потребовало эвакуации населения и перебазирования на восток промышленных предприятий, ценного имущества из районов, находившихся под угрозой захвата противником. Конкретные задачи трудящимся республики по проведению эвакуации определялись в постановлении ЦК Коммунистической партии

и Советского правительства от 27 июня 1941 г. «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества» и в директиве ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 29 июня 1941 г. Для непосредственного руководства эвакуационными работами был создан Совет по эвакуации.

Непосредственное руководство эвакуацией в Карелии осуществляла комиссия по эвакуации, которая приступила к работе в начале июля 1941 г. под руководством секретаря ЦК Компартии П. В. Солякова. Комиссия принимала решение об эвакуации, определяла ее сроки для населения и промышленных предприятий, утверждала планы и графики эвакуации, распределяла транспорт и т. п. На местах эвакуацию проводили районные и городские комитеты партии и исполкомы Советов¹⁴. Всего из республики удалось эвакуировать около 500 тыс. человек. На новых местах они продолжали самоотверженно трудиться в помощь фронту. Было вывезено на восток оборудование большинства промышленных предприятий, выпущавших продукцию для фронта¹⁵.

В связи с временной оккупацией столицы Карело-Финской ССР государственные и партийные органы республики переехали из г. Петрозаводска в г. Медвежьегорск, а затем в г. Беломорск, ни на один день не прекращая своей деятельности, направленной на решение главной задачи военного времени: «Все для фронта, все для победы!»

Для армии и военных госпиталей, развернутых на территории Карелии, была организована необходимая медицинская помощь, что позволило возвратить в строй многих раненых бойцов. Тысячи жителей Карелии стали донорами. Созданный комитет по обслуживанию больных и раненых бойцов РККА организовал шефство предприятий, колхозов и учреждений над госпиталями¹⁶.

Осуществлялся сбор личных сбережений в Фонд Оборона. За годы войны жители республики внесли на строительство боевой техники десятки миллионов рублей личных сбережений. Танки «Карельский колхозник», «Железнодорожник Кировской магистрали», самолеты «Карело-Финский донор», «Карельский пионер» и другие, построенные на личные сбережения трудящихся Карелии, сражались с захватчиками на земле и в небе. Проявлением народной заботы о Красной Ар-

мии стал сбор и изготовление теплых вещей и белья для сражавшихся воинов¹⁷.

Патриотическое движение по оказанию всемерной помощи фронту явилось демонстрацией единства фронта и тыла, армии и народа. Оно в конечном счете стало главным фактором, обусловившим победу Советского Союза над фашистской Германией и ее союзниками.

Мощные удары советских войск Карельского фронта летом 1944 г. привели к заключению перемирия между СССР и Финляндией 19 сентября 1944 г. В октябре государственная граница на Северо-Западе СССР была полностью восстановлена. В ходе освобождения от оккупации территории КФССР восстанавливались органы советской государственной власти. В июле 1944 г. руководство республики переехало из Беломорска в освобожденный Петрозаводск¹⁸. В Карелии начала налаживаться мирная жизнь.

¹ Правда. 1941. 23 июня; Ведомости Верховного Совета СССР. 1941. 26 июня.

² Книга памяти. Списки воинов, партизан, подпольщиков Карелии, погибших в годы Великой Отечественной войны. Т. 1. Петрозаводск, 1994. С. 9.

³ Национальный архив Республики Карелия (НАРК). Ф. 796. Оп. 1. Д. 57. Л. 18.

⁴ Карельский государственный архив новейшей истории (КГАНИ). Ф. 8. Оп. 11. Д. 644. Л. 13–14; Онеж. 1944. 9 июля.

⁵ Карелия в годы Великой Отечественной войны. 1945–1945. Документы и материалы. Петрозаводск, 1975. С. 272–276.

⁶ Там же. С. 252–253.

⁷ История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 597.

⁸ КГАНИ. Ф. 8. Оп. 2. Д. 19. Л. 55.

⁹ Подвигу жить в веках. Материалы военно-исторической конференции, посвященной 60-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Петрозаводск, 2005.

¹⁰ КГАНИ. Ф. 8. Оп. 2. Д. 19. Л. 55; Там же. Оп. 11. Д. 637. Л. 1–25.

¹¹ Морозов К. А. Карелия в годы Великой Отечественной войны. Петрозаводск, 1983. С. 119–120.

¹² НАРК. Ф. 1943. Оп. 1. Д. 14. Л. 10. Карелия в годы Великой Отечественной войны. Документы и материалы. Петрозаводск, 1975. С. 62.

¹³ Подвигу жить в веках. Материалы военно-исторической конференции, посвященной 60-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Петрозаводск, 2005. С. 92–93.

¹⁴ КГАНИ. Ф. 8. Оп. 11. Д. 648. Л. 127; Очерки истории Карельской организации КПСС. Петрозаводск, 1974. С. 336.

¹⁵ КГАНИ. Ф. 8. Оп. 11. Д. 648. Л. 57; Оп. 12. Д. 217. Л. 10–13; По обе стороны Карельского фронта. 1941–1944. Документы и материалы. Петрозаводск, 1995. С. 180–181.

¹⁶ Подвигу жить в веках. С. 93.

¹⁷ Там же. С. 94.

¹⁸ НАРК. 1394. Оп. 7. Д. 207. Л. 2; Советы Карелии. 1917–1992. Документы и материалы. Петрозаводск, 1993. С. 244–245.

Э. Тамми

ПОЧЕМУ ВЫБОРГ НЕ СОБИРАЛИСЬ УДЕРЖИВАТЬ В 1944 ГОДУ

До сих пор невозможно в опубликованных источниках обнаружить всю информацию по истории наших последних войн. Не всегда являются достоверными и те сведения, которые содержатся в военных дневниках. Более того, часть из них написана на ограниченном материале, а некоторые даже целиком составлены уже после окончания войны. Информативность опубликованных источников нередко зависит от круга интересов их составителей. К тому же в Финляндии после войны ряд важных документов уничтожили.

Судьба Выборга спустя более 60 лет после окончания войны продолжает волновать финнов. Как получилось, что второй по величине город Финляндии был сдан 20 июня 1944 г. почти без боя?

Генерал-лейтенант Аксель Фредрик Айро служил главным квартирмейстером в ставке. В его задачу входило составление всех оперативных планов боевых операций. Временами между ним и маршалом Маннергеймом возникали разногласия, но, «конечно, — заметил позднее Айро в телевизионном интервью, — я в конце концов побеждал».

Айро отмечал: «Карта Финляндии четко говорит, где будут проходить решающие сражения и откуда нужно ждать наступления противника, а также где находится кратчайший путь (к главным районам Финляндии. — *Пер.*). <...> Факт остается фактом, что Выборг находится не на той части водной системы. Если будем бороться за Выборг, то сам город погибнет, а после этого с ним ничего уже нельзя будет сделать. С оборо-

нительной точки зрения Выборг находится не на той стороне залива и потеря его с военной точки зрения ничего не значит. Самое главное — сохранить независимость Финляндии. <...> Не смотрите на частности, смотрите на главное!» Айро предположил, что «когда исполнится пятьдесят лет после окончания войны, то кто-то, может быть, скажет, какой в действительности была эта проблема. Тогда будет легко при всей осведомленности критиковать и говорить, почему сделано так или эдак».

Говорят, что после войны Айро в узком кругу рассказывал, что, принимая принципиальное решение об обороне Выборга, ссылаясь на оперативную точку зрения, он предлагал без боя отказаться от Выборга. Реакция верховного главнокомандующего на это предложение была крайне негативной. Речь шла якобы о потере авторитета всей страны. Летом 1944 г. полагали, что Выборг — это весьма серьезная цель для Красной Армии. «Она, наверняка, была бы важнейшей задачей для наступления русских», — считал начальник оперативного отдела Ставки полковник Вало Нихтеля.

Тем не менее уже после поражения немецких войск под Сталинградом в Финляндии широко утвердилось мнение, что Германия проиграет войну. В начале 1944 г. финское руководство в тайне начало мирные переговоры. Вопрос же об усилении войск на Карельском перешейке стал актуальным после того, как русские сняли блокаду Ленинграда и в начале февраля вышли к реке Нарова.

Оборона перешейка была плохо подготовлена. Немцы предупреждали об этом, ссылаясь на свой опыт ведения военных действий против Красной Армии. Основные укрепленные позиции были созданы на песчанике и без серьезных закрытых оборонительных приспособлений. Главнокомандующий же был сторонником крупных оборонительных работ в Восточной Карелии, и это отвлекало ресурсы от инженерно-строительной деятельности на Карельском перешейке. Нарращивание здесь войск также вызывало разногласия среди офицеров Ставки, хотя еще в январе 1944 г. генерал Айро предлагал Маннергейму ввести на перешеек дополнительные войска.

Полковник Вало Нихтеля сделал 16 февраля 1944 г. обзор, по которому армию из-за изменившейся обстановки следова-

ло перегруппировать с усилением войск на перешейке. Однако по деталям этого предложения возникла негативная реакция со стороны маршала, что привело к разногласиям с полковником Нихтеля, а также с генералом Айро, которые также считали необходимым начать переброску большего количества войск на перешеек.

С точки зрения оборонительных мероприятий, проводившихся на Карельском перешейке, все же произошли определенные изменения. Была ликвидирована группировка войск «Перешеек», и вместо нее появились два армейских корпуса. Секретной телеграммой из Ставки командующим войсками западной части перешейка был назначен бывший командир II армейского корпуса и группировки «Мааселькя» генерал-лейтенант Тааветти Лаатикайнен. Он стал командиром IV армейского корпуса.

В начале марта 1944 г. за пределами Ставки провели важные переговоры. В здание, где жил Лаатикайнена в Миккели, прибыло несколько видных военных руководителей, находившихся ближе всего к главнокомандующему. Новый командир армейского корпуса высказал высшим офицерам свои соображения. Его ознакомили с задачей и сообщили об оперативном плане, по которому позиция Выборг—Купарсаари—Тайполе должна быть в конце концов оставлена, а войска отведены за Выборг на запад, на естественную линию водной преграды. Целью этой перегруппировки являлось сохранение вооруженных сил, поэтому Выборг следовало оставить. В переговорах принимали участие генералы Айро и Хейнрикс, а также полковник Нихтеля.

В мае стало очевидно, что русские готовят наступление на Карельском перешейке. Однако крупное наступление советских войск для финнов оказалось все-таки неожиданным. Было неясно, когда, где и какими силами это наступление начнется. По некоторым оценкам полагали, что наступление начнется только в июле. Неслучайно, что 2 июня 1944 г. полковник Нихтеля ушел в отпуск.

Позднее Вало Нихтеля отметил, что «самой вероятной территорией, с которой могло начаться советское наступление, считался юг перешейка, но никто не мог ожидать, что против нас на данной стадии скопилось такое количество дивизий,

артиллерии и танков, которые приняли участие в наступлении». Высадка союзников в Нормандии 6 июня 1944 г., вероятно, заставила многих думать, что Финляндия станет следующей целью Красной Армии. Когда же наступление все же началось, фронтовые солдаты все еще находились в так называемых сельскохозяйственных отпусках, а тракторы для артиллерийских орудий продолжали использовать на сельскохозяйственных работах. Возможно, это повлияло на то, что при стремительном отступлении с основной линии укреплений не успели вывести всю боевую технику. Эвакуация гражданского населения из районов военных действий местами производилась в самый последний момент. Так, эвакуация населения Выборга шла еще 17 июня 1944 г., когда прибывали уже первые части 20-й бригады. Гражданские лица должны были покинуть город к 6 часам 18 июня. Нехватка транспортных средств и времени привела к тому, что значительная часть частной и государственной собственности досталась противнику.

Что же касается самой обороны города, то отметим, что еще в период «зимней войны» город пришлось сдать советским войскам. Противник занял лишь южную часть Выборга, и боевые действия начались в центре города на высоте Патринмяки. При этом командир II армейского корпуса генерал-лейтенант Харальд Эквист стремился сохранить войска и готов был отступить еще дальше, но маршал Маннергейм приказал оставаться на прежних позициях, поскольку знал, что идут мирные переговоры. Эквист видел, что положение очень тяжелое: «Мы ведем ужасно азартную игру! Возможно, что, не потеряв значительной части армии, мы сумеем удержать Выборг до завтрашнего вечера, но если игру придется продолжать, то, очевидно, нужно будет сделать выбор: либо наличие войск, либо — Выборг». Так, Выборг можно было бы удержать, но на очень короткий срок. В целом события «зимней войны» показали, что только условия мира могли определить, где будет проходить граница. На это не влияло, в каком месте проходила линия фронта, когда замолкли орудия.

В «зимнюю войну» за оборону Выборга сражались основные части двух дивизий. Численность дивизии тогда составляла около 17 500 человек. Войска 3-й и 5-й дивизий несли тя-

желые потери на завершающей стадии «зимней войны», сражаясь за Выборг. Но число защитников города было значительно большим, чем одна бригада в период «войны-продолжения». Численность защищавшей Выборг 20-й бригады к 20 июня 1944 г. составляло 5133 человек.

Подготовка к обороне линии Выборг—Купарсаари—Тайполе весной 1944 г. происходила большей частью только на бумаге. Командир танковой дивизии, переведенной на Карельский перешеек еще в феврале 1944 г., генерал-майор Рубен Лагус как опытный фронтовой командир хорошо понимал обстановку. В середине июня 1944 г. он отмечал, что от Выборга нужно отказаться, так как город невозможно защитить. По мнению Лагуса, на линии Выборг—Купарсаари—Тайполе нужно разместить небольшое количество войск, которые можно быстро отвести в город при прорыве противника. Оборону следовало усилить западнее Выборга. Лагус изложил свой взгляд командиру IV армейского корпуса генерал-лейтенанту Лаатикайнену. Тот признал доводы правильными, но, по его словам, «Карельский замок» (Выборг. — *Пер.*) по соображениям престижа надлежало все же защищать. Лагус заметил, что недавно назначенный командующим войсками «Перешейка» генерал-лейтенант К. Л. Эш, наверняка, будет согласен с мнением Ставки и не примет точку зрения Лагуса. Однако, несмотря на цейтнот, Лагус смог посетить штаб командующего войсками «Перешеек» в Кавантсаари и доложить о своих взглядах. Эш резко отверг выдвинутые Лагусом предложения. Потеря «столицы Карелии» представляла бы непоправимое падение престижа финнов в войне, поэтому командующий приказал защищать город до последней капли крови.

Однако с точки зрения военных действий город не имел тогда большого значения. К этому выводу позднее пришел и генерал-лейтенант К. Л. Эш. «Стратегически и тактически, — отмечал он в 1950-е гг., — потеря Выборга в конце концов не нарушала обороны перешейка, просто это был ошибочный ход с точки зрения ведения войны».

Рубена Лагуса беспокоило боевое состояние 20-й бригады, направлявшейся к «столице Карелии». Бригада вошла в Выборг в самые последние минуты перед началом сражения. Ее войска не были хорошо обучены и подготовлены к сражению

в городских условиях. Бригада прежде воевала в Восточной Карелии и не имела опыта борьбы против танков. Поэтому Лагус вновь попытался повлиять на ход событий. Он запросил право выйти на прямые переговоры с генерал-лейтенантом Айро. Получив на это разрешение, Лагус вернулся в Кавантсари. Переговоры со Ставкой начались без промедления. Айро отнесся отрицательно к предложению Лагуса. «Ничего подобного мы предлагать верховному главнокомандующему не будем», — ответил главный квартирмейстер. Очевидно, только очень узкий круг лиц знал о секретном оперативном решении Ставки относительно Выборга.

Но все же возникает вопрос о причинах стремительного краха обороны Выборга 20 июня 1944 г. Чтобы ответить на него, нужно учитывать, что противник начал свое наступление на Выборг утром 20 июня, а войска 20-й бригады частично по собственной инициативе стали отступать из города прежде чем началось сражение за город. Действительно, 20-я бригада не имела никаких перспектив вести оборонительные бои за Выборг.

До начала сражения через город прошли войска, отступавшие с Карельского перешейка. Они были невероятно измучены и находились в крайне тяжелом состоянии. Рассказы бойцов о наступающем враге, «которого никто не может остановить», могли породить панику среди защитников города. К тому же нехватка снарядов явилась также одним из решающих факторов быстрой потери Выборга. Вагоны со снарядами приказали оставить на станциях Восточной Карелии. Транспортные поезда были очень большими — до 60—70 вагонов. Мог ли вагон со снарядами существенно замедлить продвижение противника? Новое противотанковое оружие войска получали непосредственно перед боем, не успевая его освоить. К тому же фаустпатронов и противотанковых ружей было немного, и их эффективность оставалась довольно ничтожной, поскольку солдаты не умели правильно применять новое оружие.

Когда началось сражение за город, сразу же стала заметна общая нехватка снарядов. Естественно, стали предпринимать меры, чтобы исправить положение, но обстановку уже нельзя было изменить. Поэтому одной из важных причин, почему

в войсках возникла паника, стало то, что из-за нехватки снарядов собственные орудия так и не смогли открыть огонь.

К счастью для финнов, тяжелая артиллерия 20-й бригады (40-я тяжелая батарея) имела до 400 снарядов, которые она получила еще на старых позициях дивизии у реки Свирь. Эти снаряды доставили в Выборг, благодаря чему батарея, имевшая новые орудия, некоторое время сражалась за Выборг.

С другой стороны, артиллерийский склад в Раутокорпи стал печально знаменитым именно в связи с Выборгским сражением. Там тщательно соблюдали отданный суровый приказ не передавать снаряды без соответствующих письменных распоряжений. Солдаты, без приказа отступающие из города, говорили: «Нет такого закона, чтобы нас убивали без патронов!»

Кто же знал о секретном решении руководства Ставки не сражаться за Выборг? То обстоятельство, что командир артиллерии IV армейского корпуса полковник Сиппола был бюрократом, явно способствовало достижению этой цели. Подобная ситуация со снарядами имела место и в сражении за главную оборонительную позицию на Карельском перешейке. Суровая бюрократическая политика и нехватка снарядов затруднили оборону и частично привели к тому, что значительная часть артиллерии 10-й дивизии досталась противнику.

Нехватка транспортных средств также серьезно мешала обеспечению войск снарядами. По прибытии в Выборг техника осталась на вокзале, став трофеем советских войск. 94-я автоторта, приписанная к центру обеспечения Выборга при IV армейском корпусе, вообще 19 июля была переведена в Нуйямаа, хотя имела 40 пригодных грузовиков.

Связь также была почти полностью нарушена, и ее осуществление происходило главным образом через нарочных. Полковник Кемппи на протяжении всего сражения за город не имел контакта со штабом IV армейского корпуса. Более того, ситуация осложнялась еще и тем, что телефонная связь командного пункта 20-й бригады со штабом IV армейского корпуса должна была идти через Ставку и использовать ее можно было только в экстренных случаях.

Линия Выборг—Купорсаари—Тайполи практически была незащищена. Географически она была удобна для обороны,

поскольку обширная водная система замедляла продвижение противника. Единственным исключением был город Выборг.

Однако финская армия перед подавляющей мощью Красной Армии отступала, и это отступление могло быть замедлено лишь на географически более выгодной оборонительной позиции — линии Выборг—Купорсаари—Тайполи. Необходима была соответствующая глубина обороны. Если бы за город всерьез собирались бороться, то укрепления должны были быть значительно дальше от границы города.

Во время позиционной войны Выборг был местом, где войска проводили отпуск. Командированные в Выборг воинские части, однако, не сделали никаких усилий для обеспечения обороноспособности города. Более того, план обороны города не был заранее составлен. При переброске 20-й бригады в город строительство боевых позиций еще не было завершено. Окопы и траншеи с колючей проволокой отсутствовали, были лишь соответствующие каменные препятствия против танков, но не было дзотов.

При приближении линии фронта стали сворачивать воздушную оборону. 17 июня отвели разведывательные подразделения, что явно ослабило оборону города. В тот же день одна зенитная батарея была переведена в другое место, а на следующий день — еще две тяжелые батареи. 19 июня 3-й зенитный полк получил приказ разместить два легких зенитных подразделения на огневых позициях для борьбы с танками. Учитывая ослабление воздушной обороны, данный приказ можно считать странным, ибо подразделения были просто необходимы для защиты войск с воздуха. Особенно изумляли приказы отнюдь не из штаба военно-воздушных сил, а из Ставки. 20 июня начался бой за Выборг. Командир 3-го зенитного полка решил перевести свое подразделение еще дальше — в район Тиенхаара и Юустила. На территории Выборга, таким образом, не действовало ни одного зенитного подразделения. В тот же день был отдан приказ Ставки перевести подразделения 3-го зенитного полка в тыл для защиты железнодорожных перевозок, мостов и складов. Таким образом, можно сказать, что войска ПВО не принимали участие в обороне Выборга, хотя огонь их тяжелых батарей мог достать до города и с северо-запада от Кивисалмы (Тиенхаара).

Руководство IV армейского корпуса затрудняло своими бюрократическими действиями снабжение снарядами 20-й бригады. Поскольку связь между штабами отсутствовала, командующий IV армейским корпусом должен был посетить Выборг, ознакомиться с ситуацией и попытаться поддерживать контакты через посыльных офицеров. Артиллерия 20-й бригады могла быть усилена одной или двумя батареями еще утром 20 июня.

Расположение железнодорожной артиллерии не позволяло применять ее в сражении за Выборг. 16 июня в 14 часов командир артиллерией IV армейского корпуса отдал приказ: «1-я железнодорожная батарея переводится, по приказу Ставки, за выборгские мосты. Одновременно туда же переводится и 2-я железнодорожная батарея». В результате 20 июня 1-я железнодорожная батарея передислоцировалась на станцию Симоле, но при этом понесла потери от бомбардировок. Для 2-й железнодорожной батареи 19 июня определили огневые позиции со стороны Ховинмаа, но 20 июня она так и не участвовала в боях.

С точки зрения саперов, Выборг был серьезной проблемой из-за многочисленных городских мостов. Предварительный план по уничтожению мостов не был составлен. Кажется странным, что для многих мостов не были заранее приготовлены люки для взрывснарядов, как это смогли сделать, например, в тылу III армейского корпуса на мостах через Вуоксу от Куокаупи до Саймы. Причем Выборг испытывал острую нехватку взрывчатки. Саперы 20-й бригады должны были непосредственно с поезда осуществлять минирование в Кярмяки, и работа эта не была закончена, поскольку мин не хватило.

Существенные потери вызвала бомбардировка 15 июня железнодорожной дороги у Маасколы, когда было уничтожено 30 тонн тротила и 3200 противотанковых мин. Одновременно саперный склад в Линнасаари соблюдал строгие инструкции при процедуре передачи взрывчатки: она не выдавалась без соответствующего распоряжения. 16 июня началась эвакуация склада. Саперный материал перевезли через Кивисиллансалми грузовиками в Лапеенранту. Работы производила без какого-либо перерыва 13-я саперная бригада. Но несмотря на эти действия, она не смогла оказать действенную поддержки

в обороне Выборга. Наконец кому-то все-таки удалось взорвать территорию склада, когда противник уже подходил к нему. На складе было примерно 50 тонн взрывчатки, заготовленной для укрепленных позиций линии Выборг—Куппарсаари—Тайполи.

15 и 16 июня в Ставке планировали для защиты Выборга перебросить три подразделения: 17-ю дивизию, 20-ю бригаду и 18-ю дивизию. 15 июня полагали, что защитники города окажутся на объекте не ранее 22 июня, возможно, даже 25 июня! В результате в боях за Выборг участвовала лишь 20-я бригада, и город был оставлен уже 20 июня 1944 г.

После начала наступления события на Карельском перешейке развивались так стремительно, что будущее было невозможно предугадать. В июне 1944 г. положение было прямо-таки хаотическим. Поскольку боеспособность 20-й бригады оценивалась как высокая, то бригада стала главной силой по обороне Выборга.

В решающих боях лета 1944 г. на Карельском перешейке после коротких оборонительных боев были потеряны основная позиция Выборг—Тайполи, самая западная часть позиции Выборг—Купорсаари—Тайполи, и город Выборг. Потеря Выборга вызвала расследование и судебный процесс.

По мнению маршала Маннергейма, поскольку Выборг был сдан почти без боя, это был военно-исторический скандал. Главнокомандующий был настолько потрясен сдачей Выборга, что распорядился из Ставки, чтобы генерал-майор Вяйнё Палоярви расследовал сдачу Выборга. Была образована следственная группа, начались допросы. Эта мера подтверждает, что главнокомандующий не знал о секретном плане не защищать Выборг.

Для возбуждения дела против полковника Кемппи и майора Бекмана 29 июня 1944 г. материалы следствия, по решению главнокомандующего, были переданы председателю военного трибунала. Судебное расследование продолжалось несколько месяцев. 19 января 1945 г. военный трибунал вынес приговор, по которому Кемппи получил выговор, а Бекман приговорился к 8 месяцам тюрьмы. Приговор был обжалован в Верховном суде, и 12 марта 1945 г. Верховный суд принял решение, по которому он оставался в силе. Полковник Кемппи был

приговорен к аресту на 25 суток, а майор Бекман — к году тюрьмы. В отношении последнего приговор не был исполнен, поскольку 21 января 1945 г. Бекман совершил самоубийство.

В целом можно заключить, что Ставка часто принимала решения спешно, под большим давлением и при недостаточных сведениях об обстановке. «Когда звонил телефон, — вспоминал Айро, — я часто сразу принимал решение для командующего фронта. При этом нельзя было раздумывать, что кто-то будет затем об этом думать через пятьдесят лет». При этом он упоминал о трудностях при сотрудничестве с главнокомандующим. «Нельзя забывать, что Маннергейм был стариком», — часто повторял он. Маннергейму исполнилось 4 июня 1944 г. уже 77 лет. Разница в возрасте между главнокомандующим и штабным окружением составляла 23—31 год. «Маршал, — отмечал Айро, — получил кавалерийское образование в XIX веке. Во Второй мировой войне, в XX веке, нужно было руководить артиллерией, танками и всем остальным. Взгляд маршала на руководство войной и на командование армией заключался в действии командира кавалерийского армейского корпуса на польском фронте». Он также подчеркивал, что у Маннергейма «явной проблемой был недостаток штабного образования». В качестве общего вывода можно сказать, что люди, близкие к главнокомандующему, были моложе его на целое поколение, более образованны и мобильны, чем Маннергейм.

Генерал Айро отмечал: «Информация постоянно шла из всех частей фронта в Ставку. Кроме этого маршал имел собственные источники информации. Мне приходилось тщательно продумывать, что и когда нужно рассказывать маршалу. Способ работы с главнокомандующим был сложным, поскольку докладывающих было много. То есть сведения шли к нему без соответствующей фильтрации, что вредно действовало на его силы. С этим была связана путаница, и реакции маршала иногда могли быть неадекватными. Временами ему было трудно принять решение при данных обстоятельствах. Иногда положение было хаотическим. Нельзя было предлагать слишком много различных вариантов, и иногда нам вместе приходилось обдумывать, что мы представим маршалу».

В целом манера маршала руководить войсками была весьма индивидуальной, а имевшаяся у него власть позволяла действовать по собственному усмотрению. При этом у маршала была одна серьезная слабость: Маннергейм сосредоточил слишком много проблем, которые он должен был решать сам.

Иногда случалось, что какое-либо заключение главнокомандующего могло привести к противоположному решению. Именно в критические моменты лета 1944 г. система Маннергейма командования войсками подверглась серьезному испытанию, которое проявило ее неэффективность.

Положение маршала в качестве главнокомандующего было безоговорочным. Он пользовался авторитетом и уважением. Маннергейм был нужен Финляндии в трудные военные годы. Близкие к нему люди видели, однако, ситуацию изнутри, и им приходилось принимать собственные решения.

Неизвестная сторона Выборгского сражения 20 июня 1944 г. долго оставалась за пределами официальной историографии. Ссылки на то, что не все еще было об этом сказано, появлялись между строк в книгах, рассказывающих о последнем дне Выборга. Например, участник обороны Выборга капитан, позднее подполковник Ууно Таркки написал две книги об этом сражении. Он провел исследовательскую работу, стремясь выяснить тайную подоплеку падения Выборга. Таркки считал вероятным, что здесь присутствовала закулисная деятельность.

Положение Финляндии во время двух последних войн было не из лучших. К началу «зимней войны» в стране было меньше населения, чем в Ленинграде. Против хорошо оснащенного противника, перешедшего границу в 1500 км, был сильный дефицит обороняющихся. Хотя положение в «войне продолжения» не было столь тяжелым, как во время «зимней войны», основной задачей оставалось сохранение независимости страны. Ясно, что ведущие войну генералы должны были взвешивать различные варианты в своих планах и принимать более удачные решения.

Н. И. Барышников

**ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПЕРЕХОДА
ФИНЛЯНДИИ ОТ ПЕРВОЙ КО ВТОРОЙ
РЕСПУБЛИКЕ**

Середина 1940-х гг. для Финляндии знаменовала собой поворотный этап в ее развитии, выразившийся в переходе в области внутривнутриполитического состояния и определения внешнеполитического курса на новую основу. Все это произошло без каких-либо перемен в конституционном строе. Начало такому процессу положили преобразования в жизни государства в соответствии с соглашением о перемирии, подписанном Финляндией 19 сентября 1944 г., которое положило конец участию ее в войне на стороне фашистской Германии. «С того времени, — отмечал У. К. Кекконен, — внутренняя и внешняя политика нашей страны претерпела коренное изменение: нынешнюю эпоху можно назвать периодом второй республики (выделено мною. — Н. Б.)»¹.

В чем же конкретно выразилось произошедшее изменение? Коснемся прежде всего внутривнутриполитических перемен, когда Финляндия стала на путь выполнения конституционных демократических норм, предусматривавших свободную деятельность ранее запрещенных общественных организаций и политических партий. Вместе с тем в соответствии с требованием соглашения о перемирии были предприняты меры для пресечения действий сил профашистской направленности, приведших к установлению в стране режима диктатора узкого круга лиц и подавления демократических свобод. Парламент, обретая твердость в своих действиях, принял 23 сентября 1944 г. закон о роспуске организаций профашистского и чисто

военизированного толка. На этой основе было ликвидировано по всей стране около 400 таких организаций. К тому же вскоре, в октябре, новое правительство распорядилось об аресте тех, кто совершил военные преступления. Среди 33-х арестованных находились командиры дивизий и крупные военачальники.

Большим событием явилось привлечение к ответственности главных виновников вовлечения Финляндии в войну на стороне фашистской Германии из числа бывших руководителей страны и дипломатов. На скамье подсудимых оказались прежние президент Р. Рюти и главы правительства Ю. В. Рангель и Э. Линкомиес, четыре тогдашних министра — В. Таннер, Х. Рамсай, Т. Рейникка и А. Кукконен, а также посланник в Берлине Т. Кивимяки. Судебный процесс, проходивший в Хельсинки с 15 ноября 1945 г. по 21 февраля 1946 г., доказал их вину и был вынесен приговор о наказании виновных тюремным заключением на различные сроки.

Председателем суда Онни Петяусом ставился вопрос в начале октября 1945 г. относительно привлечения к судебной ответственности и маршала К. Г. Маннергейма. Судьей высказывалось мнение, что «военным преступником № 1 является Рюти, а военным преступником № 1а — К. Г. Маннергейм»². Но дело до суда над главнокомандующим финской армии, ставшим 5 августа 1944 г. президентом страны, все же не дошло. Хотя, в виду существовавших у Маннергейма опасений о возможности иного исхода, он выехал в начале ноября 1945 г. за границу и находился там до конца года, когда истек срок привлечения к суду ряда лиц высшего финского руководства за военные преступления.

Такая обстановка в стране благоприятствовала и процессу демократизации, и укреплению роли парламента. Уже к середине октября 1944 г. более тысячи политических заключенных были освобождены из тюрем и концентрационных лагерей³. Среди вышедших на свободу были видные деятели компартии Финляндии Вилле Песси, Аймо Аалтонен, Хертта Куусинен и многие активные участники демократического движения. Обрели свободу известные сторонники развития дружественных отношений с СССР Хелла Вуолийоки, Маури Рюэия, Кай Сундстрем.

Получив возможность действовать легально, финские демократы сразу же включились в активную общественную деятельность. Под руководством вышедшей из подполья коммунистической партии была создана массовая организация, объединившая левые силы, — Демократический союз народа Финляндии (ДСНФ). С ноября 1944 г. им стала издаваться газета «Вапаа Сана» («Свободное Слово»), приобретшая большую популярность в широких слоях населения.

Весьма значимым событием явилось и образование общества «Финляндия — Советский Союз». В числе его организаторов были довольно видные деятели различных политических партий страны. Один из них, У. К. Кекконен, представлявший Аграрный союз, говорил: «Создание общества “Финляндия — Советский Союз” 15 октября 1944 года означало утверждение организации, имевшей важное значение для достижения доверия между Финляндией и Советским Союзом»⁴. Уже к апрелю 1945 г. эта организация приобрела большую поддержку среди населения. В ее ряды вступило 125 тыс. человек⁵.

Но весьма существенным показателем переломного характера в настроениях народных масс Финляндии явился успех ДСНФ на парламентских выборах, проходивших 19 марта 1945 г. Это демократическое объединение получило почти четвертую часть всех голосов избирателей (около 400 тыс.) и 49 мандатов из 200 в парламенте.

После выборов произошло и другое важное событие, повлиявшее решающим образом на перемены в самом правительстве. 13 апреля 1945 г. образовался блок трех крупнейших фракций парламента — ДСНФ, Социал-демократической партии и Аграрного союза, которым в совокупности принадлежало 148 мандатов. В совместной декларации блока указывалось, что необходимо окончательно отказаться от вредной для страны внешнеполитической ориентации, проводившейся в прошлом представителями консервативных кругов, и установить искренние добрососедские отношения с Советским Союзом.

Сформированное на основе блока трех фракций правительство во главе с почетным председателем общества «Финляндия — Советский Союз» Юхо Кусти Паасикиви начало осуществлять новый внешнеполитический курс. На заседании

парламента 19 апреля Паасикиви заявил, что «правительство делает все, что в его силах, для развития и укрепления отношений с Советским Союзом на базе искреннего обоюдного доверия и уважения, взаимных связей и прочной дружбы»⁶.

Как известно, затем этот курс последовательно осуществлялся, что привело к закреплению перелома в послевоенных отношениях между Финляндией и СССР и заключению ими 6 апреля 1948 г. договора о Дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи.

Анализируя указанные события, важно констатировать значимость перехода Финляндии от первой ко второй Республике. К сожалению, в финской исторической литературе на современном этапе это не прослеживается. Более того, государственная и общественно-политическая деятельность выдающегося государственного деятеля Финляндии — У. К. Кекконена, способствовавшего столь важному изменению в стране, некоторыми финскими политиками и историками умалывается или представляется в искаженном виде⁷. Но рассмотрение их сочинений является уже особой темой.

БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ: СОТРУДНИЧЕСТВО И ПРОТИВОСТОЯНИЕ

¹ Кекконен У. К. Финляндия и Советский Союз. Речи, статьи, интервью 1952–1975. М., 1975. С. 221.

² Suomi J. Vonkamies Urho Kekkonen 1944–1950. Keuruu, 1985. S. 223.

³ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. II. М., 1946. С. 264.

⁴ Кекконен У. К. Дружба и добрососедство. Речи и выступления. 1963–1967. М., 1968. С. 52.

⁵ Demokraattisen kansan kalenteri. 1946. Hels., 1945. S. 87.

⁶ Valtiopäivät. 1945. Pöytäkirjat I. Istunnot 1-73. Hels., 1945. S. 45.

⁷ См.: Vihavainen T. Kansakunta räähällään. Suomettumisen lyhyt historia. Hels.; Keuruu, 1991; Rautkallio H. Kekkonen ja Moskova. Suomi lännestä nähtynä 1956–1962. Hels.; Jyväskylä, 1991; Rautkallio H. Agenda Suomi. Kekkonen-SDP-NKP 1956–1966. Porvoo; Hels.; Juva, 1999; Nevakivi J. Miten Kekkonen pääsi valtaan ja Suomi suomettui. Hels.; Keuruu, 1996.

П. А. Кротов

ФЕНОМЕН РОССИЙСКОГО ФЛОТА НА БАЛТИКЕ ПРИ ПЕТРЕ ВЕЛИКОМ

Быстрое и прочное утверждение на Балтийском море российского Военно-Морского Флота в первой четверти XVIII столетия поразило современников. Регулярный Военно-Морской Флот стал одним из наиболее ярких символов всей эпохи петровских преобразований. В чем же состоит феномен флота Петра Великого на Балтике?

Финансовая и материальная база. Существенная черта феномена российского флота на Балтийском море при Петре Великом — это то, что он был создан только за счет российских внутренних финансовых источников (при этом в исторически кратчайшие сроки).

Вопрос о материальной основе петровского Военно-Морского Флота ключевой для понимания его феномена и весьма непросто для анализа. Современного исследователя Н. Н. Петрухинцева изучение «технологических аспектов строительства и использования» как Балтийского, так и Азово-Черноморского флотов Петра I привело к весьма пессимистическому выводу. Историк пытался «избежать типичной ошибки — недоучета специфики России как “периферийной” в мировой системе страны с ограниченными экономическими, бюджетными и техническими возможностями и с ярко выраженной географической спецификой, делающей почти невозможной и стратегически ненужной доктрину мощного наступательного флота на Балтике...»¹. Н. Н. Петрухинцев однозначен в своем заключении: «Относительно скудные материальные и фи-

нансовые возможности России не позволяли иметь одновременно с громадной сухопутной армией мощный флот, ориентированный на наступательные действия»².

Русский монарх придерживался иных воззрений на то место, которое Россия должна занимать в мировой системе международных отношений. Можно добавить, что в результате масштабной модернизации государственного механизма, создания мощных вооруженных сил, действенной и целенаправленной внешней политики страна и заняла положение великой державы. Россия вышла за пределы европейской «периферии» именно благодаря преобразованиям Петра I. Новый великодержавный статус страны был оформлен в международном праве по Амстердамскому договору России, Франции и Пруссии. Это международное соглашение было подписано 4 (15) августа 1717 г. Согласно соглашению в международном праве закреплялась новая роль России, свойственная именно великой державе, — быть гарантом общеевропейской системы международных отношений³. Умело мобилизовать имеющиеся ресурсы и существенно их увеличить позволил гений правителя страны, который, по существу, стал главной движущей силой всех проводившихся преобразований. Несмотря на достаточно ограниченные экономические, бюджетные возможности петровской России, Петр сумел решить многочисленные задачи. Впервые в истории России Петр I сумел столь зримо воплотить «доктрину мощного наступательного флота на Балтике». В военных действиях против Швеции именно корабельный и гребно-парусный (галерный) флот играл в 1713—1721 гг. решающую роль, а сухопутные силы только вспомогательную.

Нельзя не согласиться с тезисом, что Россия в годы правления Петра I смогла создать флот за счет сравнительно скромных финансовых затрат. Это становится очевидным, если провести сопоставление расходов на военные нужды с затратами такого рода ведущей европейской военно-морской державы XVIII столетия Великобританией. Бюджетные расходы Британии за 12 лет ее участия в войне за Испанское наследство (1702—1713) составили 98 207 000 ф. ст.⁴ Следовательно, ежегодно они в среднем равнялись 8,2 млн ф. ст. Считая ф. ст. равным по курсу 4 руб.⁵, это составит 32,8 млн рублей. Доля

бюджетных расходов Великобритании на вооруженные силы составляла в те годы 66%. С учетом же выплаты долгов за войны 1689–1697, 1702–1713 и 1739–1748 гг. Великобритания каждый год расходовала на вооруженные силы от 75 до 85%⁶.

Приблизительно такую же структуру расходов госбюджета имела тогда и другая великая держава Европы – Франция. В годы Девятилетней войны 1689–1697 гг. и войны за Испанское наследство 1702–1714 гг. расходы этой страны на армию колебались ежегодно от 57 до 65%, расходы на флот не превышали 10%⁷. Всего расходы французской казны на вооруженные силы, стало быть, доходили до 75%.

Россия же в 1709 г., в год Полтавской победы, затратила на все нужды государства бюджетных средств только 3,2 млн руб.⁸ Таким образом, государственные расходы России были в десять раз меньше, чем у Британии. На военные цели в годы Северной войны в России тоже уходила львиная доля государственных расходов. Так, в 1701 г. их доля составляла 78,3%, в 1702 г. – 76,5%, в 1703 г. – 76,9%, в 1704 г. – 82,9%, в 1705 г. – 95,9%, в 1706 г. – 80,6%, в 1707 г. – 81,7%, в 1708 г. – 82%, в 1711 г. – 90,6%⁹.

Расходы госбюджета на флот колебались в первой четверти XVIII в. в пределах 10%. Они составляли 12,6% в 1704 г., 11,6% в 1707 г., 8,6% в 1709 г., 11,1% в 1720 г. и 12,6% в 1724 г.¹⁰

Таким образом, в госбюджетах России, как и Великобритании и Франции, в годы ведения военных действий доля расходов на вооруженные силы была высока и приблизительно одинакова; процент расходов на Военно-Морской Флот в бюджете России и Франции приблизительно совпадает, но в денежном выражении сумма расходов на военные нужды в России была многократно меньше. Это важнейшая сторона феномена военной мощи петровской России – она стоила стране с точки зрения финансового бремени несоизмеримо меньше, чем, скажем, первой военно-морской державе того времени Великобритании.

В 1724 г. доля затрат на содержание российских вооруженных сил была по-прежнему высока – 67,6%¹¹. Из этого можно сделать вывод, важный для оценки направленности гос-

бюджета: он носил «военный характер» даже в год, когда объявленных войн Россия не вела.

Каким же образом располагавший несопоставимо меньшей доходной базой госбюджета Петр Великий сумел поставить Россию в ряд сильнейших военных держав Европы?

Американский историк В. Фуллер полагает, что грозная военная машина России времени Петра Великого действовала эффективно, извлекая пользу из «преимуществ отсталости». В качестве таких архаичных институтов русской государственности историк справедливо выделил «такие явные отсталые институты, как самодержавие и крепостной строй»¹². В. Фуллер пишет: «...полагаю, что Россия стала великой державой не столько стремясь превзойти Запад, но изобретя новый способ борьбы, который извлекал выгоду из ее архаичного политического и общественного устройства»¹³.

Эта мысль верна. Петр Великий сумел реформировать архаичную военно-служилую монархию с институтами сословного представительства (Боярская дума, Земские соборы и т. д.) и сформировать новый тип государственной машины. Абсолютная монархия, по своей социальной сущности «дворянская империя», созданная в ходе и итоге преобразований первого русского императора, позволила, не меняя тогдашних первооснов российской государственности – монархического строя и крепостничества, встать вровень с другими великими державами по реальному влиянию на дела Европы. Самодержавная воля монарха, правильно и глубоко понимавшего главные нужды развития страны, позволила сосредоточить небольшие в сравнении с богатыми государствами европейского континента финансовые ресурсы России на ключевых направлениях модернизации. Скромность финансовых возможностей страны на рубеже XVII и XVIII столетий восполняли огромные естественные материальные и многомиллионные людские ресурсы страны. Если Франция располагала на 1700 г. округленно 20 млн жителей¹⁴, Соединенное королевство Великобритания (с Шотландией) – 9 млн, разобщенный конгломерат соперничавших друг с другом государств под названием Священная Римская империя германской нации – 8 млн, то Нидерланды – только 1,8 млн чел.¹⁵ Именно небольшая численность населения Нидерландов не в послед-

ную очередь не позволила правительству этой страны продолжить великодержавную политику после выхода из войны за Испанское наследство (1713)¹⁶. Если Россия, согласно данным первой ревизии 1719 г., располагала населением 15,7 млн чел.¹⁷, то ее соперник в Северной войне — Швеция во всех своих пестрых в национальном отношении владениях, охватывавших с разных сторон Балтийское море, имела значительно меньше — около 2,5 млн жителей¹⁸.

Господствовавшая в России крепостническая система давала возможность за счет применения административных методов широко пользоваться дешевым трудом. Неразвитость права частной собственности на землю, находившейся главным образом во владении государства, позволила наладить использование огромных природных богатств в интересах развития отечественной промышленности. В итоге удалось создать высокотехнологичную экономику, способную при необходимости, прежде всего в условиях военных действий, функционировать в обособленном от связей с другими государствами режиме. Это составило материальную основу великодержавного положения России в Европе. Крепостнический базис производственных отношений в стране в условиях Нового времени и уверенного развития в недрах феодальной системы капиталистического уклада в экономике создал предпосылки для того, чтобы сформировать профессиональный, соответствовавший требованиям времени личный состав армии и флота наименее затратным способом — путем рекрутских наборов и обязательной службы дворянства. Эту возможность царь-преобразователь использовал, можно сказать, в полной мере.

Таким образом, существенная сторона феномена стремительного по историческим меркам превращения России в первоклассную военно-морскую державу Европы состоит в продуманном использовании имевшихся у страны ресурсов: финансовых, материальных и людских. Главная историческая заслуга в последовательном и неуклонном достижении этой цели, безусловно, принадлежит Петру Великому.

Планомерность в создании флота. Возникновение российского Военно-Морского Флота на Балтийском море не вписывается в традиционную схему: первоначально — разви-

тие рыболовства и промыслов, затем — торговли, потом создание военно-морских сил для защиты интересов государства на морских просторах. Петр I, напротив, процесс превращения России в военно-морскую державу начал со строительства военных кораблей. Он предпринял целенаправленные действия по привлечению в российские порты иноземных купеческих судов. Лишь затем были предприняты меры по развитию торгового мореходства на собственных российских кораблях. Таким образом, царь сначала искал решение проблемы утверждения России в качестве балтийской державы военно-политическим путем. Только после этого Петр I приступил к извлечению экономических выгод.

Российский флот для Балтийского моря начал создаваться еще до обретения страной выхода к этому морю. Петр I предвидел необходимость соответствующих мер по созданию военно-морских сил. Поскольку создание российского флота на Балтике было целенаправленным, то понятно, почему он изначально строился планомерно, а не хаотично. Появление и развитие флота не было прихотью или забавой монарха, но строго соответствовало внешнеполитическим задачам страны в балтийском регионе. В феврале — первой половине марта 1703 г. была принята к исполнению первая кораблестроительная программа Балтийского флота России. Намечалось сооружение 12 фрегатов, 10 шняв, 10 галер¹⁹. Перед монархом в 1703 г. стояла задача — создать военно-морские силы, которые были бы способны защитить невское устье и город, который там намечалось заложить, от угрозы со стороны моря.

К середине 1707 г. первая кораблестроительная программа была выполнена.

Зарождавшийся в самой восточной оконечности Балтики русский флот успешно выполнил стоявшие перед ним задачи: шведы не смогли прорваться со стороны моря к росшему в устье Невы Санкт-Петербургу — будущей столице Российской империи.

Также требует оценки следующий факт. В конце августа 1707 г. главные силы шведской армии во главе с королем выступили из Саксонии в направлении на восток. Начался знаменитый «русский поход» Карла XII. Шведский король к тому времени уже вывел из войны всех союзников России: Данию,

Саксонию, Речь Посполитую. Исход войны должен был теперь решиться в генеральной баталии русских и шведских войск. Тех, кто верил в победу Петра I над образцовой армией Карла XII, в государственно-политических верхах европейских стран было немного. В этих условиях логика здравого рассудка указывала на необходимость сосредоточить финансовые, материальные, интеллектуальные и прочие российские ресурсы на всемерном усилении армии. Царь же, очевидно, был настолько уверен в радикальном разгроме непобедимого дотоле полководца Карла XII, что, невзирая на приближение шведской армии к границам России, направил большие ресурсы на качественное усиление отечественного флота на Балтийском море. В ноябре 1707 г., когда шведские войска находились на рубеже Вислы, пребывавший в Санкт-Петербурге царь начал принимать самые решительные меры по воплощению принятой тогда же второй кораблестроительной программы. Новый амбициозный замысел предусматривал иметь флот из 27 линейных кораблей: трех 80-пушечных, двенадцати 70-пушечных и двенадцати 50-пушечных. Помимо линейных кораблей, в состав флота должны были войти шесть 32-пушечных фрегатов и шесть 18-пушечных шняв²⁰.

Таким образом, можно говорить о прозорливости Петра I в создании Военно-Морского Флота страны на Балтийском море. При стратегическом планировании очередной фазы военных действий он неизменно учитывал ту роль, какую следовало сыграть военно-морским силам. Так, выход русских войск на побережье Балтийского моря в месте впадения в него реки Невы был еще только намечен, а в феврале—марте 1703 г. принимаются энергичные усилия по реализации первой программы строительства флота для Балтики. Когда в ноябре 1707 г. шведские войска неумолимо продвигались к границам России, чтобы сокрушить русскую армию в генеральной битве, Петр I начинает осуществлять масштабную программу строительства флота из 27 линейных кораблей, который можно будет использовать для наступательных действий только после того, как шведская армия погибнет! Сильный корабельный флот открытого моря России будет нужен тогда, когда появится очередная насущная задача — довести войну до победного завершения, развернув деятельное наступление про-

тив шведских сил на морских просторах и высаживая десанты с галер на шведское побережье на противоположной стороне Балтийского моря. Столь большой корабельный флот нельзя было создать ни за год, ни за два и ни за три, и Петр I приступает к этому высокочатратному и сложному делу загодя, за долго до гибели ударных сил шведской армии!

Двуединый характер сил Балтийского флота. Петр I первым из монархов балтийского региона в полной мере оценил роль, которую может сыграть на этом театре военных действий большой гребно-парусный (галерный) флот. Первая кораблестроительная программа Балтийского флота, принятая в феврале — марте 1703 г., еще до обретения выхода к Балтийскому морю, уже предусматривала постройку 10 больших галер. Уже в 1704 г. Россия располагала на Балтике приблизительно сотней гребно-парусных судов боевого назначения: галер, скамповей и бригаantin²¹. В составе флота имелись также многочисленные так называемые островские лодки, предназначенные для разведки в районах мелководий, шхер, перевозки и десантирования войск, — вариант морских стругов донских казаков. Ф. И. Соймонов, начавший службу во флоте Петра I, писал, что они «употреблялись... между ш<x>ерами и островами и для того назывались островския лодки»²².

Глубоко продуманное сочетание действий русского корабельного и гребно-парусного флота на Балтике в годы Северной войны, обеспечивавшее единство операций с сухопутными силами и их эффективность, — существенная характеристика феномена петровского флота на Балтийском море. Именно силами галерного флота России были обеспечены самые эффективные его победы: 27 июля 1714 г. близ полуострова Гангут и 27 июля 1720 г. на Аландских островах близ островка Гренгам. Сравнительно легкое овладение Финляндией и Аландскими островами в 1713—1714 гг. состоялось благодаря широкому использованию именно гребно-парусного флота. Грозные рейды галер вдоль шведского побережья от Норрчепинга и окрестностей Стокгольма до северной оконечности Ботнического залива в 1719—1721 гг. позволили завершить Северную войну столь выгодным для России миром. Петр I начертал для надписи на гравюре в честь завершения войны 1700—1721 гг. следующие слова: «...конец сей войны таким

миром получен ни чим иным, токмо флотом, ибо землю никаким образом достигнуть было того невозможно ради положения места, понеже в Финландию сухим путем пребезмерной трудной проход ради каменной и уской дороги и безкормицы и, почитай, невозможный, а Швецию от Финландии разделяет Нордбоден [Северной залиф] моря Балтического...»²³

Подводя общий итог исследованию, следует отметить, что появление на Балтийском море в первой четверти XVIII столетия российского флота было обеспечено, во-первых, умелым использованием Петром Великим тех ресурсов, которыми располагала страна; во-вторых, строго планомерным характером его строительства, теснейшем увязыванием его хода с военно-политическими задачами; в-третьих, развитием не только сильного корабельного флота открытого моря, но и многочисленного галерного флота, от действий которого в столь большой степени зависел успех военных действий в ходе Северной войны 1700–1721 гг. Превращение России в одну из ведущих военно-морских держав стало при Петре Великом свершившимся фактом. Один британский дипломат в июле 1725 г. написал: «Господство на море часто переходило от одной нации к другой, и хотя Великобритания продолжает обладать превосходством... все же... мы видим одну в е л и к у ю м о р с к у ю д е р ж а в у (one great maritime power; курсив и разрядка наши. — П. К.), утвердившуюся на Севере на нашей памяти»²⁴.

¹ Петрухинцев Н. Н. Два флота Петра I: технологические возможности России // Вопросы истории. 2003. № 4. С. 126.

² Петрухинцев Н. Н. «А самых больших кораблей нам строить трудно...» // Родина. 1996. № 7–8. С. 19.

³ Кротов П. А. Международно-правовое оформление России как великой державы в первой трети XVIII в. (к постановке вопроса) // Российская монархия: Вопросы истории и теории. Воронеж, 1998. С. 114–118.

⁴ Brewer J. The sinews of power. War, money and the English state, 1688–1783. Cambridge, Mass., 1990. P. 40.

⁵ Российский государственный архив древних актов. Ф. 9 (Кабинет Петра Великого). Отд. II. Д. 27. Л. 554.

⁶ Brewer J. The sinews of power. War, money and the English state, 1688–1783. P. 40.

⁷ Kennedy P. The rise and fall of great powers: Economic change and military conflict from 1500 to 2000. London, 1989. P. 115.

⁸ Миллюков П. Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. 2-е изд. СПб., 1905. С. 610–613.

⁹ Там же. С. 120–121, 175, 292–293, 373.

¹⁰ Там же. С. 492–495, 497, 590–593, 602–605, 610–613. Подсчеты автора статьи.

¹¹ Там же. С. 497, примеч. 9.

¹² Fuller W. C. J. Strategy and power in Russia. 1600–1914. New York, 1992. P. XIX.

¹³ Ibid.

¹⁴ Kennedy P. The rise and fall of great powers: Economic change and military conflict from 1500 to 2000. P. 128; Lundquist S. The experience of emperence of empire: Sweden as a great power // Sweden'age of greatness. 1632–1718. London; Basinstoke, 1973. P. 21.

¹⁵ Kennedy P. The rise and fall of great powers: Economic change and military conflict from 1500 to 2000. P. 128.

¹⁶ Шатохина-Мордвинцева Г. А. Внешняя политика Нидерландов 1713–1763 гг.: Становление голландского нейтралитета. М., 1998. С. 16–21, 23, 25.

¹⁷ Кабузан В. М. Народы России в XVIII веке: Численность и этнический состав. М., 1990. С. 77.

¹⁸ Estrum S. E. The swedish economy and Sweden's role as a great power. 1632–1697 // Sweden'age of greatness. 1632–1718. P. 61.

¹⁹ Кротов П. А. 1) Рождение Балтийского Военно-Морского Флота // Вопросы истории. 1991. № 3. С. 210; 2) Зарождение регулярного флота на Балтике // История отечественного судостроения. СПб., Т. 1. 1994. С. 93.

²⁰ Кротов П. А. 1. Создание линейного флота на Балтике при Петре I // Исторические записки. Т. 116. М., 1988. С. 314–316; 2. Рождение Балтийского Военно-Морского Флота. С. 209–210; 3. Судостроительные программы Балтийского флота 1707, 1715 и 1717–1718 годов // История отечественного судостроения. Т. 1. С. 121–125.

²¹ Кротов П. А. Начало строительства галерного флота на Балтике // История отечественного судостроения. Т. 1. С. 109–119.

²² Соймонов Ф. И. Экстракт журналов описания Каспийского моря, которое происходило в 1715, 1716, 1717, 1719, 1720, 1726 годах... СПб., 1763. С. 55.

²³ Кротов П. А. Гангутская баталия 1714 года. СПб., 1996. С. 161.

²⁴ Цит. по: Richmond H. W. Statesmen and the sea power. Oxford, 1947. P. 109.

Ю. М. Попов

О ПРЕБЫВАНИИ В 1757 г. ЭСКАДРЫ АДМИРАЛА З. Д. МИШУКОВА В ШВЕЦИИ

При появлении в конце июня 1757 г. сведений о возможном появлении английского флота на Балтике шведская эскадра, в составе восьми кораблей, была переведена от побережья Норвегии в Зунд для более оперативного управления и прикрытия перевозки своих войск в Померанию для ведения боевых действий против прусской армии. Но поскольку сил шведского флота могло быть недостаточно для успешного противодействия англичанам, то шведы обратились за помощью к России. Этот вопрос заслуживает более пристального рассмотрения.

В истории Швеции и России практически забыто одно немаловажное обстоятельство: эти страны были союзниками во время Семилетней войны. Логика событий разразившейся войны ряда европейских государств с Пруссией потребовала вступления в нее Швеции. Для того имелись и побудительные мотивы, главным из которых был захват Пруссией шведских владений в Померании. В силу сложной внутривосточной ситуации Швеция не хотела делать столь ответственного шага, но под воздействием стран-союзниц, особенно Франции, шведы в 1757 г. вступили в войну¹. Практически сразу между Россией и Швецией началось взаимодействие и в военной области, а именно совместное использование сил обоих флотов².

В высочайшем рескрипте от 15 июля 1757 г. адмиралу З. Д. Мишукову предписывалось с частью кораблей перейти к главной базе шведского флота — Карлскроне и «ежели при-

шлется к вам от шведского двора требование, чтобы вы, для сопротивления входа английской эскадры... соединились с шведскою... и с оною согласно действовали»³. Если необходимость в помощи отпадала, то Мишукову с кораблями следовало идти обратно и вновь принимать под свою команду весь флот, так как другая часть кораблей под командованием адмирала В. А. Мятлева должна была продолжать блокаду приморских прусских городов. По требованию русского правительства при отправлении эскадры из Кронштадта шведским двором были посланы указы в свои порты для оказания в случае необходимости помощи русским кораблям⁴. После получения рескрипта и проведения 30 июля консилиума флагманов началась деятельная подготовка флота к выполнению поставленных задач и уходу из гданьского залива. Был определен состав двух эскадр и корабли, которые ввиду большого количества неисправностей должны были следовать в Кронштадт. В распоряжении З. Д. Мишукова были оставлены вице-адмирал А. Кейзер и контр-адмирал Н. Г. Лопухин, контр-адмирал Д. Я. Лаптев был определен в подчинение адмиралу В. А. Мятлеву. Командиром отряда кораблей, шедших в Кронштадт, был назначен капитан-командор Матвей Резен. По высочайшему указу адмиралтейской коллегии от 17 июля 1757 г. береговой госпиталь расформировывался⁵. 6 августа, когда определились сроки прибытия эскадры к берегам Швеции, в Стокгольм для передачи донесения послу Н. И. Панину с гданьского рейда вышел фрегат «Россия»⁶. И наконец, в 3 часа дня 9 августа эскадра адмирала Мишукова снялась с якорей и вышла в море. На следующий день ушли в Кронштадт корабли отряда капитан-командора Резена⁷.

По приходу эскадры к главной базе шведского флота Карлскроне и в ожидании указаний о дальнейших действиях корабли находились на внешнем рейде, так как вход иностранным кораблям в саму гавань был запрещен. Карт и описаний гавани Карлскроны в русском флоте не имелось, но чтобы не упустить удобного случая, Мишуков, понимавший необходимость сбора такого рода разведывательных сведений и соответствующим образом проинструктировавший всех командиров кораблей, нашел такую возможность. Воспользовавшись тем, что во время стоянки на рейде начался сильный ветер,

Мишуков получил разрешение шведов отправить в гавань палубный бот одного из кораблей с местным лоцманом на борту для укрытия от непогоды. Во время перехода бота были сделаны все необходимые промеры глубин фарватера, произведена съемка берегов, взяты необходимые пеленги, и в результате была составлена ценнейшая карта гавани.

После стоянки на внешнем рейде эскадра перешла на другую базу шведского флота — Карлсгам. Когда необходимость присутствия русских кораблей в шведских водах отпала, то соответствующее требованиям высочайшего указа распоряжение адмиралтейской коллегии было отправлено адмиралу Мишукову на вышедшем с первым попутным ветром 23 августа из Кронштадта пакетботе «Курьер» и прибывшем к эскадре 27 августа⁸. Приказом по эскадре было объявлено о следовании к ревальскому порту⁹, а 28 августа корабли ушли с карлсгамского рейда для выполнения других задач¹⁰.

¹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. XII. М., 1963. С. 401, 402.

² Попов Ю. М. Русский флот в первую кампанию Семилетней войны // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы шестой ежегодной научной конференции 2004 г. СПб., 2005. С. 189—190.

³ Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГА ВМФ). Ф. 227. Оп. 1. Д. 12. Л. 34, 35. Этот высочайший рескрипт был доставлен к стоявшему на гданьском рейде флоту 29 июля гальотом «Черепаха». Обращает на себя внимание срок доставки документа — по рапорту его командира унтер-лейтенанта П. Степанова адмиралу З. Д. Мишукову, «Черепаха», выйдя из Ревеля 19 июля, находилась в пути десять дней (РГА ВМФ. Ф. 211. Оп. 1. Д. 1. Л. 556).

⁴ Там же. Ф. 227. Оп. 1. Д. 12. Л. 34, 35.

⁵ Там же. Л. 22.

⁶ Материалы для истории русского флота (МИРФ). Ч. X. С. 377.

⁷ Там же.

⁸ РГА ВМФ. Ф. 211. Оп. 1. Д. 2. Л. 476.

⁹ МИРФ. С. 378.

¹⁰ Там же. С. 361.

В. Н. Образцов

**ПОХОД РУССКОГО ФЛОТА ПО МОРЯМ
СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ В 1769 г.**

18 июля 1769 г. эскадра под командованием адмирала Г. А. Спиридова покинула Кронштадт. Так началась первая экспедиция русского флота за пределы Балтийского моря. Российская дипломатия под руководством графа Н. И. Панина и при непосредственном участии Екатерины II проделала огромную работу, обеспечив кораблям Балтийского флота возможность беспрепятственно обогнуть Европу и войти в Средиземное море. Немалое внимание при этом было уделено странам, которые, по мнению президента Коллегии иностранных дел, должны были войти в так называемую «северную систему» Дании, Швеции, Англии.

Для изучения вопросов, связанных с переходом российских эскадр по северным морям, важен рескрипт Екатерины II на имя контр-адмирала Арфа, датчанина на российской службе. Рескрипт содержит краткую характеристику взаимоотношений России со странами, «в близости которых... проходить надобно будет»¹. Подготовка экспедиции, равно как и ее цели, держалась в тайне, в первую очередь от государств, в которых достаточно сильно было влияние Франции. В балтийском регионе эта скрытность, сохранившаяся и после выхода эскадры из Кронштадта, касалась Швеции: «...шведским военным и торговым судам отзываться, что флот Наш выведен в море для одной только военной экзерциции...»²

Гораздо более теплыми были отношения с Данией, с которой еще в 1765 г. был подписан союзный договор. О Дании

в рескрипте на имя Арфа сказано следующее: «... можете вы на нее совершенно надежны быть и свободно входить в ее гавани...»³ Кроме того, для датского двора не было тайной, что путь российских кораблей лежит за пределы Балтийского моря⁴. Таким образом, появление эскадры под командованием адмирала Г. А. Спиридова на копенгагенском рейде 30 августа 1769 г. не стало для датчан неприятным сюрпризом, тем более что здесь уже стояли два российских линейных корабля, пришедших из Архангельска.

4 сентября в Копенгаген из Ревеля прибыл корабль «Св. Евстафий», а вместо линейного корабля «Святослав», который из-за повреждений задержался в Ревеле на ремонте и не мог идти дальше, в состав эскадры Г. А. Спиридова был включен один из двух архангельских кораблей — № 2, впоследствии, согласно высочайшему повелению, названный «Ростиславом». Здесь же контр-адмирал А. В. Елманов получил назначение быть вторым флагманом в составе эскадры Г. А. Спиридова.

Российская эскадра пробыла в датской столице 12 дней: с 30 августа по 10 сентября. «Во время пребывания флота в Копенгагене от Датского двора было оказано всевозможное содействие для наливания флота водою и всех других надобностей флота», — записано в личном журнале капитан-командора С. К. Грейга⁵. Кроме того, 6 сентября А. В. Елманов, С. К. Грейг и большая часть офицеров были представлены датскому королю и королеве российским посланником Г. Философовым. «Они были милостиво приняты и приглашены к обеду ко двору», — читаем у С. К. Грейга⁶.

Пребывание российской эскадры в Копенгагене имело не только радужные оттенки. На кораблях было значительное количество больных. Кроме того, были зафиксированы случаи дезертирства, что вызвало вполне объяснимое неудовольствие Екатерины II. В рескрипте на имя Г. А. Спиридова она писала: «...умножение на кораблях ваших больных и, наконец, что при самом вашем... отправлении в море оставалось еще немалое число на берегу ваших подкомандующих, суть неоспоримые знаки... происшедшего послабления»⁷. Выполнив необходимый ремонт и пополнив запасы, 10 сентября российские корабли покинули столицу Датского королевства.

Вторая российская эскадра под командованием контр-адмирала Дж. Эльфинстона в составе 3 линейных кораблей, 2 фрегатов, 3 транспортов и пинка вышла из Кронштадта 9 октября 1769 г. и спустя 10 дней, 19 октября, не заходя в Копенгаген, встала на якорь на Эльсинорском рейде. «Адмирал немедленно потребовал плотников и конопатчиков и исправил и выконопатил суда своей эскадры, сколько позволяло время года», — сообщает С. К. Грейг⁸. Эскадра, ремонтируясь и ожидая отставшие корабли, пробыла в Дании значительно дольше, нежели первая. Дж. Эльфинстон покинул Эльсинор только 4 декабря 1769 г.

Нельзя не упомянуть и о переходе в 1770 г. из датской службы в российскую контр-адмирала Арфа, командующего третьей российской эскадрой, пришедшей в архипелаг. Служба его на благо России была весьма непродолжительной: уже в 1771 г. он подал графу А. Г. Орлову прошение об увольнении его в Петербург, которое было сразу же удовлетворено. Тем не менее со своей основной задачей — привести эскадру в Эгейское море он справился.

Как уже было сказано, эскадра адмирала Г. А. Спиридова 10 сентября 1769 г. покинула Копенгаген. Переход из Дании в Англию не прошел для нее бесследно. 16 сентября эскадра потеряла военный транспорт «Лапоминка», разбившийся на Скагенском мысе. Правда, команду и часть груза с него удалось спасти; впоследствии они были перегружены на купеческое судно, специально зафрахтованное в Дании. Кроме того, увеличилось число больных: к моменту прихода эскадры в Англию их было более 700, не менее 60 умерло на переходе.

Отношения России с Англией в этот период были более чем теплые. В рескрипте на имя Арфа Екатерина II писала: «Об Англии справедливо можем Мы сказать, что она Нам прямо доброжелательна и одна из дружественнейших наших держав»⁹, и далее: «...порты его британского величества будут отверсты эскадре Нашей»¹⁰. Таким образом, остановка российских эскадр в Англии была закономерна.

24 сентября 1769 г. корабли эскадры Г. А. Спиридова вошли на Гулльский рейд. Точные сроки пребывания этой эскадры в портах Соединенного Королевства назвать трудно, так как для экономии времени было принято решение выходить

«по способности». С уверенностью можно сказать, что первым Британию покинул сам адмирал на корабле «Св. Евстафий». 18 ноября он уже был в Порт-Магоне на острове Менорка, ставшим одним из главных опорных пунктов российского флота в период первой архипелагской экспедиции.

В английских портах корабли спешно приводили в порядок после перехода через Северное море, причем некоторые из них пришлось фактически строить заново. Например, корабль «Северный орел» (флаг контр-адмирала А. В. Елманова) обветшал настолько, что, как писала Екатерина II, «кроме пушек и такелажа, оный совсем вновь перестроился и выйдет из Англии почти совсем новый и прочнее прежнего “Северного орла”»¹¹. Однако такая перестройка, превратившая корабль в госпитальное судно, не спасла его: уже в составе эскадры Дж. Эльфинстона у мыса Лизард он получил настолько серьезные повреждения, что был вынужден вернуться в Портсмут, где был признан негодным к дальнейшей эксплуатации и разобран.

Корабль «Европа» при выходе из Портсмута был поставлен лоцманом на мель, потерял руль и несколько обшивных досок, а потому введен в док и вышел в море только 11 февраля под флагом контр-адмирала А. В. Елманова. Вместе с «Европой» Портсмут покинул и бомбардирский корабль «Гром», возвращавшийся для починки сломанной грот-мачты.

22 декабря 1769 г., т. е. уже после того как Англию покинул адмирал Г. А. Спиридов, в Портсмут вошла эскадра контр-адмирала Дж. Эльфинстона. В силу достаточно серьезных повреждений кораблей, а также из-за позднего времени года эскадра осталась в Англии на зимовку. «Стоявшие по сие время в наших гаванях российские корабли весьма поспешают своим отъездом», — сообщали «Санкт-Петербургские ведомости» в начале марта 1770 г.¹² В конце того же месяца в этой же газете появилось новое сообщение, касающееся эскадры: «Адмирал Эльфинстон вознамерен при первом благополучном ветре отправиться из Англии с кораблями своими...»¹³ Эта эскадра покинула Британию 2 апреля 1770 г.

В заключение следует отметить, что усилия российской дипломатии по обеспечению беспрепятственного прохода эскадры Балтийского флота в Средиземное море не пропали да-

ром. Дания и Англия оказали неоценимую помощь российским кораблям, предоставив им свои порты, мастеров-кораблестроителей, продовольствие и другие ресурсы. Зафрахтованные или купленные в этих странах корабли (военный транспорт), не только усилили численно российские силы в архипелаге, но и дали понять остальному миру, что Россия имеет надежных союзников. Нельзя также забывать и о влиянии этих остановок на душевное состояние российских моряков, отправлявшихся, без преувеличения, в неизвестность. Таким образом, можно с уверенностью сказать, что в последовавших русских триумфах в Эгейском архипелаге есть вклад и названных северных стран.

¹ Сборник Императорского Русского исторического общества (Сб. РИО). Т. 1. СПб., 1867. С. 125.

² Там же. С. 116.

³ Там же. С. 126.

⁴ Там же. С. 115.

⁵ *Грейг С. К.* Собственноручный журнал капитан-командора (впоследствии адмирала) С. К. Грейга в Чесменский поход // Морской сборник. 1849. Т. 2. С. 648.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 117.

⁸ Там же. С. 788.

⁹ Сб. РИО. Т. 1. С. 126.

¹⁰ Там же. С. 127.

¹¹ Там же. С. 30.

¹² Санкт-Петербургские ведомости. 1770. 12 марта.

¹³ Санкт-Петербургские ведомости. 1770. 30 марта.

**ИСТОРИЧЕСКИЕ
ИСТОЧНИКИ,
ВЗГЛЯДЫ И ОЦЕНКИ**

О. А. Кривдина

**СЮЖЕТ «ПОЛТАВСКАЯ БАТАЛИЯ»
В РУССКОМ ИСКУССТВЕ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в.**

Изображение «Полтавской баталии» в русском искусстве первой половины XVIII столетия было одним из наиболее распространенных. Блестящие победы русской армии и флота в Северной войне способствовали формированию особого жанра — баталии. Полтавская битва нашла яркое отражение в живописи и скульптуре, в графике и медальерном искусстве. И это было вполне закономерно, так как победа под Полтавой — решающий момент в ходе Северной войны не могла остаться без пристального внимания художников. «Карл XII сделал попытку вторгнуться в Россию; этим он погубил Швецию и воочию показал неприступность России»¹. Несмотря на то что после победы под Полтавой Северная война велась еще на протяжении 12 лет, до 1721 г., Полтавское сражение определило ее исход. Сподвижник Петра I Феофан Прокопович в своем «Похвальном слове», написанном в честь Полтавской победы, пояснял, что «победительные образы славы России» должны быть представлены «на великих столпах, стенах, пирамидах и иных зданиях искусным изваянием»².

Одно из самых ранних изображений Полтавского боя встречается на гравюре (офорте), выполненной в 1710 г. неизвестным московским гравером, где представлены Триумфальные ворота в Москве, сооруженные на средства Г. Д. Строганова в декабре 1709 г. для торжественной встречи русских

войск после Полтавской победы. Всего в Москве специально по этому торжественному случаю было построено семь триумфальных ворот. «<Весь> поезд прошел под семью триумфальными воротами, нарочно для того воздвигнутыми в разных местах. Пышность и величие их невозможно ни описать, ни припомнить в подробностях. Их покрывало множество красных emblemata или аллегии и своеобразных карикатур, намалеванных к осмеянию шведов. Ворота эти стоили больших денег, но сам Царь ничего на них не израсходовал, так как приказал некоторым богатым боярам, чтобы они возвели их на свой счет», — отмечено в январе 1710 г. в записках датского посланника при Петре Великом Юста Юля³.

Архитектор, строивший «Строгановскую» арку, неизвестен, но есть предположение, что это был Г. Устинов⁴. Центральная проезжая арка была выполнена в форме пирамидального трехъярусного сооружения. Ворота оформлены колоннами, фронтонами, обелисками, декоративной лепкой. Как и во всех семи триумфальных воротах все живописно-скульптурное решение «Строгановской» арки посвящено Полтавской победе, Петру I и его сподвижникам.

Композиционным центром художественного убранства, раскрывающего основную идею сооружения, является огромная картина, расположенная над фронтоном ворот, — Петр I в латах на вздыбленном коне. Перед ним коленопреклоненные шведы с поднятыми шпагами. Вверху аллегии «Славы»: одна — со скипетром и венком, другая — трубящая в трубу. Над ними двуглавый коронованный орел с державой и мечом, посылающий огненные стрелы на врага. В глубине картины, к горизонту, спасаясь от позорного плена, во весь опор скачет Карл XII. Эта картина как нельзя лучше отвечает напутственным словам Петра I, с которыми он обратился к воинам накануне Полтавского сражения: «Вам известно, что кичливый и прозорливый их король войску своему расписал уже в Москве квартиры; генерала своего Шпара пожаловал уже губернатором московским и любезное наше Отечество определил разделить на малые княжества и, введя в оное еретическую веру, совсем истребить. Оставим ли такие ругательства и презрение наше без отмщения?». И далее: «О Петре ведали бы... что ему житье свое недорого, только бы жила Рос-

сия и российское благочестие, слава и благосостояние». Картина стала основным аккордом в многоголосии живых и аллегорических образов, раскрывающих величие Полтавской битвы», — писал исследователь живописи петровской эпохи Б. Ф. Борзин⁵. По его предположению, автором композиции мог быть живописец Григорий Одольский⁶. Таким образом, в центральной части ворот размещалась картина «Петр I и пленные шведы», а по бокам — «Высадка Карла XII в Перново в 1700 году»⁷ (слева) и «Бегство из России Карла XII» (справа).

Бесспорно, композиция «Петр I и пленные шведы» создавалась как парадный портрет русского царя и аллегорическое изображение победы под Полтавой. Прямого прообраза для этой картины нет, однако можно заметить сходство ее с лубочными картинками конца XVII — начала XX вв., изображавших подвиги русских богатырей. Одновременно возникает в памяти и парадный портрет Людовика XIV в Версальском дворце. На обеих картинах всадники изображены сидящими на скачущих конях и поражающими врагов, о их победах возвещают летящие фигуры Славы. Если французский портрет поражает классической трактовкой и анатомической точностью в изображении людей и коня, русская композиция отмечена чертами народного примитива и трогательна в своей непосредственности передачи натуры.

В 1718 г. Луи Караваком⁸ было создано знаменитое полотно «Полтавское сражение 27 июня 1709 года», ныне хранящееся в Государственном Эрмитаже. Поразительное по исторической убедительности и документальности панорамное сражение передает последний эпизод боя, когда шведские войска отступили и позорно бежали от преследующей их русской армии, под командованием Петра I, в Будищенский лес. «Зело жестоко во огне оба войска бились; однакож то все далее двух часов не продолжалось: ибо непобедимые господа шведы скоро хребет показали, и от наших войск с такою храбростью вся неприятельская армия (с малым уроном наших войск, еже наивышше удивительно есть), кавалерия и инфантерия весьма опровергнута, так что Шведское войско не единойжды потом не остановилось, но без остановки от наших шпагами, багинетами колоты, и даже до обретающегося леса,

где оные пред баталиєю строились, гнаны», — фрагмент из «Журнала или поденной записки...»⁹ Петра Великого.

Первое упоминание о заказе картины Л. Караваку встречается в письме А. Д. Меншикова Петру I от 17 июня 1717 г.: «Живописца Каравака по высокому указу Вашего Величества заставил писать Полтавскую баталию и учеников ему что возможно найти придам»¹⁰.

Уместно будет вспомнить, что работавший в Марселе Луи Каравак (1684—1754) в 1715 г. был приглашен Петром I на русскую службу. С 1716 г. и до последних дней своей жизни он работал в Петербурге. Надо отметить, что живописцем он был разносторонним: портретист, мастер исторической и декоративной живописи, он руководил живописными работами в Петергофе и Летнем дворце в Петербурге. Кроме того, он составлял проекты оформления празднеств и делал картоны для Шпалерной мануфактуры.

Видевший в 1721 г. Петергофский дворец камер-юнкер Берхгольц писал в своем дневнике: «Из числа многих картин в доме помещена над крыльцом одна, очень большая, представляющая сражение, в котором русские разбивают и обращают в бегство шведов. Лошадь, на которой сидит царь, слишком красна; впрочем, сделана недурно; сам же царь написан превосходно и чрезвычайно похож. Можно узнать также князя Меншикова и многих других генералов»¹¹. При сложном многофигурном композиционном построении Каравак эффектно выделяет в правой части полотна группу всадников, предводительствуемых Петром I.

В 1724 (1725) г.¹² Иоганн Готфрид Таннауер создал картину «Петр I в Полтавской битве». Долгие годы считалось, что она была написана еще в 1710-е гг. Сам художник в списке своих работ указал, что картина была выполнена в 1724-м или в начале 1725 г.¹³ Полотно до 1897 г. хранилось в собрании А. Б. Лобанова-Ростовского, откуда поступило в Русский музей императора Александра III. В центре на переднем плане картины представлен Петр I на вздыбленном коне, на заднем плане дано изображение боя, летящая Слава держит в руке над головой Петра венок. Петр изображен в строевом платье лейб-гвардии Преображенского полка с орденом св. Андрея Первозванного (лента и звезда). Имеются сведения, что по-

добный портрет, в котором отсутствует изображение фигуры Славы, хранился в собрании П. И. Щукина в Москве¹⁴.

И. Г. Таннауер родился в Швабии в 1680 г. Начиная с занятия часовым делом и музыкой. Живописному искусству учился в Венеции у С. Бомбелли. Жил в Голландии, занимался копированием картин П. П. Рубенса. Находясь за границей, Петр I пригласил Таннауера в Россию. В Вене в 1710 г. художник заключил контракт о поступлении на русскую службу в качестве живописца. В марте 1711 г. он прибыл в Смоленск и сопровождал Петра I в Прутском походе. В дальнейшем вся его жизнь связана с Петербургом, где он и скончался в 1737 (или 1733) г. Таннауер считался придворным живописцем, писал портреты, исторические картины, выполнял миниатюры и ремонтировал часы. Его сын учился гравированию при Академии наук. Картина «Петр I в Полтавской битве» относится к особенно известным произведениям И. Г. Таннауера.

Два изображения сражения — панорама у Каравака и фрагмент боя, изображенный Таннауером, с Петром I на коне, явились определяющими для последующих художников, обращавшихся к теме Полтавской баталии. Обратимся непосредственно к истории, как описывается ход сражения под Полтавой в документах. Недостаток продовольствия и фуража вынудил Карла XII весной 1709 г. повернуть свои войска на юг в Полтавщину. В его армии в это время насчитывалось 35 тыс. человек и было 32 орудия. 30 апреля 1709 г. шведы подошли к Полтаве. Оборонительные сооружения города были слабыми и не представляли для шведов особых трудностей. Однако попытки взять крепость и ее штурм не удалась. Русскими было оказано героическое сопротивление. На помощь осажденным спешили русские войска. 25 июня (6 июля) русские войска расположились лагерем у села Яковцы. Местность, выбранная Петром I, была изрезана оврагами, покрыта небольшими лесами, что исключало возможность маневра шведской конницы. В такой местности лучше всего могла действовать пехота — основная сила русской армии. Перед русским лагерем простиралось поле, где со стороны Полтавы был единственный путь наступления шведов.

Решающая битва со шведами была назначена на 27 июня (8 июля) 1709 г. «Накануне войску прочтен был царский при-

каз, в котором Петр I писал: «Пришел час решить судьбу Отечества! Не помышляйте, что сражаетесь за Петра; сражаетесь за государство, Петру врученное Богом, за Отечество, за Православную Веру и Церковь. А о Петре ведайте, что ему жизнь недорога: была бы славна и благоденственна Россия!» После этого Петр объезжал все полки, всех ободрял и воодушевлял, говоря: «Порадейте, товарищи! Ударим дружно на врага!» Солдаты встречали повсюду Петра с воодушевлением» — так описывается во «Всемирной истории войн» эпизод, предшествующий началу Полтавской битвы¹⁵.

27 июня (8 июля) в 2 часа ночи шведская пехота и конница начали продвигаться к лагерю русских войск. А. Д. Меншиков вывел вперед конницу и навязал врагу встречный бой. Началось сражение. Войска Карла XII были лишены возможности внезапного удара. Шведы попали под перекрестный ружейный и пушечный огонь и отступили к лесу у деревни Малые Будищи. После ружейной перестрелки обе армии начали рукопашный бой. «Шведский король не смог сам вести своих солдат в бой — незадолго до начала сражения Карл был ранен в ногу, и его возили в коляске между рядами шведских воинов. Царь Петр сам находился среди атакующих и воодушевлял солдат.

Никакие усилия шведов в течение двух часов боя не привели ни к чему: российские солдаты стояли как стена. А шведы начинали уже слабеть и колебаться, видя такую стойкость. Как раз в это время ядро ударило в коляску Карла, разбило и опрокинуло ее. Шведы подумали, что их король убит. Крик ужаса разнесся по их рядам. Напрасно Карл поднялся и велел нести себя на передовую. «Король убит! Король убит!» — кричали шведы, и эти крики отчаяния смешались с победными криками российских солдат. Шведы дрогнули — и побежали <...> Российские войска — пехота и конница — преследовали их по пятам до ближайшего леса <...> Сам шведский король едва успел избежать плена. Все генералы во главе с фельдмаршалом К. Г. Рейншильдом, командовавшим всем шведским войском во время битвы, попали в плен к победителям»¹⁶.

В 1720-е гг. развернутую панораму Полтавского сражения представили на барельефе Б. К. Растрелли и А. К. Нартов. Изображенный ими Полтавский бой выполнен в технике чеканки по листовой меди. Вверху барельефа имеется надпись:

«Россиски Сампсон шведского при Полтаве лва растерза. 1709». Этот барельеф входил в серию изображений, созданных при участии Б. К. Растрелли, Н. Пино, А. К. Нартова в Токарне Петра I во время замысла создания Триумфального столпа в Петербурге, «задуманного как гимн победам русского народа в Северной войне»¹⁷. Сам Петр по поводу Полтавской баталии писал Ф. Ю. Ромодановскому 27 июня 1709 г.: «Донесил Вам о зело превеликой и нечаемой виктории, которую Господь Бог нам чрез неописанную храбрость наших солдат даровать изволил <...> И единым словом сказать: вся неприятельская армия фаэтонов конец восприяла»¹⁸.

Говоря о скульптуре петровского времени, необходимо отметить, что изображение Полтавского боя занимает особое место в работе, созданной Б. К. Растрелли. Бюст был отлит из бронзы в 1723 г., чеканка и гравировка выполнены мастерами Семанжем и Тимофеевым в 1729–1730 гг. Император Петр I изображен в парадных доспехах и с лентой ордена Андрея Первозванного. На доспехах и на одном из щитков на груди представлены сцены из Полтавской баталии. На другом щитке — рельеф, аллегорически изображающий Петра I в образе скульптора, создающего женскую фигуру — новую Россию. Не случайно один из современников Петра I отмечал, что он «...поражал своей необыкновенной любознательностью, и она неизменно была направлена на вопросы правления, торговли, просвещения и администрации»¹⁹.

В 1717 г. во время пребывания в Париже Петр I сделал заказ на четыре картины художнику Дени Мартену Младшему. Он должен был как можно достовернее представить важнейшие эпизоды Северной войны: сражение под Лесной, Гангутский бой и два эпизода Полтавской баталии. Однако процесс создания этих картин был продолжителен. Петр I хотел, чтобы по этим полотнам мастера мануфактуры Гобеленов в Париже выполнили шпалеры. Известно, что шпалеры были созданы уже после смерти русского императора²⁰. «В связи с задержкой их исполнения Петр, вероятно, и повелел выткать на мануфактуре, основанной им в Петербурге, шпалеру с изображением Полтавской баталии, — победы, которой он придавал огромное значение. Работа над этой шпалерой была начата в 1719 г., в год десятилетнего юбилея Полтавы»²¹. Хра-

нящаяся в Государственном Эрмитаже шпалера выткана французским мастером Филиппом Бегаглем-сыном, который в 1717 г. приехал в Петербург. Его помощником был Иван Кобыляков. Предположительно, в качестве образца для шпалеры был использован картон живописца Л. Каравака. Работа над шпалерой была завершена в 1722 г., как указано в тканом клейме на шпалере.

Шпалера «Полтавская баталия» прежде всего является парадным портретом Петра I, представленного сидящим на коне со шпагой в руке. Изображение самого сражения служит лишь фоном. Битва изображена «в нескольких планах: от великолепно переданной схватки всадников в бурном движении и сложных ракурсах до едва намеченных вдаль войск»²². Обратим внимание, что вдаль едва заметно очертание строений Полтавы.

Похожая шпалера хранится в Русском музее. Т. Т. Коршунова относит начало ее создания к 1759 г. — пятидесятилетию Полтавской битвы. Работа была завершена в 1764 г. мастерами Петербургской шпалерной мануфактуры при участии С. Куликова. В отличие от эрмитажной шпалеры, где сцена боя расположена справа, здесь сражение изображено и с левой стороны. Для образца могла быть использована картина Дени Мартена Младшего «Полтавская баталия» или выполненная с нее после 1724 г. гравюра Н. Лармессена.

Говоря о графических прототипах для создания живописи, скульптуры и предметов прикладного искусства среди ранних произведений петровского времени, необходимо упомянуть гравюру А. Ф. Зубова и П. Пикарта «Вид Полтавского сражения с конным портретом Петра I», созданную в 1715 г.²³ Гравюра в технике офорта была выполнена на двух досках и отпечатана на двух листах бумаги, затем склеенных. Известно, что она находилась в составе Кабинета Петра I. Как и в описанных выше шпалерах, на переднем плане представлен Петр I, восседающий на коне со шпагой в руке, за ним разворачивается сцена Полтавского боя.

В заключение обратим внимание, что Полтавская баталия была увековечена на медали «В память Полтавского сражения 1709 года». Медаль выполнена из серебра немецким медальером Г. Ф. Нюрнбергером. На лицевой стороне представлено

погрудное изображение Петра I в доспехах и горностаевой мантии. По окружности дана надпись: «Petrus Alexiew. M. D. tzar. M. D. Moscov.» (Петр Алексеевич, божиею милостию царь и великий князь московский). На другой стороне медали дано изображение Георгия Победоносца, поражающего копьём дракона. По окружности — надпись: «Pietate et fortitudine» (Благочестием и храбростью).

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. XXII. М., 1962. С. 17.

² Прокопович Ф. Слова и речи... Ч. I. СПб., 1760. С. 18.

³ Цит. по: *Калязина Н. В., Комелова Г. Н.* Русское искусство петровской эпохи. Л., 1990. С. 176. № 148.

⁴ *Борзин Б. Ф.* Росписи Петровского времени. Л., 1986. С. 156.

⁵ Там же. С. 169—170.

⁶ Написание фамилии Адольский дано в кн.: *Калязина Н. В., Комелова Г. Н.* Русское искусство петровской эпохи. С. 176. № 148. Здесь же отмечено, что Г. Адольский руководил группой русских мастеров: И. Обросимовым, Ф. Максимовым, И. Григорьевым, В. Ермолаевым.

⁷ Встречается написание Пернаво.

⁸ Встречается написание Каравакк.

⁹ Журнал или подневная записка блаженного и вечнодостойныя памяти Государя Императора Петра Великого с 1698 года даже до заключения Нейштатского мира. Напечатан с обретающихся в кабинетном архиве списков, правленных собственною рукою Его Императорского Величества. Ч. I. СПб., 1770. С. 214—215.

¹⁰ Цит. по: *Калязина Н. В., Комелова Г. Н.* Русское искусство петровской эпохи. С. 145. № 118.

¹¹ Дневник камер-юнкера Берхгольца, веденный им в России в царствование Петра Великого, с 1721 по 1725 год / Пер. с нем. И. Ф. Аммона. Ч. I (1721 г.). М., 1859. С. 135.

¹² Живопись XVIII век. Каталог. Государственный Русский музей. Т. I. 1998. С. 159.

¹³ Там же. С. 160.

¹⁴ Портрет петровского времени. Каталог выставки. Государственная Третьяковская галерея, Государственный Русский музей. Л., 1973. С. 95.

¹⁵ Всемирная история войн. Все известные войны и сражения от эпохи Древнего мира до наших дней. Самая достоверная информация, подтвержденная уникальными фото, архивными документами / Авт.-сост. А. Г. Мерников, А. А. Спектор. Минск, 2005. С. 253.

¹⁶ Там же. С. 253.

¹⁷ Цит. по: *Калязина Н. В., Комелова Г. Н.* Русское искусство петровской эпохи. № 81, 82.

¹⁸ Русский архив. 1865. № 5—6. С. 661.

¹⁹ Из записок герцога Сен-Симона // Мир Божий. 1899. № 12. С. 115.

²⁰ Об этом факте писала Т. Т. Коршунова в своей статье «Новые материалы о создании шпалер “Полтавская баталия”» (Культура и искусство петровского времени. Публикации и исследования. Государственный Эрмитаж. Л., 1977. С. 163).

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Русский гравированный портрет XVII — начала XIX века. Каталог выставки / Сост. Е. А. Мишина. Государственный Русский музей. Л., 1989. С. 53.

В. Е. Возгрин

**МОРСКИЕ ЖУРНАЛЫ Н. А. СЕНЯВИНА
И Ф. М. АПРАКСИНА КАК ИСТОЧНИК
ПО ИСТОРИИ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ**

Назрела необходимость обратить внимание историков на незаслуженно забытые, но важные источники. Рассматриваемые источники имеют общее название «Морские журналы Н. А. Сенявина и графа Апраксина». Они были опубликованы в одномомном сборнике «Материалы для истории русского флота», вышедшем в Петербурге в 1866 г. Оба журнала составлены при штабах упомянутых адмиралов, причем автор этих источников остался неизвестным. Это скорее правило, чем исключение для жанра морских журналов, в отличие от судовых. Тексты в сборнике расположены в хронологическом порядке освещаемых событий. Так, журнал Н. А. Сенявина охватывает период Северной войны с 1705 по 1718 г., а журнал Ф. М. Апраксина — с 1714 по 1719 г. Объем первого морского журнала — 79, второго — 90 печатных страниц. При этом первый источник посвящен событиям российской морской истории на просторах всего Балтийского региона, а также на речных верфях России. Автор, участвовавший в ряде морских походов, в том числе на Борго в мае 1708 г. и в Копенгаген в 1716 г., фиксирует с большой степенью точности сведения, которые по большей части известны из иных источников. Но некоторые данные этого журнала весьма информативны, например, имена шведских капитанов, участвовавших в морских сражениях с российскими кораблями. Или точное описание всех эволюций российских кораблей, а также подробный военно-морской протокол отдачи приветствий языком флагов, торжественных построений, почетных салютов, эскортов и

т. д. в ходе совместного патрулирования западной части Балтийского моря флотами четырех держав с сентября по октябрь 1716 г.

Второй журнал интересен тем, что в основной своей части посвящен исключительно походам российского галерного флота к берегам шведских ленов Ёстерьётланд, Сёдерманланд, Уппланд, Йэстрикланд и Нурботтен в указанные годы. Как известно, эти походы, закончившиеся в 1721 г., имели исключительное значение для всей завершающей фазы Северной войны. Они привели Швецию к согласию на мирные переговоры на Аландском и Ништадтском конгрессах и в конечном счете к окончанию войны. За этими походами, их результатами напряженно следила чуть ли не вся Европа — здесь нет ни малейшего преувеличения. Поэтому понятно, что все, даже малейшие подробности истории походов к шведским берегам должны привлекать пристальное внимание историков.

Заметим, что ни в отечественной, ни в мировой историографии не написана их история с такой же глубиной проработки материала, как это сделано, к примеру, в отношении финляндских кампаний, предшествовавших выходу русского флота на просторы Ботнического залива¹.

Анализ отечественной и иностранной литературы свидетельствует не столько о недооценке Морского журнала генерал-адмирала Федора Матвеевича Апраксина, сколько о незнании российскими и зарубежными авторами его содержания. В качестве примера достаточно будет упомянуть фундаментальный труд С. А. Фейгиной «Аландский конгресс» (М., 1959). Эта монография является одной из двух работ (о второй ниже), где шестая глава целиком посвящена русскому десанту на шведском побережье в 1714–1721 гг. Автор книги — единственный, кто привлек в качестве одного из источников Морской журнал Ф. М. Апраксина. Но С. А. Фейгина использовала его лишь в малой части, пользуясь при этом архивным списком журнала, хранящимся в РГАДА (Кабинет Петра Великого), даже не упомянув о существовании полной его публикации.

Вторая, интересная в данном аспекте, монография Л. А. Никифорова «Внешняя политика России в последние годы Северной войны. Ништадтский мир» (М., 1959). Как и С. А. Фей-

гина, автор этого труда, посвященного политической истории России, вводит в него обширную главу, целиком посвященную военным действиям российского галерного флота у берегов Швеции в кампаниях накануне заключения Ништадтского мира. Однако Никифоров игнорирует воспоминания непосредственного участника и руководителя этих действий — генерал-адмирала Ф. М. Апраксина, опираясь на вторичный источник — официальную версию истории галерных походов — «Генеральное известие воинским действиям Его царского величества всероссийского галерного флота...»². Она была издана в виде 12-страничной брошюры для российских дипломатических миссий с целью представления ее зарубежным дворам и широкого распространения. Излишне говорить, что такого рода сочинения, как правило, несли информацию неполную или «отредактированную», поскольку им придавалось исключительно пропагандистское значение.

Из иностранных авторов в те годы подробно изложил историю упомянутых военных действий немецкий ученый И. Г. Рабенер в своей объемной истории Петра Великого³. Но, как и подавляющее большинство зарубежных авторов той эпохи, он совершенно не использовал российские источники, за исключением газетных сообщений в «Санкт-Петербургских ведомостях». Важнейшие из них, в том числе и сообщения о военных действиях, регулярно переводились или излагались на родине автора в периодических изданиях⁴.

Однако «Ведомости», обладая таким неоспоримым достоинством, как оперативность, страдали как источник информации тем же недостатком, что и выше упомянутое «Генеральное известие...», а также большинство других СМИ той эпохи. Газета отнюдь не была стопроцентно объективна.

Более поздние авторы, исследовавшие указанную тему, имели свободный доступ в российские архивы. Однако и они игнорировали источники XIX—XX вв.

Что же касается зарубежных, прежде всего шведских, исследователей, то и у них также не создано истории великого опустошения части шведской территории второй половины войны. Шведские историки хоть и вскользь, но касались нашей темы в своих более разносторонних и многосюжетных монографиях. Назовем лишь одного исследователя, ближе

всего подошедшего к теме российского десанта в Швецию, — это П. Б. Ригнер⁵. Другие авторы — это локальные историки, часто любители-краеведы, каждый из которых исследовал единственный сюжет (типа: «Русские в Умео в 1719 году»), затем печатал его в местной газете, после чего такую статью уносила река забвения. Ученого, который взял бы на себя труд собрать воедино эти пестрые страницы, пока не нашлось. А жаль — многие из этих заметок содержат сведения любопытные и, как правило, основанные на достоверных источниках.

Каков же предмет, которому посвящена основная часть «Морского журнала» Ф. М. Апраксина? События на берегах Ботнического залива, имевшие место в 1714—1721 гг.

Первый раз русские галеры появились на шведском берегу Ботнического залива 18 сентября 1714 г., с которых в районе г. Умео высадился на берег десант численностью около 600 чел. Десантники опустошили дома, квартал за кварталом, погрузив на суда все ценное имущество, а затем сожгли город, пощадив лишь резиденцию местного ландсхёфдинга и собор (впрочем, в последнем были изъяты 11 бронзовых люстр и другие украшения). Та же судьба, т. е. изъятие ценностей с последующим поджогом, постигла близлежащие имения.

В декабре 1715 г. русские галеры поднялись в самую северную часть Ботнического залива и 15 числа высадили десант из 600 чел. у города Кеми. Уступавший десанту количественно, отряд шведских ополченцев отступил по береговой полосе на запад, к городу Торнио. Однако русские солдаты и казаки, опустошив Кеми, проследовали к Торнио и там разгромили шведских ополченцев. К более южным береговым городам Вестерботтена петровские суда в этом году не подходили, очевидно, имея информацию о том, что еще в марте—апреле в Умео высадились переброшенная из Финляндии армия К. Г. Армфельта численностью в 5000 чел. (она оставалась там до февраля следующего года).

Впрочем, большого облегчения местным жителям такая защита не принесла — голодные шведские солдаты вели себя в этом разоренном войною краю «ненамного лучше противника»⁶. В начале 1716 г. русские галеры вновь показались в северном Вестерботтене, у Торнио. Узнав об этом, К. Г. Армфельт двинул часть своей армии из Умео на север. Однако,

когда его кавалерийские отряды достигли Торнио, а пехота г. Питео, он получил сообщение, что двухтысячный русский корпус в финском г. Васе готовится к переправе через Ботнический залив и вторжению в Вестерботтен, ибо Кваркен⁷ покрылся довольно толстым льдом. Поэтому пехота вернулась, не дожидаясь окружения, в Умео, а кавалеристов почти полностью истребили высадившиеся в Торнио русские. После этого город сожгли дотла.

Лето на севере прошло спокойно, но в августе у Евле (граница Хельсингленда и Уппланда) пытался высадить десант бригадир Менгден, а у пролива Греин-сунд — майор Кисловский, но, встретив сильное сопротивление, они ушли на своих судах в море. В декабре русские галеры вновь появились на севере и 4 раза высаживали полутысячные отряды казаков в еще нетронутых русским десантом окрестностях Торнио. Впрочем, казаки все четыре раза были с потерями обращены в бегство. Более успешным оказался десант у городов Каликса, Лулео и Питео. Затем отряды крестьянского ополчения принудили противника вернуться на галеры, и он успел вывести имущество лишь из нескольких десятков деревень и усадеб⁸.

В начале 1717 г. в согне (уезде) Торнио появился отряд, состоявший из 600 драгун и 300 казаков, который частью уничтожил, частью отгеснил местных ополченцев на север, в направлении Лаппмаркена. После этого противник рассеялся по территории согнов Торнио и Каликса, с особой жестокостью убивая и подвергая жителей насилию: несколько усадеб было сожжено вместе с живыми владельцами и домашним скотом⁹.

При появлении королевских регулярных войск русские отряды отступили, успев забрать с собой остатки скота, другое ценное имущество и почти все запасы муки. С наступлением лета были совершены нападения на Хольмё и другие острова близ Умео, при этом деревни и усадьбы были разграблены, а люди уведены в рабство. В июле был высажен десант на о. Остергарден, где у населения было изъято имущество¹⁰. Сведения об этих рейдах в российских печатных источниках ни разу не отражались.

Ситуация изменилась в 1719 г., когда карательные акции, ранее носившие партизанский характер, приобрели новые

черты: они становятся планомерными, а также строго координированными. И, что знаменательно, русская сторона пытается повысить результативность рейдов по тылам противника посредством средств массовой информации — российских и зарубежных газет, а также листовок (последние публиковались исключительно на шведском языке и разбрасывались в местах акций).

После 21 июля 1719 г. появляются и упоминавшиеся выше заметки в «Санкт-Петербургских ведомостях» (начиная с № 11). Это известия о том, что происходило летом 1719 г. в западной, примыкавшей к Ботническому заливу, части провинции Уппланд.

Так, в № 11 сообщалось, что 13 июля 1719 г. Петр держал совет, на котором и было принято ответственное решение о возобновлении рейдов вдоль шведского берега. Средство: галерный флот, загруженный многочисленными отрядами солдат и казаков. Последних предполагалось высаживать на острова и вблизи материковых городов и сел с тем, чтобы они «разорjali» эти населенные пункты. В терминах XVIII в. это означало тотальное ограбление намеченных объектов с последующей их ликвидацией — как правило, посредством поджога. Нацелены эти акции были на прибрежные районы, непосредственно примыкавшие к шведской столице с юга и севера. Это должно было дать прежде всего политический и психологический эффект, но не только.

Именно здесь, в Уппланде, в районе Евле (Gävle), концентрировалась металлодобывающая и обрабатывающая индустрия государства. Ее разрушение лишало державу основную статью вывоза, а также создавало неподъемную социальную обузу в лице многих тысяч лишившихся куска хлеба рабочих с семьями. В «Ведомостях» (31 июля 1719 г.) описывались первые плоды рейдов: разорение хуторов и рабочих поселков, общее обнищание сельского и городского населения из-за массового увода молочного скота и т. п.

Таким образом, основными жертвами российской акции должны были, как и ранее, стать не армейские части, а крестьяне, и без того лишенные войною основных работников-мужчин и живших последние годы лишь молоком и скудным запасом хлеба. Апраксинский журнал бесстрастно свидетель-

ствует: «В крестьянских избах, как крестьяне за столом сидели, так все и оставили; молоко, масло и хлеб худой с корою или с травой...» и т. д.

В это же время выходит из печати упоминавшееся «Генеральное известие воинским действиям Его царского величества всероссийского». Часть «известия» занимал общий перечень сожженного и разрушенного: 8 городов, 140 с лишним сенаторских и дворянских усадеб, 21 завод и т. д. — список, не раз повторенный, в том числе составителями Журнала Петра Великого¹¹.

Шведские подсчеты этих материальных убытков отличаются от российских не столько в количественном отношении, сколько дополнительными сведениями. В них упоминаются те же 8 городов, 141 загородный дворец и усадьба и 21 завод. Кроме того, указывается, что было сожжено 1363 крупных и мелких сел, деревень и хуторов, 43 мельницы, 26 складов и магазинов. Был вывезен крупный рогатый скот — на каждые 20 галер приходилось по 700 голов. Что же касается быков и коров, что не подлежали вывозу (по нехватке мест в галерах), то они были зарезаны и брошены там, где их забивали. Забитых животных насчитывалось около 100 000 голов¹².

Трудно себе представить, какой проблемой стало удаление этих разлагающихся туш для женщин и детей — ведь мужчин в те годы на селе почти не осталось. Что же касается трофеев, то всего их в тот год было вывезено на 1 млн талеров. Многократно превосходил эту сумму по общей стоимости ущерб, причиненный русским десантом во время похода 1719 г.: он равнялся 20 млн талеров¹³. Кроме того, в 1717—1718 гг. на побережье было расквартировано 2000 солдат отступившей финской армии, кормившихся также за счет местных ресурсов¹⁴. Помощи же ждать было неоткуда: вся Швеция страдала от последствий чумной эпидемии и катастрофических неурожаяев, напрямую связанных с отсутствием рабочих рук по причине мобилизации и эпидемии¹⁵.

Последним походом, начавшимся 17 мая 1721 г., руководил генерал П. П. Ласси, впоследствии ставший известным как командующий Польского похода 1734 г. и Крымских походов 1736—1738 гг. Десант из 5000 солдат и 500 казаков под его командованием высадился у крупного города Евле и в те-

чение 2 месяцев медленно продвигался на север, в Умео, «почти каждый день приставая к берегу, разоряя и сжигая все встречавшееся ему. Сожжено 4 местечка, 19 крупных сел с церквями (кирхшпилей. — В. В.), 209 деревень, 79 хуторов, 334 амбара, 1 завод, множество рыбацких лодок» и т. д.¹⁶ Командиры десантов получают приказы тотально разрушать экономическую инфраструктуру главного промышленного района противника и ревностно эти приказы выполняют.

Вызывают недоумение некоторые материалы основного источника — апраксинского журнала, а именно перечень трофеев, взятых на галеры, тщательно инвентаризованных и вывезенных в Россию. Сошлемся на фрагмент из одного списка (их около десятка). Речь идет о местечке Остергарден в середине июля 1717 г. Взято: «4 колокола, 9 перегонных кубов с крышками, 40 котлов железных и медных, 1 сковородка затрудной (самокованной. — В. В.) меди, 5 тазов медных, 18 шандалов медных, 2 жаровни, 2 подблюдника худых, 1 кадилъница, 2 крышки котельные, 1 коробка и 3 плиты...»

Итак, на судно доставлены трофеи, их записывают в книги, чтобы впоследствии ничего не пропало, т. е. ведется счет нужным вещам. И здесь возникает вопрос: если, скажем, колокола годились к использованию по прямому назначению (или как цветной лом), а котельные крышки без котлов можно тоже переплавить, то что делать с 1 коробкой и 2 дырявыми подблюдниками? Ведь галеры, как известно, трюмов не имели, там ценился каждый свободный квадратный фут и каждый лишний фунт груза...

Обратимся, однако, к указанному списку. В нем дается и такое перечисление: «28 тарелок, 15 кружек, 4 чашки, 6 шандалов, уксусница, трубка, фонарь, 9 наволочек с перин, 8 простынь, 13 юбок разных цветов, 3 юбки суконных черных, 1 юбка тусинная черная, плащ пасторский, фартук, 2 завесы, попона, 6 чепцов черных, шапка пасторская, 2 полавочника...» Зачем и кому предназначались эти предметы?

¹ Вспомним хотя бы три монографии, которые изданы давно, но сохранили свою ценность как богатые источники: Мышлаевский А. З. Северная война на Ингерманландском и Финляндском театрах в 1708—1714 гг. (Докумен-

ты Государственного архива) // Сборник военно-исторических материалов. Издание Военно-ученого комитета Главного штаба. Вып. V. СПб., 1893; *Uddgren H.* 1) Kriget i Finland 1713. Stockholm, 1906; 2) Kriget i Finland 1714. Stockholm, 1909.

² РГАДА. Ф. Сношения с Голландией. Оп. 1719. Д. 2-б.

³ *Rabener J. G.* Leben Petri des Erster und Grossen, Tzaars von Rußland. Leipzig, 1725.

⁴ Die Europäische Fama, Welche den gegenwärtigen Zustand der vornämste Höfe entdeckt; Europäischer Staats-Secretarius, Welcher Die neuesten Begebenheiten unpartheyisch erzehlet und vernünftig beurtheilet.

⁵ *Regner P. B.* Kriget och tillstendet i Vesterbotten 1809 jämte föregeende historik öfver ryssarnas infall i Vesterbotten pe 1700-tallet af P. B. Regner. Stockholm, 1891.

⁶ Ibid.

⁷ Пролив Кваркен — самая узкая часть Ботнического залива, на восточном берегу которого расположена Васа, а на западном — Умео.

⁸ Морские Журналы Н. А. Сенявина и графа Апраксина // Материалы для истории русского флота. СПб., 1866. С. 120.

⁹ *Regner P. B.* Kriget och tillstendet i Vesterbotten 1809... S. 7.

¹⁰ Морские журналы. 1866. С. 134.

¹¹ Журнал или поденная записка... Петра Великаго с 1698 г. даже до заключения Нейштатскаго мира. Часть II. СПб., 1772. С. 109—112

¹² *Rabener J. G.* Leben Petri des Erster und Grossen, Tzaars von Rußland. S. 542.

¹³ *Rabener P. B.* Kriget och tillstendet i Vesterbotten 1809... S. 542.

¹⁴ Bidrag till kändedommen om Sveriges tillstend pe Karl XII:s tid. Akademisk afhandling som med tillstend af vidtberömda filosofiska fakultetens i Upsala Humanistiska sektion för filosofiska gradens erhellande till offentlig granskning framställes af Gustaf Edvard Axelson. Visby, 1888. S. 68.

¹⁵ Подробнее см.: *Jonasson G.* Misswäxt och pest // Den svenska historien. B. VIII. Stockholm, 1989. S. 96—101.

¹⁶ *Соколов А.* Морские кампании 1715—1721 гг. // Морской сборник. 1851. № 5. С. 307.

С. Е. Ивлева

**ПРИБАЛТИКА И ФИНЛЯНДИЯ В ЖУРНАЛЕ
«ИЛЛЮСТРАЦИЯ» В 1847—1848 ГОДАХ ***

В апреле 1847 г. в знаменитом петербургском журнале «Иллюстрация» произошли важные перемены. В номере от 5 апреля сообщалось, что «12 нумер Иллюстрации есть первый, издаваемый новой редакцией. <...> Этот переход объясняет некоторые внутренние перемены: в названиях отделов, в размещении входящих в состав этого издания статей различного содержания»¹.

Первый редактор-издатель «Иллюстрации» Нестор Васильевич Кукольник (1809—1868), знаменитый литератор, драматург и художественный критик, руководил ей с марта 1845 г. Он сумел создать еженедельный иллюстрированный журнал, заметный по литературному содержанию и передовой по художественно-графическому оформлению. Энциклопедический характер журнала предполагал публикацию разнообразных сведений из области искусства, литературы и науки. По убеждению Кукольника, важнейшей задачей «Иллюстрации» было просвещение читателей, и редакция уделяла большое внимание публикации материалов научно-познавательного характера. Для «визуального» знакомства читателей с жизнью и бытом стран и народов на страницах «Иллюстрации» были размещены многочисленные «картинки» (общеупотребительное в то время название гравюр-иллюстраций). «Картинки» были не

* Статья является продолжением работы, опубликованной в предыдущем сборнике.

просто элементом оформления изданий, они становились стилистическим и смысловым ядром журнала, делали читателя активным участником восприятия текста. Заслуживало внимание и художественное оформление журнала. Для воспроизведения «картинок» в «Иллюстрации» широко применялась ксилография (гравюра на дереве) — самая передовая и органичная для книжной страницы печатная техника.

За время своего редакторства Кукольник поставил «Иллюстрацию» в один ряд с лучшими европейскими иллюстрированными журналами и определил несколько важнейших для журнала разделов, которые и развивал в годы своего руководства. Одним из них стал раздел «Путешествие по всей России», в котором много страниц было посвящено прибалтийским провинциям и Финляндии. «Иллюстрация» последовательно развивала прибалтийскую и финляндскую темы, выполняя тем самым пожелания любознательных читателей узнавать и благодаря «картинкам» получить наглядное представление о территориях, связанных с Россией исторически, но не похожих на нее и внешне, и по укладу жизни. Причем все сведения излагались в популярной, занимательной форме, что способствовало значительному расширению круга читателей журнала.

В марте 1847 г. Кукольник передал права на издания журнала («сдал “Иллюстрацию”», написал он в «Записных книжках») ² Александру Башуцкому.

Александр Павлович Башуцкий (1803—1876), известный литератор, издатель, на счету которого к этому времени было уже несколько успешных журнальных проектов ³, с энтузиазмом принял на себя общее руководство «Иллюстрацией». Новая редакция («Башуцкий и Компания») продолжила начатое еще при Кукольнике совершенствование художественного оформления журнала «относительно шрифтов, формата, набора, печатания, бумаги и особенно рисунков» ⁴. У «Иллюстрации» появилось собственное гравировальное заведение. Башуцкий стал искать и новый оригинальный «формат» изложения литературного материала. В журнале открылись разделы: «Русская старина в памятниках церковного и гражданского зодчества», «Хроника», «Библиография».

Постепенно в новой версии журнала определились два основных раздела, где и помещались материалы о путеше-

ях, о жизни народов России и зарубежья. Эти разделы были названы «Отечественное» и «Путешествия не выходя из дома».

Сохраняя лучшие традиции журнала, Башуцкий продолжил и начатую Нестором Кукольником серию статей о прибалтийских провинциях. В номере 27 в разделе «Отечественное» был помещен рассказ о Литве. Для знакомства был выбран один из самых необычных памятников литовской столицы Вильно — костел святой Анны. В журнале сообщалось, что «существует он с древних времен, первоначально был деревянный, но когда и кем был заложен и какой имел вид достоверно не известно» ⁵. Чтобы еще сильнее подчеркнуть необычный для русского читателя вид литовского памятника, рассказ о костеле редакция поместила сразу за материалом о Великом Устюге. Также на одной странице были размещены и иллюстрации. Читатель видел «картинку» и мог сравнить привычный для себя вид построек старинного русского города и диковинные формы литовского готического костела. В качестве занимательного дополнения в журнале было приведено литовское народное предание «Мастер и работник» — «замысловатая народная сказка, которой зерном не преминула сделаться любопытная готическая архитектура этой церкви, единственного у нас памятника зодчества подобного стиля» ⁶.

Как и при Кукольнике, журнал продолжал публиковать материалы из недавно вышедших книг. В 1847 г. «Иллюстрация» напечатала главу из книги известного филолога Якова Грота ⁷ «Переезды по Финляндии от Ладожского озера до реки Торнео. Путевые записки» (СПб., 1847). Она была посвящена посещению Гротом мест, связанных с путешествием по Северной Финляндии в 1819 г. императора Александра I. Грот побывал в поместье Нюгорд близ Пальдамо, хозяин которого, господин Фландер, еще мальчиком видел Александра I во время его знаменитого вояжа. Рядом с поместьем находилась известная достопримечательность, так называемая «Государева конюшня» — конюшня, превращенная в столовую для императора, «место скромное, но исторически драгоценное... которое должно привлекать каждого путешественника, особенно русского». «Место это, — утверждал Грот, — было бы уже известно в целом мире, если бы находилось в краю не столь пустынном» ⁸.

Грот внимательно осмотрел и описал в книге все предметы, связанные с пребыванием императора, которые «бережно были собраны уже по кончине Александра». Чтобы иметь возможность «показать эти памятные предметы на своих страницах», редакция журнала обратилась с призывом к финляндским (и прочим, посетившим эти места) читателям «зарисовать все упомянутые в статье предметы и доставить их в контору “Иллюстрации”». «Какой драгоценный подарок, — отмечала редакция, — был бы сделан подписчикам»⁹. В своих «Путевых записках» и журнальной главе Грот часто упоминал книгу участника путешествия Севастьяна Грипенберга с длинным в духе времени названием: «Описание путешествия Государя Императора Александра I из станции Ниссиле в город Каяну во время последнего вояжа Его Величества в Великое Княжество Финляндское в 1819 году». Книга размером in folio (в большой альбомный лист) была издана в 1828 г. в Петербурге с текстом на 4-х языках: русском, шведском, немецком и французском. К книге прилагались 7 черно-белых литографий с рисунков художника Больмса. Литографии специально для издания Грипенберга были напечатаны в Париже. Их на стенах столовой дома г-на Фландера в Ньюгорде и увидел Грот. «Так как издание это, — сообщал журнал, — редкое и находится у немногих», для знакомства читателей с местами пребывания императора Александра I в Финляндии литографии из книги Грипенберга специально для гrotовской главы выполнил в технике ксилографии Лаврентий Серяков¹⁰. Четыре гравюры-иллюстрации были помещены в номере, три другие с особыми пояснениями редакции располагались в следующих номерах журнала за 1847 г.

В следующий раз к «финляндской» теме журнал обратился в августе 1847 г. в разделе «Путешествия не выходя из дома». В этот раздел помещались дневники, путевые впечатления корреспондентов, написанные специально по заданию редакции, и дорожные заметки читателей «Иллюстрации». «Поездка в Выборг» и стала таким дневником путешествий. Этот город постоянно привлекал внимание столичных жителей. «Куда ехать?.. Будто Россия не имеет своей Швейцарии, гор, бесподобных озер, утесов — чудной живописной Финляндии? От Петербурга только передать рукой. Решено — еду в Финлян-

дию», — восклицал автор очерка¹¹. И далее подробно, с юмором он описывал путешествие на пароходе, прибытие в Выборг, «который раскрылся нам как картинка», набережную, местное население, «казавшееся издали колышущейся полозой»¹². Рассказывалось о поездке на Выборгский залив, куда автор «отправился купаться... не без страха, после описания Финляндии Сен-Жульена (французского поэта. — С. И.). Я ожидал увидеть страшных переходов к заливу... но к удивлению не нашел их»¹³. Не без усмешки автор «Поездки в Выборг» заметил: «Не могу представить, с каких стен спускался наш восторженный поэт. Неужели его воображение так пылко, что прекрасная дорога представилась ему высоким валом, а мелкий щебень огромными камнями. Или может быть, — вопрошал он далее, — Сен-Жульен ходил по той дороге, по которой не ходят прозаики?»¹⁴ С любопытством изучал автор нравы Выборга. «Напрасно думают многие, что уездные города чужды всякого этикета, посетите Выборг, и вы убедитесь, что здесь довольно церемоний. Так, хозяин не может выйти в халате в помещение, обращенном на улицу... все видно... все друга знают»¹⁵. Очерк был снабжен иллюстрациями. Виды Выборга с рисунков П. Бореля гравировал Лаврентий Серяков, один из любимых художников «Иллюстрации».

Очерк имел успех. В следующем, 1848 г. (№ 17 от 8 мая), по просьбам читателей, в том же разделе «Путешествия не выходя из дома» журнал напечатал продолжение «Поездки в Выборг». В этот раз свое внимание автор очерка сосредоточил на литературной жизни города. Он посетил книжную лавку Клоберга, «кажется, единственную в Выборге, надеясь узнать там хоть наглядно характер финской литературы»¹⁶. Изучив ассортимент лавки, «в которой продавались даже удочки», автор «Поездки» подвел итог: «Книги большей частью шведские, хотя довольно и финских, которые даже по-петербургски дороги»¹⁷. Далее он позабавил читателей подробностями посещения магазина. Так, осматривая книги, он заметил «картину, висевшую на стене с особым почетом. На ней изображены были три простодушные физиономии в самых поэтических положениях»¹⁸. Заинтересовавшись персонажами картины, автор выяснил, что «это портрет трех финских простонародных поэтов, они втайне от целого мира занимались поэзией..

стихи их попали как-то в руки гельсингфоргских читателей и к нашим доморожденным поэтам явилась депутация с приглашением отправиться в Гельсингфорс»¹⁹. Дабы читатели «Иллюстрации» могли себе представить финских народных знаменитостей, их гравированное изображение было помещено в журнале.

Вторая часть очерка была посвящена знакомству с усадьбой барона Николаи Монрепо под Выборгом. Автор не скрывал восхищения: «...что шаг, то новая картинка... каждый клочок приводит в восторг. Какое чувство должно овладеть человеком при виде места, где природа почти без помощи искусства является более величественной и восхитительной»²⁰. Восторженный рассказ сопровождался иллюстрацией, которую с рисунка Рудольфа Жуковского гравировал все тот же Лаврентий Серяков.

Очерки о Выборге и других городах Финляндии редакция обещала продолжить. Об этом просили читатели «Иллюстрации», предлагая для публикации в журнале свои рассказы и о Выборге, и о прочих финских местах. Но, к сожалению, осуществить задуманные планы не удалось.

К концу 1848 г. финансовое положение редакции значительно ухудшилось. Предприятие оказалось чрезвычайно дорогостоящим. Тот высокий полиграфический уровень исполнения журнала, который был задан, оказался для редакции, и прежде всего лично для Александра Башуцкого, разорительным. Выпуск новых номеров задерживался, «Иллюстрация» теряла подписчиков. С трудом выпустив в 1849 г. только три номера, «Иллюстрация» прекратила существование.

⁷ Грот Яков Карлович (15(27).12.1812—24.05(05.06).1893) — языковед, историк литературы, переводчик, академик АН.

⁸ Иллюстрация. 1847. № С. 54.

⁹ Там же. С. 55.

¹⁰ Серяков Лаврентий Авксентьевич (1824—1881) — гравер, педагог. В 1864 г. получил звание академика за портреты, исполненные в технике ксилографии.

¹¹ Иллюстрация. 1847. № 30. С. 86.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Иллюстрация. 1848. № 17. С. 260.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 261.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

¹ От редакции // Иллюстрация. 1847. № 12. С.177.

² Институт русской литературы. Ф. 371 (Кукольник). Д. 83 (Записные книжки). Л. 95.

³ Журнал мануфактур и торговли (1833—1835), Детский журнал для образования, понятий сердца и нрава (1838—1839), Журнал общепользных сведений (1835—1839).

⁴ Иллюстрация. 1847. № 12. С. 177.

⁵ Там же. № 27. С. 41.

⁶ Там же.

Д. А. Бажанов

**ЖИЗНЬ В СТОЛИЦЕ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА
ФИНЛЯНДСКОГО (ПО МАТЕРИАЛАМ
«ФИНЛЯНДСКОЙ ГАЗЕТЫ» 1914—1916 гг.)**

Одному из живших в начале XX в. в столице Великого княжества Финляндского русскому Гельсингфорс представлялся как «большой оживленный город, считавший себя наполовину “заграничным”», в котором «жизнь продолжала кипеть ключом»¹. Другому виделись прежде всего «громады многоэтажных домов... между скалистыми горами. На главной улице — Эспланаде — сплошной поток людей: разных фасонов шляпы, шубы, манто, дохи движутся в двух направлениях»². К концу 1916 г. в Гельсингфорсе проживало около 200 тыс. человек³. Город являлся не только столицей Великого княжества Финляндского, но и главным центром Ньюландской губернии. На улицах звучала преимущественно финская, шведская и русская речь. Это особенно чувствовалось в театральной жизни города. Так, на шведском языке шли спектакли театра «Аполло», на финском и русском — Финского театра, только на русском — Александровского русского театра. Репертуар мог удовлетворить самые разнообразные вкусы.

По традиции в первые дни наступавшего года проводилось большое количество концертов. В 1915 г. они начались с 6 января. Тогда в Народном доме прошел концерт при участии индийских факиров⁴. Четырьмя днями позднее там же состоялась «решительная борьба» между известными спортсменами А. Ярвиненом и И. Саарела⁵. 14 января в гельсингфорсском Морском собрании был проведен благотворительный вечер,

а 28-го — в Александровском театре⁶. В дальнейшем подобные вечера проходили, как правило, в связи с гастролями известных артистов. Так, 27 и 28 февраля в здании Финского театра состоялись выступления М. Ф. Кшесинской, 8 апреля на сцене Александровского театра можно было видеть певицу Л. Ф. Травину, 21 апреля — Е. И. Збруеву и Н. В. Андреева, а 17 ноября — М. Э. Троякову и Н. В. Дулькевича⁷.

Однако основными с середины января стали театральные постановки. Театральный сезон в Гельсингфорсе продолжался в 1915 г. до конца апреля, после чего, передав на два месяца эстафету Летнему театру в Брунспарке, прервался до сентября.

Александровский русский театр являлся весьма разноплановым в театральных постановках. Однако основная часть новинок приходилась на вторую половину года, после открытия нового театрального сезона. В январе—марте 1915 г. на сцене прошло две премьеры. 10 января была представлена пьеса С. Гарина «Богатыри» с подзаголовком «Из современной войны», а 15-го — «Трильби» Г. Ге⁸. Из новинок театр не представил более ничего, а упомянутые произведения составили основу репертуара. По окончании сезона, в апреле, эстафету подхватили Финский театр и театр «Аполло». В течение месяца первый показал «Женитьбу Фигаро», фарс «Морячок», «Кармен», оперу «Марта» и «Пигмалиона». Любители оперетты могли увидеть на сцене второго «Позолоченный глиняный петушок», «Мадам Сан-Жен», «Дети пустыни», «Девушка-счастливица» и «Летучая любовь»⁹. Но при этом необходимо было владеть финским или шведским языком, так как все оперетты звучали именно на этих языках.

В течение мая оперетты шли также в Летнем театре в Брунспарке — излюбленном месте отдыха горожан и военных. Так, в 1915 г. представлялись 16 мая фарс на шведском языке «Сквозняк», 19 мая — комедия «Польская кровь» и 3 июня — «Веселая вдова»¹⁰. После этого сезон окончательно закрылся до сентября.

Осенью 1915 г. театральные постановки возобновились. Именно это время являлось наиболее насыщенным. Александровский театр представил в сентябре—ноябре «Ромео и Джульетту» В. Шекспира, «Таланты и поклонники» А. Н. Островского, «Кин или гений беспутства» А. Дюма, «Цену жизни»

В. И. Немировича-Данченко, «Змейку» и «Прохожих» В. Рышкова, «Веру Мирцову» Л. Урванцева, «Маленькую женщину» О. Миртова¹¹. Труппа Финского театра начала выступления с октября. Творчество А. Н. Островского было представлено постановкой его драмы «Лес», премьера которой прошла 21 октября. Она имела большой успех и неоднократно повторялась. Ее перемежали драма «Моряки», опера Х. Глюка «Орфей» и балет «Кармен» Ж. Бизе¹². «Аполло» из новинок представил лишь оперетту «Морской кадет», исполнявшуюся на шведском языке¹³. Кроме того, с осени 1915 г. регулярными стали концерты музыки в исполнении городского симфонического оркестра. Первый был дан 13 сентября в Народном доме. В дальнейшем они проходили раз в неделю¹⁴. 29 сентября там же состоялся концерт скрипачки А. Актэ¹⁵.

Сезон 1916 г., в сравнении с предыдущим, имел ряд особенностей. Выросло число концертных программ. По-прежнему в Народном доме проходили симфонические концерты. Последний, двадцатый, был дан 27 марта¹⁶. Участились гастроли приезжих знаменитостей. На сцене Финского театра 21 и 22 января состоялись выступления М. Ф. Кшесинской, чьим партнером был П. Н. Владимиров, а 25, 26 и 27 февраля — примы-балерины Императорского балета Е. Смирновой¹⁷.

15 марта в Народном доме прошел вечер «знаменитой исполнительницы русских военных песен» М. А. Лидарской. Спустя месяц в Александровском университете выступила «бывшая артистка Императорских театров» Н. Лежен¹⁸. На сцене Летнего театра Брунспарка 8 августа прошли гастроли артистов столичного балета во главе с Э. Вилль¹⁹.

Осенний сезон начался с двух концертов классической музыки в исполнении Р. Сударской, прошедших 8 и 9 сентября в актовом зале университета. Их основой стали произведения Л. ван Бетховена, Ф. Шопена, Р. Шумана²⁰. Остальные гастролеры выступали исключительно на сцене Народного дома. 29 сентября состоялся концерт цыганского хора Ю. Морфесса, 27 октября — исполнительницы испанских песен М. Н. Кузнецовой, 15 декабря — вечер примы-балерины Императорского балета Ю. Седовой, а 29 декабря — Л. Собинова²¹.

Театры работали со второй декады января до середины апреля, однако число новинок, представленных зрителям, возросло. В первую очередь, это относилось к Александровскому театру, помимо благотворительного спектакля для Финляндского окружного отделения Красного Креста 21 января, шесть премьер в течение двух недель. Пьесы вновь были весьма разноплановы: от «Женитьбы» Н. В. Гоголя до «На дне» А. М. Горького. Новыми спектаклями были комедия «Дама из Торжка» С. Юшкевича и драма «Власть тьмы» Л. Н. Толстого²².

1 марта сезон постоянной труппы прервался. На полтора месяца Александровский театр превратился в опереточный. За это время было показано 12 оперетт, спектакли менялись через 3—4 дня. При этом произведениями, исполнявшимися летом 1915 г. на сцене Летнего театра Брунспарка, были как малоизвестные пьесы, например «Польская кровь», так и более известные «Прекрасная Елена» и «Орфей в саду» Ж. Оффенбаха²³. Мы полагаем, что предоставление для гастролей сцены такого театра, как Александровский, свидетельствует о материальных затруднениях. Действительно, в условиях жесткой критики, которой местная русскоязычная пресса подвергала большинство новых пьес, и далеко не полного зала²⁴ проще было получать прибыль от такого сравнительно редко-го в Гельсингфорсе зрелища, как русская оперетта.

На этом фоне мало изменилась направленность деятельности Финского театра. В течение января — середины апреля 1916 г. там шло небольшое количество спектаклей, пользовавшихся, однако, популярностью. Стоит отметить оперу «Пер Гюнт» Э. Грига, пьесы «Вишневый сад» А. П. Чехова и «Дама с камелиями» А. Дюма. 9 апреля театр отметил 300-летнюю годовщину со дня смерти В. Шекспира, дав сразу два его произведения «Как вам это понравится?» и «Гамлет»²⁵. Репертуар театра «Аполло» пополнился за этот период двумя опереттами на шведском языке: «Дочь полка» и «Круглая Шарлотта»²⁶. В отличие от 1915 г., театральный перерыв был длиннее, так как Летний театр так и не открыл своих дверей.

Осенью ситуация повторилась. Александровский театр в сентябре, а Финский в конце ноября — начале декабря представили свои сцены Финской опере. 14 сентября была представлена опера «Сказки Гофмана», а с 30 ноября — «Севиль-

ский цирюльник» и «Аида», прошедшие очень удачно²⁷. Труппа основного русского театра в Гельсингфорсе открыла сезон с 1 октября, т. е. на месяц позднее, чем за год до этого. Однако количество пьес оставалось значительным. Преимущество отдавалось произведениям А. Н. Островского. В течение полутора месяцев, с середины ноября, они ставились 5 раз: трижды «Гроза» и дважды «Василиса Мелентьевна»²⁸. 5 октября на суд зрителей был вынесен «Ревизор» Н. В. Гоголя. Из новых пьес представили: «Летний роман», «Девушка XX века», «Грешницы», «Что иногда нужно женщине» О. Уайльда. Наибольшей популярностью пользовалась пьеса «Вова приспособился», которую давали 4 раза. Сезон завершился 21 декабря «Дамой с камелиями» и 22 декабря драмой «Дитя Парижа»²⁹. На этом фоне репертуар Финского театра и «Аполло» выглядел более скромно. Первый не отметился новыми постановками, дав несколько раз в сентябре «Гамлета». В «Аполло» часто можно было послушать «Короля скрипачей» И. Кальмана и очередную новинку на шведском языке «Кукла»³⁰.

Таким образом, театры Гельсингфорса в течение 1915–1916 гг. несколько сократили количество новых постановок, уменьшили сроки театральных сезонов. Это говорит о некоторых затруднениях, обусловленных удорожанием, связанным с войной. Об этом же свидетельствует и постепенное увеличение сроков гастролей на сценах Александровского и Финского театров.

Тем не менее не только театры и концерты пользовались популярностью в Гельсингфорсе. «Все кинематографы и рестораны были полны разношерстной публикой», — свидетельствует С. Н. Тимирёв³¹. Согласно данным «Путеводителя по Гельсингфорсу», в 1914 г. в городе функционировали 7 кинотеатров³². В течение 1915–1916 гг. на страницах «Финляндской газеты» упоминались еще 5 новых названий. Последний новый кинематограф открылся, по данным газеты, 3 сентября 1916 г. Владелицей была Х. Саурола, жившая на Вильгельмской улице, 9. Зал был рассчитан на 166 мест³³.

Иногда между хозяевами залов разыгрывалась серьезная конкурентная борьба. Даже разместить свои заведения они старались рядом. Так было в случаях с кинотеатрами «Казино» и «Талия», располагавшимися на Большой Робертской

улице, 17–19 и 21 соответственно, или с «Олимпией» и «Эльдорадо» на Глуской улице в домах 1 и 2³⁴. Очевидно, кино было делом более доходным.

Из отечественных на экране наиболее часто демонстрировались ленты московской фирмы А. Ханжонкова, например, «Тени греха и честь дома, или Соединившиеся смертью», «Небесный огонь»³⁵, в которых снимались В. Холодная, Г. Агазаров, А. Вырубов. Сценарии для фильмов часто писали известные писатели и драматурги, как в случае с «Днями нашей жизни», создававшимися при помощи Л. Андреева³⁶.

Из зарубежных в большом количестве показывались американские фильмы. Спросом пользовались комедии («В летнем отпуску», «Урок любви», «Дядя Эльзы») и драмы («Калькутта», «Пожар Рима», «Под гипнозом миллионов или чудовищные приключения Паулины», «Во власти индейцев», «Лицом к смерти»)³⁷. Главные роли исполняли такие артисты, как М. Линдер, П. Уайт. С. Уилбур, Ч. Конкин. Так, 10 сентября 1915 г. в кинотеатре «Калева» зрителям была представлена английская лента по мотивам рассказов А. Конан Дойла о Шерлоке Холмсе «Тайна долины Боскомб»³⁸. 23 ноября 1916 г. в «Олимпии» шел фильм «Дочь контрабандиста, или Зельма с рыбацкого острова» с «самыми известными артистами Дании» Э. Санном и Э. Грегорсом, а 4 декабря — итальянский фильм «Сердце женщины»³⁹.

Постепенно, однако, внимание горожан все более привлекалось к проблемам дефицита товаров в Гельсингфорсе. Это относилось в равной степени как к промышленной продукции, так и к съестным припасам. Одна из первых подобных заметок в «Финляндской газете» появилась 7 марта 1915 г. В ней говорилось о нехватке сахара на прилавках. Для улучшения положения сахар срочно стали завозить из Котки и Або. Одной из возможных причин авторы считали слишком низкие максимальные цены⁴⁰.

Действительно, к маю цены на сахар составляли 1,2 марки за килограмм. На некоторые виды продовольственных товаров они стали даже ниже, чем были в довоенное время. Так, 20 яиц оценивались в 1,8–2,2 марки, а в марте 1914 г. они стоили 2,6 марки; на 1 кг овса была установлена цена в 0,5 марки, а в январе 1914 г. он оценивался в 0,48 марки⁴¹. Поэтому

мы вправе предположить, что максимальные цены, установленные нюландским губернатором, в ряде случаев не соответствовали их розничной цене. Об этом также косвенно свидетельствуют официальные разрешения на подорожание сахара. В частности, к середине августа 1915 г. оно составило 10 пенни за 1 кг для пилёного и 8 пенни за 1 кг для голов и песка. 5 октября все виды сахара подорожали еще на 15 пенни, а 26-го — снова на 10 пенни. 14 ноября цены вновь выросли. Таким образом, к концу 1915 г. 1 кг пилёного сахара стоил 1 марку 60 пенни, а головы или песок — 1 марку 58 пенни⁴².

Что касается яиц, то их стоимость в марте 1915 г. составляла, по подсчетам «Финляндской газеты», 3 марки 18 пенни за 20 штук, а к концу года — 3 марки 70 пенни, что еще выше от максимальных цен этого периода⁴³. На этом фоне дорожали не так заметно лишь картофель (на 5%) и некоторые сорта рыбы, такие как щука и салака, что объясняется географическим положением Гельсингфорса. В среднем, согласно нашим подсчетам, к концу 1915 г. подорожание составило 55,6%. В 1916 г. рост цен на продовольствие неуклонно продолжался. В марте вновь поднялись цены на сахар: на 4—7 пенни за 1 кг кускового сахара, на 3—6 — всех остальных видов. К июню его можно было приобрести за 1,89—1,9 марок за 1 кг⁴⁴. Наметилось подорожание табачных изделий. После того как в декабре 1915 г. производители подняли цены на 15—20%, в марте они повысились еще на 10%⁴⁵. В начале лета в лавках Гельсингфорса нельзя было купить молоко дешевле, чем по 30 пенни за литр⁴⁶.

Но еще более тревожным являлось то обстоятельство, что многие товары начали исчезать из магазинов. Недостаток мяса стал ощущаться с января, причем из-за низких максимальных цен перебои с поставками продолжались в течение всего года. Таким образом, закупочные цены были еще ниже.

Наиболее трудным было положение с маслом и молоком. Летом пресса начала сообщать о перебоях в масляной торговле, у лавок стали выстраиваться очереди. 13 сентября «Финляндская газета» описала такой случай: в очереди за билетами в Финский театр стояли две старушки, обсуждавшие цены на продукты. Как выяснилось, они пребывали в абсолютной уверенности, что стоят за маслом, и очень удивились, что в городе

могут быть очереди за чем-то еще⁴⁷. 6 октября вопрос о масляной торговле обсуждался специальной комиссией городских уполномоченных. Выступил председатель продовольственной комиссии финляндского сената М. М. Боровитинов. Он предлагал либо повысить максимальные цены, либо совсем отказаться от них. Комиссия предпочла первый вариант. С 9 октября масло I сорта можно было продавать по 5 марок за 1 кг, II сорта — по 4,5 марки, III сорта — по 3,7 марки⁴⁸. Однако ожидаемого оживления поставок достигнуто не было. Газетные заметки всё больше напоминали сводку боевых действий: «За последнюю неделю сентября “Валио” не продала частным потребителям ни 1 кг масла»; «В понедельник фирма “Валио” получила 35 бочонков масла, которое было распродано в течение нескольких часов привилегированным покупателям»⁴⁹. В конце октября и ноябре положение не изменилось, а 19 ноября продовольственная комиссия постановила ввести карточную систему на масло, сохраняя при этом и свободную торговлю⁵⁰.

К началу ноября исчезло из продажи молоко. Поэтому в лавках его стали выдавать по 0,5—1 л на семью в день⁵¹. Две недели спустя газета вновь отметила недостаток молока, сливок и сыра в городе⁵², а 2 декабря в заметке появились такие строки: «Вопрос о молоке становится все более критическим...»⁵³ Примерно в это же время начали ходить слухи о скором введении молочных карточек⁵⁴.

18 октября сахарные заводы из-за недостатка сырья поставили магистрат Гельсингфорса в известность о том, что до 1 ноября сахар будет отпускаться «лишь тем учреждениям, кои не могут обойтись без него». Также заговорили о карточках на сахар⁵⁵. Неделию спустя стали появляться новые слухи о возможных нормах распределения. В Гельсингфорсе они составляли 1 кг, в остальных городах Финляндии — 800 г, в деревнях — 500 г на человека. В ноябре было помещено официальное объявление, что 25 октября сенатом образован Центральный Сахарный комитет во главе с Г. Р. Снельманом, который и будет заниматься распределением сахара⁵⁶.

На остальные продукты карточная система и централизованное распределение не распространились. Однако, по нашим наблюдениям, уровень цен вырос по сравнению с 1915 г.

Это коснулось даже картофеля и рыбы — сказывались продолжающаяся морская война и холодное, с заморозками, лето.

Что касается промышленной продукции, то здесь наиболее стремительно дорожало мыло, ткани, табачные изделия и керосин. Летом мыло за месяц подорожало на 18 пенни за 1 кг и стоило 1,3 марки. Через год эта сумма составляла 2,4 марки⁵⁷. Черное сукно выросло в цене более чем в 4 раза, полотно — на 44%. Хлопчатобумажные ткани поднялись в цене на 62,5%, причем только в июле 1915 г. их стоимость повысилась на 20%, а в мае 1916 г. — еще на 7,5%⁵⁸. Цена табачных изделий возросла к октябрю 1916 г., по сравнению с довоенной, на 90%. Цена керосина — на 55% к январю того же года⁵⁹.

Легально приобрести водку и водочные изделия в Гельсингфорсе с середины января 1915 г. было невозможно. 14 января вышло постановление Финляндского генерал-губернатора генерал-лейтенанта Ф. А. Зейна о запрете торговли алкогольными напитками. Нарушение каралось штрафом до 8 тыс. финских марок или тюремным заключением до 3 месяцев⁶⁰. Однако стала процветать нелегальная продажа. Использовались всевозможные заменители. Так, в апреле 1915 г. «Финляндская газета» отметила появление большого количества лиц, опьяневших от принятия одеколona. 10 апреля в полицейские участки было доставлено 11 чел., несколькими днями раньше — 20⁶¹. Пили также денатурат и древесный спирт. В течение года в городские больницы было доставлено 9 горожан с тяжелыми отравлениями, из них семеро от денатурата и один от древесного спирта скончались⁶². Пик подобных происшествий пришелся на июль — начало сентября. В это время имели место 3 случая с летальным исходом, а в полицейские участки попало свыше 30 пьяных. Во время попойки в пекарне 27 августа применялся столярный лак, от отравления которым скончались еще 2 человека, а один погиб после употребления лампового спирта 16 июля⁶³.

Постепенно различные алкогольные смеси начали уступать место самогону. 9 июля 1915 г. «Финляндская газета» поместила заметку: «За невозможностью достать в настоящее время какие-либо крепкие напитки, в разных местах... предме-

стий города Гельсингфорса началась фабрикация особого рода напитка, названного местными алкоголиками непереводаемым финским словом “килью”, крепость которого больше настоящего пива... Зоркий глаз полиции “накрыл” и привлек к ответственности уже несколько такого рода “фабрикантов”»⁶⁴. Этот напиток фигурирует и в воспоминаниях матроса линейного корабля «Гангут» Д. И. Иванова. Он деликатно именуется «финским пивом», хотя дает и название «кале»⁶⁵. «Кале» или «килью», судя по воспоминаниям, являлось непременно атрибутом кухмистерских, названных автором харчевнями⁶⁶. В течение второй половины 1915 г. в городе было закрыто 2 «кильюварни»: на Западной Брагесской ул., 8 и Вазаской, 11⁶⁷. В январе—июне 1916 г. полиция уничтожила тайную винокурню на Магистратской ул., 5. Всего за этот срок в Юландской губернии прекратили существование 4 аналогичных заведения. Лидировала по этому показателю Або-Бьернеборгская губерния с 42 случаями⁶⁸. Во втором полугодии удалось разоблачить еще одну «подпольную» мастерскую⁶⁹.

Однако, судя по количеству конфискованного «килью», с уничтожением названных винокурен проблема отнюдь не разрешилась. Если в 1915 г. «Финляндская газета» ни разу не упомянула о конфискации самогона, то в следующем такие происшествия не были в диковинку. 8 марта 20 л напитка полиция изъяла на Вазаской улице, 3 и еще 15 л — на Гельсингенской, 7. 18 марта 40 л «финского пива» было обнаружено на Седервикской улице, 5 и ушат — на Мальмской, 22. 24 июля крупную партию «килью» нашли у Т. Мерилуото, изготовлявшей его, по ее словам, «для собственной надобности». 2 августа 100 л самогона полицейские конфисковали на Валлинской, 2, 25 июля — 30 ящиков напитков, состоявших из смеси денатурата и «килью», — на Восточном шоссе, 30, а 14 сентября — партию «килью» на Тавастской, 2⁷⁰. Возможно, что именно активное распространение самогона повлияло на уменьшение числа отравлений. За 1916 г. среди горожан «Финляндская газета» зафиксировала 2 случая⁷¹.

Несмотря на это, столица Финляндского княжества представляла противоречивую картину высокой культурной активности на фоне прогрессирующего ухудшения социально-экономической ситуации.

- ¹ Тимирёв С. Н. Воспоминания морского офицера. СПб., 1998. С. 19.
- ² Иванов Д. И. Это было на Балтике. Львов, 1965. С. 127.
- ³ Финляндская газета. 1916. № 276. 25 декабря/6 января.
- ⁴ Там же. 1915. № 2. 3/18 января.
- ⁵ Там же. № 6. 9/22 января.
- ⁶ Там же. № 10. 14/27 января; № 19. 24 января/6 февраля.
- ⁷ Там же. № 39. 19 февраля/4 марта; № 79. 12/25 апреля; № 75. 8/21 апреля; № 245. 17/30 ноября.
- ⁸ Там же. 1915. № 7. 10/23 января; № 11. 15/28 января.
- ⁹ Там же. 1915. № 68. 31 марта/13 апреля; № 69. 1/14 апреля; № 71. 3/16 апреля; № 76. 9/22 апреля; № 77. 10/23 апреля; № 81. 15/28 апреля; № 90. 26 апреля/9 мая.
- ¹⁰ Там же. 1915. № 102. 16/29 мая; № 104. 19 мая/1 июня; № 116. 3/16 июня.
- ¹¹ Там же. 1915. № 191. 5/18 сентября; № 224. 19 октября/1 ноября; № 225. 21 октября/3 ноября; № 226. 24 октября/6 ноября; № 234. 3/16 ноября; № 236. 5/18 ноября; № 238. 7/20 ноября; № 248. 30 ноября/3 декабря.
- ¹² Там же. 1915. № 225. 21 октября/3 ноября; № 226. 24 октября/6 ноября; № 237. 7/20 ноября; № 242. 12/25 ноября.
- ¹³ Там же. 1915. № 187. 1/14 сентября.
- ¹⁴ Там же. 1915. № 198. 16/29 сентября; № 202. 18 сентября/1 октября; № 211. 3/16 октября.
- ¹⁵ Там же. 1915. № 209. 30 сентября/13 октября.
- ¹⁶ Там же. 1916. № 69. 27 марта/9 апреля.
- ¹⁷ Там же. 1916. № 12. 16/29 января; № 38. 17 февраля/1 марта.
- ¹⁸ Там же. 1916. № 52. 6/19 марта; № 82. 15/28 апреля.
- ¹⁹ Там же. 1916. № 167. 4/17 августа.
- ²⁰ Там же. 1916. № 194. 8/21 сентября.
- ²¹ Там же. 1916. № 206. 27 сентября/10 октября; № 226. 25 октября/7 ноября; № 261. 6/19 декабря; № 268. 16/29 декабря.
- ²² Там же. 1916. № 6. 9/22 января; № 9. 13/26 января; № 10. 14/27 января; № 12. 16/29 января; № 14. 19 января/1 февраля; № 23. 29 января/11 февраля; № 31. 9/22 февраля; № 38. 17 февраля/1 марта.
- ²³ Там же. 1916. № 47. 1/14 марта; № 48. 2/15 марта; № 51. 5/18 марта; № 55. 10/23 марта; № 64. 20 марта/2 апреля; № 67. 24 марта/6 апреля; № 69. 27 марта/9 апреля; № 79. 8/21 апреля; № 82. 15/28 апреля.
- ²⁴ Подробнее отзывы критиков см.: Там же. 1916. № 15. 20 января/2 февраля; № 33. 11/24 февраля.
- ²⁵ Там же. 1916. № 9. 13/26 января; № 52. 6/19 марта; № 64. 20 марта/2 апреля; № 71. 30 марта/12 апреля; № 80. 9/22 апреля; № 82. 15/28 апреля.
- ²⁶ Там же. 1916. № 9. 13/26 января; № 31. 9/22 февраля.
- ²⁷ Там же. 1916. № 197. 14/27 сентября; № 258. 3/16 декабря.

- ²⁸ Там же. 1916. № 236. 5/18 ноября; № 243. 13/26 ноября; № 244. 16/29 ноября; № 257. 2/15 декабря; № 261. 6/19 декабря.
- ²⁹ Там же. 1916. № 206. 27 сентября/10 октября; № 210. 1/14 октября; № 213. 7/20 октября; № 219. 14/27 октября; № 226. 25 октября/7 ноября; № 239. 9/22 ноября; № 257. 2/15 декабря; № 258. 3/16 декабря; № 272. 21 декабря/3 января 1917 г.
- ³⁰ Там же. 1916. № 190. 4/17 сентября; № 196. 13/26 сентября; № 197. 14/27 сентября; № 208. 29 сентября/12 октября; № 253. 27 ноября/10 декабря.
- ³¹ Тимирёв С. Н. Воспоминания морского офицера. С. 19.
- ³² Путеводитель по Гельсингфорсу. Гельсингфорс, 1916. С. 21.
- ³³ Финляндская газета. 1916. № 189. 3/16 сентября.
- ³⁴ Там же. 1915. № 194. 10/23 сентября; № 261. 6/19 декабря; 1916. № 249. 23 ноября/6 декабря; Путеводитель по Гельсингфорсу. С. 21.
- ³⁵ Финляндская газета. 1915. № 194. 10/23 сентября; № 242. 12/25 ноября.
- ³⁶ Там же. 1915. № 55. 11/24 марта.
- ³⁷ Там же. 1916. № 1. 1/14 января; № 5. 8/21 января; № 10. 14/27 января.
- ³⁸ Там же. 1915. № 194. 10/23 сентября.
- ³⁹ Там же. 1916. № 249. 23 ноября/6 декабря; № 259. 4/17 декабря.
- ⁴⁰ Там же. 1915. № 52. 7/20 марта.
- ⁴¹ Там же. 1915. № 103. 17/30 мая; № 154. 18/31 июля; 1916. № 23. 29 января/11 февраля.
- ⁴² Там же. 1915. № 173. 19 августа/1 сентября; № 206. 25 сентября/8 октября; № 229. 28 октября/10 ноября; № 245. 17/30 ноября.
- ⁴³ Финляндская газета. 1915. № 154. 18/31 июля; 1916. № 23. 29 января/11 февраля.
- ⁴⁴ Там же. 1916. № 23. 29 января/11 февраля; № 55. 10/23 марта; № 268. 16/29 декабря.
- ⁴⁵ Там же. 1915. № 259. 4/17 декабря; 1916. № 57. 12/25 марта.
- ⁴⁶ Там же. 1916. 5/18 июня.
- ⁴⁷ Там же. 1916. № 196. 13/26 сентября.
- ⁴⁸ Там же. 1916. № 213. 7/20 октября; № 215. 9/22 октября.
- ⁴⁹ Там же. 1916. № 214. 8/21 октября; № 218. 13/26 октября.
- ⁵⁰ Там же. 1916. № 248. 20 ноября/3 декабря.
- ⁵¹ Там же. 1916. № 236. 5/18 ноября.
- ⁵² Там же. 1916. № 246. 18 ноября/1 декабря.
- ⁵³ Там же. № 257. 2/15 декабря.
- ⁵⁴ Там же. № 253. 27 ноября/10 декабря.
- ⁵⁵ Там же. 1916. № 222. 18/31 октября.
- ⁵⁶ Там же. 1916. № 234. 3/16 ноября.
- ⁵⁷ Там же. 1915. № 181. 23 августа/5 сентября; 1916. № 145. 7/20 июля.
- ⁵⁸ Там же. 1915. № 148. 11/24 июля; 1916. № 106. 18/31 мая; № 177. 18/31 августа.
- ⁵⁹ Там же. 1916. № 23. 29 января/11 февраля; № 218. 13/26 октября.

⁶⁰ Там же. Ф.477. Оп.1. Д.25. Л.53.

⁶¹ Там же. 1915. № 77. 10/23 апреля.

⁶² Там же. 1915. № 53. 8/21 марта; № 148. 28 июня/11 июля; № 160. 26 июля/8 августа; № 184. 27 августа/9 сентября; № 195. 5/18 сентября; № 216. 10/23 октября; № 261. 6/19 декабря.

⁶³ Там же. 1915. № 152. 16/29 июля; № 184. 27 августа/9 сентября.

⁶⁴ Там же. 1915. № 146. 9/22 июля.

⁶⁵ *Иванов Д. И.* 1) Это было на Балтике. С. 174; 2) «Гангут» идет в шторм. Львов, 1979. С. 88, 122.

⁶⁶ *Иванов Д. И.* «Гангут» идет в шторм. С. 96.

⁶⁷ Финляндская газета. 1915. № 171. 11/24 августа.

⁶⁸ Там же. 1916. № 160. 26 июля/8 августа.

⁶⁹ Там же. 1916. № 161. 27 июля/9 августа.

⁷⁰ Там же. 1916. № 54. 9/22 марта; № 64. 20 марта/2 апреля; № 159. 24 июля/6 августа; № 165. 2/15 августа; № 183. 25 августа/7 сентября; № 197. 14/27 сентября.

⁷¹ Там же. 1916. №17. 22 января/4 февраля; №70. 29 марта/11 апреля.

И. Н. Новикова

**ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННАЯ ГАЗЕТА
«СКАНДИНАВСКИЙ ЛИСТОК» КАК ИСТОЧНИК
ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ РОССИЙСКО-ШВЕДСКИХ
ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ ПЕРИОДА
ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

Международные связи России со странами Северной Европы становятся сегодня одним из наиболее популярных направлений исторических исследований. При этом российско-шведским отношениям в отечественной историографии посвящено, пожалуй, наибольшее количество работ, среди которых, как ни парадоксально, практически отсутствуют специальные монографические труды о российско-шведских экономических связях с начала Первой мировой войны и до прихода к власти в России правительства большевиков. Исключения составляют отдельные работы Т. М. Китаниной и П. Э. Бациса¹. Значительно большее внимание уделялось в российской историографии вопросам формирования внешнеэкономической политики советского правительства и налаживания экономических контактов Советской России со странами Запада, в том числе и со Швецией². Подобная ситуация наблюдалась и в шведской историографии, где благодаря усилиям Х. Карлбек были созданы интересные исследования о шведско-советских экономических отношениях послереволюционного времени³. Предшествовавший Февральской и Октябрьской революциям в России период мало изучен в шведской историографии. Примечателен тот факт, что в ведущем скандинавском научном журнале по экономической истории⁴

с момента выхода в свет его первого номера (1953) и по сегодняшний день не было опубликовано ни одной статьи о российско-шведских экономических взаимоотношениях в годы Первой мировой войны.

Тем не менее без глубокого изучения российско-шведских экономических контактов начального периода мировой войны трудно объяснить тот факт, как занимавшая в российском предвоенном товарообороте весьма скромное место Швеция стала главным торговым партнером Советской России в 1918 г. Предпосылки подобных изменений, безусловно, закладывались в первые военные годы.

Интенсификация торгово-экономических связей России со Швецией в годы Первой мировой войны стала возможной не только благодаря сложившейся в результате войны благоприятной экономической конъюнктуре, эффективным мероприятиям государства и частного бизнеса двух соседних стран, но и благодаря энергии талантливых издателей и журналистов, поставивших перед собой задачу активной, наступательной пропаганды идеи российско-шведского экономического сближения. Особое место в российской информационной борьбе за шведский рынок занимала торгово-промышленная газета «Скандинавский листок», издаваемая с апреля 1915 г. в Стокгольме.

Историческая обстановка, предшествовавшая появлению новой газеты, была довольно напряженной. Шведское общество страдало навязчивой идеей «русской угрозы» Скандинавии. Большинство шведов полагало, что Россия вынашивает захватнические планы в отношении Швеции. Особенно ярко тема так называемой «русской опасности» «обосновывалась» в работах известных шведских ученых С. Хедина и Р. Челлена. Опасаясь превращения Российской империи в скором будущем в супердержаву, один из основателей современной геополитики профессор Рудольф Челлен был, например, убежден в том, что от восточной соседки исходит «угроза шведской культуре и государству», да и всей европейской цивилизации⁵. Шведские школьники узнавали из учебников географии о том, что «население России невежественно, отличается пьянством, бесчестностью, а низшие слои к тому же подбострастны и лживы»⁶.

Распространявшиеся в Швеции слухи о русском шпионаже нагоняли ужас на добропорядочных шведов. В любом русском предпринимателе, корабельнике, интеллигенте шведы видели шпиона. «Умы мирных граждан приведены в паническое состояние именем России»⁷, — сообщалось в марте 1914 г. в одном из донесений российских военных аналитиков в Генеральный морской штаб.

С другой стороны, в России также с серьезным недоверием относились к планам маленькой Швеции. Среди военной элиты получило широкое распространение мнение о военных приготовлениях Стокгольма против России. В разработках Генерального штаба и Генерального морского штаба Швеция относилась к потенциальным военным противникам в Балтийском регионе. При этом российские аналитики скептически расценивали возможность самостоятельного выступления Стокгольма против России, но всерьез опасались шведского нападения в союзе с Германией⁸. В итоге обе географически близкие соседние страны были по духу чрезвычайно «удаленными» друг от друга государствами.

Политические предубеждения, стереотипы и страхи оказывали серьезное влияние и на развитие экономических отношений между Стокгольмом и Петербургом, которые в предвоенный период сводились к минимуму. Огромная Российская империя занимала весьма скромное место в шведском товарообороте. Российские товары составляли в 1913 г. в общем шведском импорте только 3,46%, в то время как на долю Германии приходилось 34,3%⁹. Слабое развитие двусторонней шведско-российской торговли приводило к тому, что значительная часть российского сырья поступала на шведский рынок через посредничество Германии, что вело к его удорожанию¹⁰.

Первая мировая война серьезно изменила динамику развития российско-шведских экономических отношений. Из торгового партнера второстепенного ранга Швеция становилась весьма важным, стратегическим партнером. Причем экономическое значение Швеции как внешнеторгового партнера России было совершенно несоизмеримым с ее размерами и возможностями.

Благодаря разрыву традиционных экономических связей между Россией и Германией сложились благоприятные усло-

вия для продвижения шведских товаров в Россию. Острая нехватка в промышленных изделиях и оборудовании заставляла Россию интенсифицировать экономические связи с союзными и нейтральными странами. В числе приоритетных партнеров, в силу географического положения и специфики экономической структуры, оказалась Швеция. Швеция со своей стороны нуждалась в российском сырье. Поэтому, несмотря на серьезные разногласия по целому ряду политических вопросов, практическая целесообразность требовала от России и Швеции реализации взаимных экономических интересов.

В первые месяцы войны шведско-российские экономические отношения носили стихийный характер. В Петрограде наблюдалось лихорадочное стремление любой ценой эмансипироваться от так называемого «германского засилья» в экономике. В связи с этим шведское консульство в Москве получало огромное количество запросов о возможности заменить германские товары на шведские. Эти запросы говорили о том, что их авторы имели поверхностное представление о развитии шведской промышленности, полагая, что Стокгольм в состоянии поставить в Россию какую угодно продукцию и в огромном количестве. Особенно большой спрос наблюдался на товары электротехнической, химической промышленности, медикаменты и металлы. С другой стороны, в Стокгольме также нашлось немало дельцов, которые намеренно преувеличивали возможности шведской промышленности, искусственно взвинчивая цены на товары¹¹. И в Петрограде, и в Стокгольме понимали, что следует использовать благоприятную военную конъюнктуру для развития взаимовыгодной торговли. Однако российско-шведское экономическое сближение нуждалось в серьезной просветительской деятельности, направленной на формирование положительных образов двух стран по отношению друг к другу.

В организации российской экономической пропаганды в Швеции использовался немецкий опыт. С апреля 1915 г. в Стокгольме, в доме № 11 по улице Кардуансмакаре начала издаваться торгово-промышленная газета «Скандинавский листок», ответственным издателем которой был К. Берг, редактором — археолог по профессии И. Г. Лурье. Целью указанного периодического издания стало содействие развитию рус-

ско-шведских торгово-экономических отношений путем «формирования привлекательного образа России в Швеции и Швеции в России». Газета выходила с периодичностью сначала три раза, позднее два раза в неделю, распространялась по подписке в Скандинавских странах и России, ее также можно было приобрести в газетных киосках Стокгольма и в гостиницах Петрограда. Она издавалась на русском языке, некоторые статьи помещались на шведском языке, а отдельные номера выходили на двух языках — русском и шведском. Для ознакомления шведских предпринимателей с экономическими возможностями России редакция «Скандинавского листка» издавала также специальные приложения на шведском языке. С редакцией сотрудничали как предприниматели-практики, так и ученые-экономисты.

Потребность в подобном издании была очень велика. Редакция ежедневно получала запросы из разных уголков России, как из европейской ее части, так и из Сибири, Кавказа, Средней Азии, с просьбами предоставить информацию о шведских фирмах — производителях тех или иных видов товаров¹².

В 1916 г. был увеличен формат газеты и создан специальный Шведский отдел, имевший целью познакомить шведские торгово-промышленные круги с особенностями российского жизненного уклада и предпринимательской деятельности. В феврале 1917 г. при редакции был учрежден Справочный отдел, сотрудники которого готовили по запросам российских коммерсантов специальные справки о положении на скандинавских товарных рынках, таможенных тарифах, просвещали в вопросах шведской внешнеэкономической политики и законодательства. «Скандинавский листок» развивал собственную издательскую деятельность. В Петрограде и Стокгольме имел успех вышедший в 1916 г. торгово-промышленный календарь «Вся Швеция», который в апреле 1917 г. был переиздан под названием «Скандинавия» в дополненном варианте, с особым разделом по Норвегии.

Газета печаталась в типографии «Прогресс» в Стокгольме. Из-за дороговизны и нехватки бумаги в России печатать различные издания в Швеции было дешевле, чем в Петрограде. Поэтому шведская типография «Прогресс», приспособившаяся в военные годы к изданию трудов на русском языке, кроме

публикации «Скандинавского Листка» с начала 1917 г. стала получать заказы из России на печатание книг и учебников¹³.

Уникальность «Скандинавского листка» состояла в том, что, во-первых, это была исключительно торгово-промышленная газета. Она стояла вне политики и стремилась помещать на своих страницах лишь тот материал, который имел отношение к развитию промышленности, торговли и банковской сферы. Так, в период Февральской революции в России на страницах газеты не печаталось сообщений о революционных событиях в Петрограде, подобная ситуация наблюдалась и с приходом к власти в России правительства большевиков. Во-вторых, «Скандинавский листок» являлся, пожалуй, единственным периодическим изданием, целенаправленно занимавшимся популяризацией идеи экономического сближения России со Скандинавскими странами.

Большое внимание газета обоюдному знакомству, с одной стороны, российских торгово-экономических кругов с положением шведской промышленности, и с другой — шведских предпринимателей с состоянием российской промышленности и рынка. С содержательной точки зрения размещаемые на страницах «Скандинавского листка» материалы можно разделить на несколько групп. К первой группе принадлежали официальные шведские сообщения об экспорте и импорте, списки запрещенных правительством к вывозу из Швеции товаров, правительственные распоряжения по таможенному ведомству и др. Вторая группа — это публикации очерков развития скандинавской и российской промышленности, торговли и мореходства, обстоятельные обзоры текущего экономического развития Швеции и России, интервью известных шведских и русских предпринимателей по вопросам российско-шведского торгово-экономического сближения. В газете читатель мог почерпнуть интересные сведения о русско-шведском товарообмене, о новинках шведской промышленности, развитии электротехники, качестве шведского железа и в целом о влиянии войны на экономику скандинавских стран. Третью группу составляла скандинавская торгово-промышленная и финансовая хроника, где помещались текущие новости скандинавской экономической жизни: открытие новых предприятий, слияние банков, потери торгового флота, печатались

курсы обмена валют, содержалась информация об открытии новых транспортных сообщений и многом другом. На страницах газеты освещались также экономические новости из других стран, в том числе географически удаленных от России и Швеции (об экономике США, добыче вольфрама на Пиренеях, природных богатствах Южной Америки и др.). Наконец, в каждом выпуске размещались, минимум на двух страницах, рекламные объявления, которые вместе с доходами от подписки в основном покрывали расходы на содержание газеты.

Желая форсировать создание благоприятного имиджа Швеции в России, авторы нередко нарочито преувеличивали русские симпатии к шведскому образу жизни и антипатии по отношению ко всему немецкому. Так, на страницах «Скандинавского листка» некто «Россиянин» рассказал о том, как прекрасно отдыхать на шведском курорте. Шведский курорт — это «рай земной»: роскошная природа, превосходное обслуживание и красивые шведки. Все здесь «просто, мило, изящно и культурно, а шведки хороши собой...». В противоположность этому немецкий курорт, со слов очевидца, выглядел кошмарно: «Созданная большей частью искусственно пародия на природу, с гладко прилизанными дорожками, скверной кухней, тоскливой жизнью» и общением с «неинтересными людьми: немцами и белобрысыми немецкими девицами, гулявшими в сопровождении пузатых отцов и матерей». Автор высказывал сожаление о потере русскими в предвоенный период «миллиардов трудовых рублей» на немецких курортах и призывал отдыхать в Швеции, как в военное, так и в послевоенное время¹⁴.

Редакция «Скандинавского листка» инициировала дискуссию о путях и методах российско-шведского экономического сближения, обратившись с подобным вопросом к самым авторитетным шведским и российским предпринимателям и государственным деятелям. Например, директор акционерного общества «L. M. Ericsson & Co» Х. Иоганссон рассматривал в качестве главного фактора интенсификации двусторонней торговли развитие частной инициативы. Он считал, что шведы и русские, не ожидая государственного содействия, сами должны напрямую завязывать деловые отношения друг с другом. «Ничто так не связывает людей разных национальностей,

как взаимные интересы»¹⁵, — подчеркнул шведский предприниматель в своем письме в редакцию газеты.

Другие шведские предприниматели, наоборот, подчеркивали особую роль государства в продвижении шведских экономических интересов в России, предлагая правительству заняться финансированием программ по улучшению путей сообщения, реконструкцией шведских портов, учредить в России новые консульства, отправить в Россию государственных стипендиатов с целью изучения рынка и русского языка, создать кредитные учреждения и др.¹⁶

Директор акционерного общества «Scania-Vabis Södertälge» П. Нордеман вспомнил в своем выступлении слова бывшего российского министра торговли и промышленности В. И. Тимирязева, который полагал, что три главных фактора необходимы для страны, желающей развивать торговлю с Россией: предприимчивость, знание языка и кредит. Указанные факторы шведский предприниматель считал фундаментом успеха, но при этом добавлял, что в Россию нужно поставлять только первоклассные товары, качество которых было бы лучшей рекламой для шведской промышленности. Это позволило бы Швеции, по мнению Нордемана, в послевоенное время занять достойную нишу на российском рынке¹⁷.

Член Государственного совета, профессор Н. Х. Озеров предложил начать дело экономического сближения между Россией и Швецией с образования Русско-шведского (или Русско-скандинавского) банка, который стал бы, по выражению автора, «очами и ушами Скандинавии в России»¹⁸.

Некоторые участники дискуссии уделяли особое внимание субъективному фактору, считая, что для российско-шведского экономического сближения необходимо, в первую очередь, преодолеть взаимное недоверие. Эта мысль наиболее ярко прозвучала в словах директора АСЕА (ASEA — шведская Всеобщая компания электричества) И. С. Эдштрёма, который полагал, что самым важным и необходимым фактором укрепления торговых отношений между двумя странами является полное взаимное доверие. Автор привел такой пример, когда он в ноябре 1914 г. прибыл в Петроград с предложениями о сотрудничестве, то натолкнулся на господствовавшее там убеждение, что к весне 1915 г. Швеция непременно «нападет

на Россию с тыла». Подобное мнение о России имело широкое хождение и в Швеции. Поэтому первоочередную задачу Эдштрём видел в том, чтобы восстановить взаимное доверие, благодаря которому увеличился бы и товарообмен между двумя странами¹⁹.

В 1915–1916 гг. на страницах «Скандинавского листка» освещались проблемы интенсификации российско-шведского товарообмена. В частности, неоднократно высказывались предложения о развитии транспортного сообщения, необходимости создания российско-шведской торгово-промышленной палаты в Петрограде, реформировании консульской службы в направлении ее де бюрократизации²⁰. Ссылаясь на опыт зарубежных стран, авторы также призывали развивать в России институт торговых стипендиатов, чтобы молодые люди, желавшие посвятить себя торговой деятельности, получили возможность отправиться на стажировку за счет государства или торгово-промышленных организаций за границу, в данном случае в Скандинавию, для совершенствования своих познаний в языке и знакомства с торговлей и промышленностью страны пребывания. Институт торговых стипендиатов рассматривался редакцией «Скандинавского листка» в качестве эффективного средства преодоления взаимного недоверия и незнания российскими коммерсантами специфики шведского и других скандинавских рынков²¹.

Следует отметить, что авторы статей в целом не были оригинальны, повторяя те предложения, которые уже высказывались шведскими предпринимателями в местной печати. В августе 1915 г. находившаяся под покровительством шведской короны центральная организация шведских экспортеров — Шведский экспортный союз (Sveriges Allgemänna Exportförening) — подготовила доклад о перспективах развития шведской экономики после войны, в котором немало внимания уделялось и торговым отношениям с Россией. В числе первоочередных мер для интенсификации шведско-российских экономических отношений авторы доклада предлагали установить паромное сообщение между шведскими и финскими гаванями, выделить особые стипендии для изучения русского языка, учредить специальные институты для поддержки и развития двусторонней торговли. Одно из таких предложений — это со-

здание в Петрограде шведско-российской Торговой палаты и Шведско-российского банка для решения острой проблемы финансового обеспечения внешней торговли и развития кредитной системы²².

Значительное место на страницах «Скандинавского листка» отводилось вопросам внутриэкономического развития в Швеции: состоянию отдельных отраслей промышленности, влиянию английской блокады и немецкой подводной войны на шведскую экономику, нарастанию продовольственного кризиса в стране. Авторы статей положительно оценивали антикризисные мероприятия шведского правительства в области государственного регулирования экономики. Подчеркивалось, что заблаговременное введение режима экономии, карточной системы и установление максимальных цен на продукты питания позволило Швеции избежать сильных внутриполитических потрясений. «Скандинавский листок» с восторгом писал о присущей шведскому обществу организованности и солидарности, благодаря которым рабочие получали дополнительные карточки на хлеб за счет пожертвований лишних карточек состоятельными слоями населения, для которых хлеб не являлся основой питания (ежедневная норма выдачи хлеба, установленная в Швеции с начала 1917 г., составляла 240 г на человека)²³.

Сотрудники «Скандинавского листка» вместе с представителями российского бизнеса неоднократно приглашались шведскими предпринимателями на специально организованные для них экскурсии на крупнейшие шведские предприятия, чтобы своими глазами увидеть возможности шведской промышленности. Подробные описания поездок и экскурсий помещались затем на страницах «Скандинавского листка»²⁴. Из этих очерков можно было узнать не только историю развития той или иной отрасли промышленности, но и то, как шведская промышленность приспосабливалась к требованиям российского рынка. Так, в одном из крупнейших шведских промышленных центров — Эскильстуне сотрудникам газеты показали изготавливаемые по российскому заказу косы, топоры, пилы, лопаты специального «русского образца»²⁵.

После Февральской революции в России приоритетной темой «Скандинавского листка» стали перспективы развития

российско-скандинавских экономических связей. В статье «Обновленная Россия и русско-скандинавское сближение» газета выражала надежду на то, что предпринятые Временным правительством реформы благотворно отразятся на российско-скандинавских экономических отношениях. Предлагались и конкретные меры для экономического сближения со Скандинавией: стимулирование увеличения вывоза российских товаров в Швецию и отмена ряда запретительных списков, реорганизация консульской службы, новая организация государственных заказов в Скандинавии, отмена стеснительных таможенных мер (например, отмена пошлин на шведские каталоги, отпечатанные на русском языке, и провоз в Россию образцов шведских товаров)²⁶.

В одном из апрельских номеров редакция специально для скандинавских, в особенности для шведских, читателей опубликовала отрывки из интервью П. Н. Милюкова корреспонденту норвежской газеты «Афтенпостен», в котором новый министр иностранных дел России заявил о том, что на смену старому недоверию скандинавских стран в отношении России должно прийти взаимное доверие. Он также подчеркнул, что «Россия не имеет и никогда не имела никаких планов относительно захвата норвежских портов на Атлантическом океане... Путь России лежит не на север, а на юг. Константинополь — вот вопрос жизни для России...». Торговля со Скандинавией должна, по мнению российского министра иностранных дел, принять оживленный характер. «Россия достаточно испытала немецкое влияние во всех областях, являясь рынком сбыта для немецких товаров. Мы должны удалиться от Германии как в области торговли, так и в области культуры. В области торговли скандинавские страны имеют шанс заменить Германию. Скандинавские страны — это наши друзья, которых мы не должны бояться. Скандинавские коммерсанты честны и симпатичны»²⁷, — заявил в своем интервью Милюков.

К сожалению, большинство надежд не оправдалось. После Февральской революции в геометрической прогрессии увеличивались проблемы в российско-шведских торгово-экономических отношениях. Шведский экспорт в Россию достиг своего пика в 1916 г. (136,1 млн крон), затем он начал падать и в 1917 г. составлял 127,6 млн крон²⁸. Сокращение было

обусловлено растущими экономическими трудностями как в России, так и в Швеции²⁹.

Чувствительный удар по российско-шведским экономическим отношениям нанесла также внешнеэкономическая политика Временного правительства: введение летом существенных ограничений на импорт шведских товаров, запрет на вывоз за рубеж русской валюты, введение практики реквизиций машин и оборудования в тех случаях, когда поставщики отказывались установить на них твердую цену. Негативно отражалось на шведско-российских экономических отношениях обвальное падение российского рубля. За годы войны курс рубля упал по отношению к шведской кроне почти в 4 раза: до войны 100 руб. равнялось 192 кронам, в сентябре 1917 г. — лишь 48 крон. Наконец, последним актом Временного правительства во внешнеэкономической сфере стала денонсация семнадцати из двадцати шести действовавших к октябрю 1917 г. торговых договоров и соглашений³⁰.

По мере обострения экономического кризиса в России сотрудники «Скандинавского листка» стали больше писать о послевоенных перспективах, чем о реальном положении дел в российско-шведских экономических отношениях. После Октябрьской революции телеграфное сообщение между Петроградом и Стокгольмом было прервано. Издаваемые в это время в Швеции газеты питались слухами. Верная принципу «ни слова о политике», редакция «Скандинавского листка» в основном публиковала старые материалы и рассуждала об экономической жизни в Европе и международной торговле после войны. Первая статья, упоминавшая о революционных событиях в России, вышла в свет только 21 ноября. Развивавшаяся в Петрограде анархия вызывала опасения в мире. Сотрудники газеты опросили ряд шведских предпринимателей, связанных с торговлей и бизнесом в России. Выяснилось, что они оказались большими оптимистами. Почти все опрошенные считали положение в России далеко не таким трагичным, как оно казалось с первого взгляда. Они понимали, что в настоящий момент страна «находилась во власти анархии и развала», но тем не менее верили в скорое возвращение России к нормальной жизни и в экономический расцвет страны³¹.

Редакция «Скандинавского листка» также не делала поспешных выводов и не спешила сворачивать свою деятельность в Швеции. Наоборот, в конце ноября 1917 г. она открыла отделение в Христиании в целях лучшего информирования торгово-промышленных кругов России об экономической жизни Норвегии. Издание газеты прекратилось в конце декабря 1917 г., когда стало окончательно ясно, что труд ее сотрудников оказался невостребованным в Петрограде.

Торгово-промышленную газету «Скандинавский листок» следует рассматривать как важный исторический источник, существенно дополняющий информацию дипломатических, торговых представителей и военных агентов в Швеции по вопросам российско-шведских экономических отношений изучаемого времени. Газета предоставляет также богатый информационный материал по широкому спектру проблем экономического и социального развития шведского общества.

В заключение необходимо отметить, что экономическое сближение России и Швеции в период Первой мировой войны стало свершившимся фактом. За три года войны Россия переместилась с седьмого на третье место в шведском товарообороте, уступив лишь Германии и Англии. В конструировании благоприятных условий для развития российско-шведских торгово-экономических отношений важная роль принадлежала и сотрудникам «Скандинавского листка», создававшим в годы войны позитивный образ России в Швеции и содействовавшим налаживанию связей между шведскими и отечественными коммерческими кругами.

¹ См., напр.: *Бацис П. Э.* Транзитный вопрос в русско-шведских отношениях в годы Первой мировой войны (1914—1917) // *Материалы VII Всесоюзной конференции по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов.* Л.; М., 1976. Ч. 1. С. 75—77; *Китанина Т. М.* 1) Экономические отношения России и Швеции в годы первой мировой войны // *Материалы X Всесоюзной конференции по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии.* М., 1986. Ч. 1; 2) *Война, хлеб и революция. (Продовольственный вопрос в России. 1914 — октябрь 1917 г.).* Л., 1985. С. 117—122.

² См.: *Сонкин М. Е.* Окно во внешний мир. Экономические связи Советского государства в 1917—1921 гг. М., 1964; *Шишкин В. А.* Советское государ-

ство и страны Запада в 1917–1923 гг. Л., 1969; Шишкин В. Становление внешней политики послереволюционной России (1917–1930 годы) и капиталистический мир: от революционного «западничества» к «национал-большевизму». СПб., 2002.

³ Карлбек-Исотало Х. Шведско-советские торговые связи в 1917–1918 гг. // Экономическая история. Проблемы. Исследования. Дискуссии. М., 1993. С.187–209; Carlbäck-Isotalo H. War, Neutrality and Economic Realities. Aspects of Sweden's Relations to a Russian Empire in Dissolution // Contact or Isolation? Soviet-Western Relations in the Interwar Period. Acta Universitatis Stockholmiensis. 1991. N 8. P. 75–92.

⁴ Имеется в виду журнал «Scandinavian Economic History Review».

⁵ Цит. по: Новикова И. Н. Рудольф Челлен о России // Россия в мировом политическом процессе. СПб., 2005. С. 135. О предвоенном шведском общественном мнении по отношению к России подробно см.: Новикова И. Н. «Между молотом и наковальней»: Швеция в германо-русском противостоянии на Балтике в годы Первой мировой войны. СПб., 2006. С. 48–50; Чернышева О. В. Шведы о русских. По материалам начала XX века (1900–1920) // Северная Европа. М., 2003. С. 102; Burgman Toesten. Svensk opinion och diplomati under rysk-japanska kriget 1904–1905. Uppsala, 1965; Eselius G. The «Russian Menace» to Sweden. Stockholm, 1994.

⁶ Цит. по: Чернышева О. В. Шведы о русских. С. 102.

⁷ Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГА ВМФ). Д. 3991. Л. 20. Рапорт барона Кноринга от 29.03.1914.

⁸ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2000. Оп. 1. Д. 3284. Л. 6. Материалы о подготовке Петроградского военного округа к войне со Швецией, 1909 г.; РГА ВМФ. Ф. 449. Оп. 4. Д. 35. Л. 1. План операций морских сил Балтийского моря на случай европейской войны, 1914 г.

⁹ Загорский С. О. Война после мира. Пг., 1917. С. 144.

¹⁰ По данным шведского инженера Петерсона, в 1912 г. из России в Швецию была ввезена пенька на сумму в 380 тыс. крон, в то время как шведский импорт русской пеньки через Германию составил 1 млн 16 тыс. крон. (Скандинавский листок. 1915. № 4).

¹¹ Там же. 22.08.1915. № 57.

¹² Там же. 04.04. 1917. № 271.

¹³ Там же. 13.10.1917. № 326.

¹⁴ Там же. 08.07.1915. № 38.

¹⁵ Там же. 16.11.1915. № 93.

¹⁶ Там же. 1915 г. № 88, 90, 92, 102.

¹⁷ Там же. 23.11.1915. № 96.

¹⁸ Там же. 09.12.1915. № 103.

¹⁹ Там же. 26.10.1915. № 84.

²⁰ Там же. 24.01.1917. № 251.

²¹ Там же. 27.01.1917. № 252.

²² Там же. № 90, 91, 92.

²³ Там же. 24.10.1917. № 329.

²⁴ Там же. 1917 год. № 298–304.

²⁵ Там же. 03.10.1917. № 323.

²⁶ Там же. 14.03.1917. № 265

²⁷ Там же. 11.04. 1917. № 273.

²⁸ Карлбек-Исотало Х. Шведско-советские торговые связи в 1917–1918 гг. С. 190.

²⁹ Подробнее см.: Новикова И. Н. «Между молотом и наковальней»: Швеция в германо-русском противостоянии на Балтике в годы Первой мировой войны. С. 219.

³⁰ Там же. С. 219–222.

³¹ Скандинавский листок. 21.11.1917. № 337.

Е. Ю. Дубровская

**ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА И ИНОСТРАННАЯ
ИНТЕРВЕНЦИЯ НА РУССКОМ СЕВЕРЕ
В ПАМЯТИ НАСЕЛЕНИЯ КАРЕЛИИ
(1920—1930-е гг.) ***

В переломные для истории Российского государства годы революции и Гражданской войны территория населенных карелами уездов Олонецкой губернии и западных волостей Кемского уезда Архангельской губернии (Беломорская Карелия) оказалась вовлечена в орбиту международной политики и прежде всего в сферу интересов России и Финляндии, а также Англии, Франции и Америки — недавних союзников по антигерманской коалиции.

В июле 1918 г. территория Российской Карелии оказалась театром военного противостояния на европейском Севере. Страны Антанты усилили свое военное присутствие в карельском Поморье, опасаясь проникновения сюда войск Германии и ее союзника — Финляндии. Высадка английских войск на Севере России началась весной 1918 г. Поначалу англичане объясняли свое присутствие здесь необходимостью защищать регион от возможного продвижения немцев и охраны военных грузов, однако скоро стали очевидными их цели — борьба с большевизмом и укрепление своего геополитического влияния на Русском Севере. Захватив населенные пункты вдоль Мурманской железной дороги, войска Антанты и военные формирования союзного им белогвардейского правитель-

* Работа выполнена при поддержке Программы отделения фундаментальных исследований ОИФН РАН «Русская культура в мировой истории» (проект «Финский фактор в истории и культуре Карелии в XX в.»).

ства в Архангельске остановились на границе Кемского уезда Архангельской губернии и Повенецкого уезда Олонецкой губернии¹.

Численность карельского населения Русской Карелии накануне 1917 г. составляла чуть меньше 40% от общей численности карелов (208 110 чел.), живших в пределах российских губерний, включая Тверскую, Новгородскую и Петербургскую². По данным статистики, в 1914 г. в Кемском уезде проживало 27 075 чел. карелов, составляя большинство среди общего количества его населения (42 738 чел.)³.

Анализ воспоминаний очевидцев событий периода иностранной интервенции и Гражданской войны на севере России открывает перспективы для дальнейшего исследования трансформации исторической памяти населения карельского приграничья — современников и участников общественно-политических перемен в Карелии.

Прежде никогда не публиковались и не вводились в научный оборот исторических изысканий воспоминания участников Гражданской войны в Карелии, содержащиеся в материалах фольклорной экспедиции ленинградской исследовательницы А. М. Астаховой.

Путь Анны Михайловны Астаховой (1886—1971) в фольклористику в 1920-е гг. был связан с первыми севернорусскими экспедициями Государственного института истории искусств (ГИИИ) в начале 1930-х гг., когда она являлась секретарем секции фольклора в ленинградском Институте по изучению народов СССР (ИПИИ). Секция работала на основе бывшей академической комиссии, а впоследствии была преобразована в Отдел фольклора народов СССР Пушкинского Дома. Во главе отдела стоял доктор филологических наук М. К. Азадовский⁴.

В 1932—1933 гг. А. М. Астахова, занимавшаяся прежде всего городским фольклором, песнями городской улицы, выезжала в экспедиции в Карельское Поморье, где записывала «Рассказы о Гражданской войне» одновременно с историческими песнями, любовной лирикой и произведениями других жанров. Порядка 30 текстов, зафиксированных ею в 1932 г. в Беломорском (Сорокском) и Медвежьегорском районах среди жителей Повенца и Медвежьегорска, деревень Нюхча, Койкиницы, Лапино, Пертозеро, Шижня, образуют раздел

«Фольклор Гражданской войны» среди архивных материалов экспедиционных записей⁵.

Разумеется, экспедиции собирателей фольклора и воспоминаний о происходившем в 1914–1920 гг. обращались к памяти лишь победителей в революционных событиях и сражениях Гражданской войны⁶. Это бывшие красные партизаны, красноармейцы и те из жителей приграничья, кто поддерживал советскую власть. Однако в их свидетельствах встречаются подробности, позволяющие обнаружить проявления не только идеологической памяти населения, но и памяти, которую можно назвать «памятью сердца». Традиция, зафиксированная в текстах записей «Фольклора Гражданской войны», устанавливает тесную связь между этой памятью и пространством традиционной культуры Русского Севера.

Семидесятилетняя А. П. Попова, рассказывая о деревне Нюхча, затерянной в глуши Карельского Поморья, вспоминала, что до прихода «добровольцев» — солдат добровольческой Белой Армии — «уж никто у нас не бывал, ворон не пролетывал в нашу деревню»⁷.

В записанных А. М. Астаховой рассказах членов семьи И. В. Титова из Нюхчи присутствуют фольклорные мотивы «чудесного спасения» и «неокончательной смерти» участников кровопролитных событий. Так, по свидетельству сестры, в одном из домов односельчанка сумела спасти ее брата от ареста следующим образом: «В окошко-то увидели и бегом из квартиры через сенник, но по дороге встретился бы неминуемо с Рублевским (белым офицером. — Е. Д.)», если бы «жонка» хозяйина «не закрыла его юбкой: она, распустив юбку, встала между ним и Рублевским, и брату удалось бежать». Другому жителю деревни, уцелевшему во время расстрела, удается выбраться из-под горы трупов и скрыться⁸.

В записях А. М. Астаховой можно выделить и традиционные для фольклора мотивы «нетипичного поведения врага». Часовой-белогвардеец предупреждает красного партизана о грозящей ему в деревне опасности. Врач, служивший у белых, спасает красноармейца от ареста, поскольку был его однополчанином в годы Первой мировой войны⁹. В воспоминаниях сорокалетнего А. П. Вавилина о пребывании в плену у белых в 1919 г. в районе ст. Кяппесельга он связывает свое

спасение от расстрела с тем, что арестованный вместе с ним товарищ-поляк оказался родственником начальнику контрразведки: оба поляка вместе служили «в царское время», к тому же были женаты на сестрах¹⁰.

Последний пример подтверждает заключение И. А. Разумовой о том, что установление родства в любой форме — от свойства до бывшего братства по оружию — способствует преодолению критического положения, являясь средством «спасения» и психологической компенсации¹¹.

1919 г. стал особенно напряженным в военном отношении. В это время почти вся территория, населенная карелами, попала под власть интервентов и антибольшевистских сил. В январе развернулись военные действия Красной Армии против войск находившегося в Архангельске белого Временного правительства Северной области (ВПСО). Бои велись и против союзных ВПСО военных формирований интервентов, прежде всего англичан, высадившихся в Архангельске и Онеге.

До февраля 1919 г. линия фронта, стабилизировавшаяся по реке Онде в 40 км южнее станции Сорока, оставалась неизменной¹². 16 февраля 1919 г. началось наступление войск союзников западнее Мурманской железной дороги, а затем и к востоку от нее, вдоль западного побережья озера Выг, в обход станции Сегежа. Одновременно интервенты продвигались по тракту Сумский Посад—Повенец.

Бывший генерал царской армии Е. К. Миллер, приглашенный Н. В. Чайковским на должность генерал-губернатора и командующего войсками, прибыл из-за границы в Архангельск в середине января 1919 г. Вскоре генерал Миллер стал командующим Северным фронтом, а в феврале 1920 г. — заместителем председателя правительства Северной области¹³, состоявшем из офицеров старой русской армии.

Среди уроженцев Олонецкой губернии, недавних военнослужащих царской армии, были такие, кто с дореволюционной поры и с первых месяцев Февральской революции сохранили о генерале недобрую память. Рабочий Онежского завода Н. Богданов в 1932 г. оставил воспоминания о своей встрече с Миллером, тогда командиром 26-го армейского корпуса, на позициях в Карпатах. Выписавшись из лазарета в конце апреля 1917 г., автор воспоминаний по дороге на передовую оста-

новился из любопытства у штаба корпуса, где для приветствия прибывающего командира был построен в шеренгу маршевый эшелон из полусотни солдат.

В соответствии с традициями политической культуры военнослужащих в период Февральской революции, к этому времени уже сформировавшимися повсеместно, «у каждого солдата на груди был красный бантик, а у правифлангового большой красный флаг». Адъютант штаба настаивал, чтобы рядовые сняли с шинелей эти символы революции и убрали флаг. Однако, указав на желтый имперский флаг, развевавшийся над зданием штаба, один из солдат ответил «Вот ваш надо убрать, а поднять красный, у нас теперь свобода».

По воспоминаниям Н. Богданова, появившийся перед строем Миллер отдавал каждому солдату приказание снять свой бант, и все подчинились распоряжению генерала, за исключением правифлангового, «который не отдал красного флага» и бант снять не захотел. «Каждый раз, как Миллер намеревался сам лично снять, солдат прикрывал бант рукой, говоря “не дам”». Не снял бант и «стоящий этому в затылок, да снова одели еще двое», — писал автор воспоминаний. Видя, что «добровольно ему не сломать твердости солдат», генерал распорядился направить эшелон на позицию, а четверых не подчинившихся оставить¹⁴.

«После этих слов солдаты правого фланга выскочили из строя и схватили Миллера. Сначала в отдельности, молча, в недоумении выскакивали из строя солдаты, а потом, всей массой закричав “ура”, побежали накинуть руку на Миллера. В этой массе было страшное ожесточение, забурило, точно в котле. Адъютант кинулся к казакам, прося выручить генерала, но они, в числе ста человек, свесившись через ограду, удивленно смотрели со двора штаба»¹⁵.

Подобно красным флагам и красным бантам на груди военных, революционные песни подполья стали политическими символами свержения царизма, наделялись сакральным смыслом и становились неприкосновенными знаками «нового порядка», которые нужно было отстаивать любой ценой, в том числе ценой жизни, чужой или собственной¹⁶. Об этом свидетельствуют приведенные воспоминания бывшего рядового. Командир корпуса тоже навсегда запомнил этот инцидент:

«Избитого Миллера с окровавленной головой под “Марсельезу” его духового оркестра, под общее ликование солдат, полных революционного энтузиазма, отвели на комендантскую гауптвахту. Клочки его изорванной синей шинели и красной подкладки валялись по дороге шествия».

Участь генерала оказалась все же не такой плачевной, как судьбы сотен офицеров российской армии, ставших в 1917 г. жертвами «революционного самосуда» своих подчиненных¹⁷. Собрание солдатских делегатов «постановило под конвоем отправить его в Петроград к Керенскому», тем самым сохранив ему жизнь. Примечательно свидетельство автора воспоминаний о том, какого рода причины становились поводом для протестных действий рядовых на позициях незадолго до Февральской революции и вызывали тогда «жестокую расправу» со стороны генерала Миллера. «Голодные солдаты одной роты не послушали команды идти за супом: «Когда подвезут хлеб, и суп выберем, — вспоминает Н. Богданов. — Прибывшее начальство сочло это за бунт и “главные зачинщики” были расстреляны. После революции их раскопали и похоронили с почестями»¹⁸.

Эскалация ненависти в отношениях между рядовыми военнослужащими и высшим офицерством по мере развития событий революции 1917 г. производит впечатление взаимного провоцирования, чтобы достичь своего апогея в годы Гражданской войны в России. Развитие событий на Русском Севере и в Карелии не стало исключением. Не удивительна поэтому фраза, которой рабочий Онежского завода в начале 1930-х гг. закончил рассказ о командующем Северным фронтом и вооруженными силами ВПСО: «Вот какая гадина добывалась из Архангельска к власти»¹⁹.

Если в 1914 г. вступление России в Первую мировую войну повлияло на активизацию памяти жителей Архангельской и Олонецкой губерний об имперском расширении и завоеваниях, изменилось восприятие Карелии как места противостояния Востока и Запада, то в годы революции 1917 г. и Гражданской войны произошла смена приоритетов в коллективной и индивидуальной памяти жителей края. Теперь востребованной становилась память о причастности рассказывающего

к протестным действиям против старого мира и исторических личностей, его олицетворявших.

Актуализировалось и желание самому остаться в памяти соратников, хотя бы даже ценой мученической гибели, сблизившей предвидение человеком собственной судьбы с традиционными представлениями о «святых» и «страстотерпцах». Судьба «маленького человека» возвышалась, таким образом, до аналогий с главными святынями христианства, хотя декларируемый отказ от христианских ценностей вел к демонстрации «вседозволенности». Олончанин Петров семилетним мальчиком оказался свидетелем того, как в канун праздника Пасхи 1919 г., за день до вторжения финнов в южную Карелию, в одной из деревень красноармейцы-пограничники шумно веселились, составив оркестр из всего, что попало под руку: гармошки, гитары, балалайки, «даже от печки взяли заслонку и начали играть, и такую шумную затеяли игру, что наш деревянный домик ходуном заходил, а я от радости кружился по полу как волчок».

В ответ на увещания бабушки, которая попыталась прекратить эту потеху, затеянную в Страстную субботу, приятель автора воспоминаний — «дядя Петя» — парировал следующими словами: «Знаете что, старуха, у вас завтра Пасха, Иисус Христос воскреснется, а нас наоборот, если что, мы никогда не воскреснемся, а люди, вот как твой внук, будут вспоминать, какие мы Иисусы Христы»²⁰.

Не удивительно, что нарочитая демонстрация безразличия к отвергаемым духовным ценностям и неуважения к религиозным чувствам населения не добавляли авторитета сторонникам переустройства деревенской жизни в глазах взрослых. Как пишет Петров, «тут бабушка рассердилась, хватить меня за ухо», потащила «на второй этаж и бурчит: ты тоже хочешь быть такими антихристами, как эти?»²¹

Разделение земляков на «нас» и «этих», «своих» и «чужих» в условиях острейшего общественного противостояния было типично для обеих сторон. В воспоминаниях А. П. Поповой, матери расстрелянного в деревне Нюхча председателя местного сельсовета Ивана Васильевича Попова, обращает на себя внимание рассказ о том, как она предостерегала сына от недовольства зажиточных односельчан его деятельностью:

«Вот и дает мужицку записку, што пойдешь к богатому мужику, он даст жито тебе поле засеять, а я рассчитаюсь ему пшонкой. А им казалось мало пуд на пуд, дешево. Вот на него бранились и ворчали. Я ему и говорю: “Вот, Ваня, ты с бедным связался, а тебя богатые расстреляют”. А он: “Э, мама! Ты не дело говоришь. Полдела — кабы за бедных расстреляли, только бы не за богатых. Тогда бы был я памятником”. А я не спросила: “Ваня, каким бы ты был памятником?” Вот теперь памятником и стал. Товарищи три раза в год ходят и поминают»²².

Семидесятилетний отец погибшего В. П. Попов пояснил А. М. Астаховой, что «в сельском амбаре было несколько ячменя и муки», которые сын распределял, «а когда не стало, ездил на Молчанов остров, где были запасы, ездил покупщиком и просителем туда, где взять можно было». Примечательно и его воспоминание о том, что в 1918 г., вернувшись в деревню после демобилизации из старой армии, «Иван принес все ленинские книжки, документы. Он пришел 2 февраля со службой, а 21 апреля поставили его председателем»²³.

Более эмоциональные женские воспоминания, записанные со слов матери, наделяют героя семейной легенды особо значимыми сакральными атрибутами: «А я испугалась, што книги у него есть, на хлеву. Он говорил, што книги такие, что за каждый листок расстреляют»²⁴.

Запись А. М. Астаховой сохранила воспоминание заонежанина А. П. Вавилина о трех красногвардейцах, посаженных белыми в карцер «за святотатство». «Когда они находились в поповском доме, из ряс нашили себе кисетов, один пояс сделал. А другой — курева не было — так Евангелю на бумагу для курева разорвал. Так вот их и привлекли»²⁵. Новые «образы» мучеников занимали в представлениях жителей Карелии место привычных намоленных образов.

По воспоминаниям жителей Заонежья, записанным В. Шавельским в 1930-е гг., «белое войско, как один, имело английское обмундирование защитного цвета, с погонами на плечах, в кожаных ботинках с шерстяными обмотками, с одинаковыми военными ягдташами через плечо, командиры в офицерской форме с позолоченными погонами». В их описании обмундирования красноармейцев слышится искреннее сочувствие: «...а

наша Красная Армия была одета, кто в чем вышел из дома, кто в сапогах, кто в ботинках, а кто и в лаптях, ягдташами большей частью служили простые холщовые мешки, запасы продовольствия их были: хлеб и сушеная вобла, часть которых они разбросали по деревне, чтобы показать, чем они питаются»²⁶.

Взаимная демонстрация противоборствующими сторонами друг другу и населению своих обнадеживающих (или, наоборот, скудных, а значит, свидетельствующих о безоглядной решимости сражаться) продовольственных возможностей становится устойчивым фольклорным мотивом в рассказах о Гражданской войне. Сохранились свидетельства семейных мемуаров о том, как «англичане», т. е. мобилизованные в войска союзников жители Обонежья, запомнились населению Водлозерья. На жителей деревни Канзанаволок (Водлозерская вол. Пудожского уезда) вторгшиеся отряды произвели впечатление тем, что у них «чулки до колен и галеты на штыках»²⁷. Насаженные на штыки галеты, хранение которых таким образом вряд ли было вызвано практической необходимостью, по всей видимости, должны были красноречиво свидетельствовать о хорошем продовольственном снабжении «англичан» и служить средством агитации в их пользу.

Для той же цели использовались и демонстрации суррогатного хлеба бойцам «Карельского полка» («Карельского легиона») их английскими военачальниками. «Карельский полк», ставивший целью изгнание «белых финнов» из Карелии и первоначально насчитывавший не более нескольких сотен бойцов, был сформирован в июле 1918 г. карельскими добровольцами и командованием английских интервенционистских войск²⁸.

Из деревень Беломорской Карелии, занятых финскими экспедиционными отрядами, к командирам английских частей приходили бежавшие добровольцы-карелы и обращались с просьбой дать им оружие, чтобы они могли выступить против финнов. К июлю число бойцов отряда достигло 300 чел.²⁹ Он был создан благодаря сотрудничеству местных жителей и англичан, движимых одной целью — изгнать финнов из Карелии. Из карелов были назначены и офицеры, хотя они командовали лишь формально, фактическое командование осуществлялось англичанами³⁰. Отряд был сформирован под лозунгом «Прочь финны из Карелии», «Карелия для карел»³¹.

Обращают на себя внимание воспоминания Ф. А. Лесонена о том, что командиры полка, узнав о намерении бойцов установить контакт с действовавшим на Мурмане «Финским легионом», отказывавшимся идти на фронт против Красной Армии, а тем более о попытке связаться с одной из красноармейских частей, собрали батальон на станции Кемь и окружили его вооруженными сербами и англичанами. «Командиры их выступали с речами и требовали, чтобы мы выехали на фронт», а один из них «показал нам кусок черного хлеба, испеченный для животных, и кричал, что «вот такой хлеб едят красноармейцы, конец которых уже близок». Примечательна ремарка автора воспоминаний, характеризующая недовольство, а вместе с тем подавленность и запуганное состояние бойцов батальона: «Мы все молчали и возмущались... Большинство молчало и думало о возвращении домой, к семьям»³².

Когда батальон все же отказался выехать на фронт, англичане сменили политику «кнута» на политику «пряника». Они открыли склады обмундирования и продовольствия, которые карелы прозвали «складами-приманками» Оттуда «любой из нас мог “свободно” получить все, что требуется для солдата, — пишет Ф. А. Лесонен, — две пары белья, обувь и верхнюю одежду, но требовали при получении показать свой номер, которым наградили нас, присвоив его как своим подчиненным, солдатам-слугам». Кроме того, «каждый должен был оставить в их бумагах отпечаток своего указательного пальца»³³.

«Даже пайки продовольствия давались нашим семьям, — продолжает автор воспоминаний, — <однако> когда кое-кто воспользовался этой “добротой” интервентов и скрылся с оружием, то “склады-приманки” были ими сожжены», англичане «усилили охрану дорог и отобрали оружие у всех нас»³⁴. Связи с «Финским легионом» установить не удалось, началось дезертирство. «В числе первых бежал Г. И. Лежоев с группой солдат», но бежать удалось не всем. Многих из оставшихся «посадили в тюрьму или посадили в лагеря, находившиеся на Попов острове. Часть отряда насильно и обманом посадили в теплушки и вместе с сербами отправили на фронт»³⁵.

По сравнению с частями Красной Армии белые войска, и в их числе «Карельский полк», снабжавшиеся продовольствием из стран Антанты, находились в более выгодном поло-

жении и могли избежать массовых реквизиций у населения. Однако, вспоминая о службе в полку, Ф. И. Лесонен неожиданно сообщает следующее. Находясь на охране границы, его отряд получал английский паек, который в воспоминаниях 1930-х гг. автор называет «скудным», между тем «семьи многих голодали». «Неурожаем и недостаток продовольствия вынудили нас создать комбеды в ряде деревень. Через них мы конфисковали излишки хлеба у местных кулаков. Хлеб был роздан для нужд отряда и беднейшего крестьянства»³⁶.

В этом отрывке, вероятно, нашло отражение не только желание автора воспоминаний максимально «приблизить» боевой путь «Карельского полка» с его «сомнительным» с точки зрения общества победителей прошлым, к реалиям жизни частей Красной Армии. Непредставимые в Беломорской Карелии «комбеды» из рассказа Ф. И. Лесонена все же наводят на мысль, что отношения бойцов «Карельского полка» с населением родных деревень не были такими уж безоблачными и что перед необходимостью заниматься самоснабжением в годы Гражданской войны оказывались не только красноармейские части. Хотя, конечно, в северо-карельском приграничье не было массовых насильственных реквизиций, подобных тем, которые становились чуть ли не повседневностью в населенных пунктах южной Карелии и которые приводили многих ее жителей в стан противников советской власти.

Воспоминания об инициативе англичан, оказавшихся организаторами защиты Беломорской Карелии от вторжения финнов, долгие годы не вводились в научный оборот. Они мало соотносились с базовым мифом о Гражданской войне, который ко времени создания СССР уже принадлежал к основным мифам возникшего многонационального советского государства³⁷. Такими же «неудобными» оказывались подробности, связанные с историей «Карельского легиона», действовавшего под британским командованием.

Видимо, поэтому во многих воспоминаниях бывших бойцов «Карельского полка» обнаруживаем попытку вывести историю этого вооруженного формирования из первых обращений недавних фронтовиков-карелов в Кемский уездный совет еще весной 1918 г. с просьбой оказать помощь бойцами, продовольствием и оружием для освобождения родных деревень

от финских интервентов. «Культ героев» Гражданской войны связан с именами лишь тех, кто в конце концов перешел на сторону советской власти и был готов с ней сотрудничать.

Множество уникальных свидетельств «о времени и о себе», сохранившихся в «Рассказах о Гражданской войне», не вписываются в установившуюся в 1930-е гг. схему того, что и как следовало вспоминать об этом периоде. Сохранение памяти о событиях, безусловно, значимых для конкретного человека, вместе с тем делает воспоминания о Гражданской войне и иностранной интервенции не только важным источником по истории Гражданской войны на Севере России, но и своего рода «человеческим документом».

¹ *Голдин В. И.* Россия в Гражданской войне. Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х — 90-е годы). Архангельск, 2000; *Гусев К. В.* К истории Карельского мятежа (По материалам Комиссии по реабилитации при президенте РФ) // Отечественная история. 1996. № 6. С. 71—84; История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 343—440; *Мусаев В. И.* 1) Весенне-летняя кампания 1919 г. на Северо-Западе // Интервенция на Северо-Западе России: 1917—1920 гг. СПб., 1995. С. 236—254; 2) Олонекская экспедиция и позиция западных держав // Там же. С. 230—235; Петрозаводск: Хроника трех столетий. Петрозаводск, 2002; *Шумилов М. И.* Октябрь, интервенция и гражданская война на Европейском севере России (Историографический очерк). Петрозаводск, 1992.

² Основанная на вероисповедании национальная статистика автономного в составе Российской империи Великого княжества Финляндского считала карелами лишь православных, живших в уездах финляндского приграничья. На рубеже XIX—XX вв. их насчитывалось 36 697 чел (*Киркинен Х., Невалайнен П., Сихво Х.* История карельского народа. Петрозаводск, 1996. С. 197).

³ Памятная книжка Архангельской губернии на 1915 г. Архангельск, 1915. С. 52—53.

⁴ *Иванова Т. Г.* Фольклористы Пушкинского Дома в годы Великой Отечественной войны // Традиционная культура. 2005. № 2. С. 15—24.

⁵ Архив Карельского Научного Центра РАН (Архив КарНЦ РАН). Ф. 1. Оп. 1. Кол. 26. Д. 86—118. Л. 227—347.

⁶ Подробнее см.: *Дубровская Е. Ю.* Судьбы приграничья в «Рассказах о Гражданской войне в Карелии» (по материалам Архива КарНЦ РАН) // Межкультурные взаимодействия в полиэтничном пространстве пограничного региона. Петрозаводск, 2005. С. 102—106.

⁷ Архив КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 26. Д. 86—118. Л. 229.

⁸ Там же. Л. 332, 333.

⁹ Там же. Л. 304.

- ¹⁰ Там же. Л. 301–302.
- ¹¹ *Разумова И. А.* Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История. М., 2001. С. 320–324.
- ¹² История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 389.
- ¹³ *Голдин В. И.* Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере. 1918–1920. М., 1993. С. 99.
- ¹⁴ Архив КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 31. Д. 127. Л. 1: *Богданов Н.* О встрече с генералом Миллером в годы Первой мировой войны.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ *Колоницкий Б. И.* Символы власти и борьба за власть. К изучению политической культуры российской революции 1917 г. СПб., 2001. С. 250–335.
- ¹⁷ О жертвах среди офицеров Балтийского флота см., напр.: *Тимирев С. Н.* Воспоминания морского офицера. СПб., 1998. С. 69–76.
- ¹⁸ Архив КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 31. Д. 127. Л. 2.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Архив КарНЦ РАН. Фольклорная коллекция. Воспоминания о Гражданской войне 1918–1919 гг., записанные олончанином Петровым в 1960-х гг. «О двух дядях Петях».
- ²¹ Там же.
- ²² Архив КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 26. Д. 86. Л. 232.
- ²³ Там же. Л. 234.
- ²⁴ Там же. Л. 229.
- ²⁵ Там же. Л. 300.
- ²⁶ Архив КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 31. Д. 207. Л. 7: *Шавельский В.* Об оккупационном режиме белых в Кяппесельге, Унице (1919 г). Запись от местных жителей.
- ²⁷ Из архива автора.
- ²⁸ *Nevakivi J.* Murmannin legioona. Suomalaiset ja liittoutuneitten interventio Pohjois-Venäjällä 1918–1919. Helsinki, 1970.
- ²⁹ Архив КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 20. Д. 139. Л. 98: Воспоминания И. Ф. Лезюева.
- ³⁰ *Степанов О.* Прошлое и настоящее Беломорской Карелии // Прибалтийско-финские народы. История и судьбы родственных народов. Ювяскюля, 1995. С. 292–293; *Vahtola J.* «Suomi Suureksi – Viena Vapaaksi». Valkoisten Suomen ryrkimykset Itä-Karjalan valtaamiseksi vuonna 1918. Rovaniemi, 1988. S. 365, 453.
- ³¹ Архив КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 20. Д. 140. Л. 56: *Лесонен Ф. А.* Борьба с белофиннами в Калевальском районе в 1918–1920 гг. «Карельский добровольческий отряд».
- ³² Там же. Л. 59.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Там же. Л. 24.
- ³⁶ Там же. Л. 22, 58.
- ³⁷ *Нарский И.* Конструирование мифа о Гражданской войне и особенности коллективного забывания на Урале в 1917–1922 гг. // *Ab Imperio.* 2004. № 2. С. 222–223.

В. Н. Барышников

**СЕКРЕТНАЯ ПЕРЕПИСКА МИНИСТЕРСТВА
ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ФИНЛЯНДИИ
С ДИПЛОМАТИЧЕСКИМ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВОМ
В МОСКВЕ (ОКТАБРЬ—НОЯБРЬ 1939 г.)
КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ КАНУНА
«ЗИМНЕЙ ВОЙНЫ» ***

Временной отрезок с октября по ноябрь 1939 г. стал наиболее драматическим периодом в развитии советско-финляндских отношений кануна так называемой «зимней войны». Именно в это время в Москве шли изнурительные советско-финляндские переговоры, от результата которых зависели дальнейшие действия. При этом интересно выяснить, какие оперативные установки давало финское руководство своим дипломатам и как вообще оценивалась складывающаяся ситуация в дипломатических кругах Финляндии.

В данном отношении весьма важным источником является переписка и записи телефонных переговоров между финским представительством в Москве, а также распоряжения, которые принимались в качестве директивных указаний для фин-

* Работа выполнена при поддержке Федерального агентства по образованию, Мероприятие № 1 аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2006—2008 годы)», тематический план НИР СПбГУ, тема № 7.1.08 «Исследование закономерностей генезиса, эволюции, дискурсивных и политических практик в полинациональных общностях».

ской делегации в октябре—ноябре 1939 г. Значительная часть этих документов имела строго секретный характер. Более того, в момент начала переговоров в финском представительстве в Москве даже сменили шифр, которым кодировались документы, связанные с их перепиской с МИДом¹. Однако указанные документы, хранящиеся в Архиве Министерства иностранных дел Финляндии, до сих пор должным образом не введены в научный оборот, тогда как они представляют несомненный интерес и многое могут раскрыть в политике Финляндии.

5 октября 1939 г. нарком иностранных дел В. М. Молотов пригласил к себе финляндского посланника в Москве А. Ирье-Коскинена и предложил финскому руководству «обменяться мнениями... по текущим вопросам советско-финляндских отношений»². Финский дипломат, естественно, незамедлительно доложил об этом в Хельсинки. Несколько позже Ирье-Коскинен сообщил по телефону в МИД Финляндии о своем отношении к этому заявлению: «Мое мнение: предложение советского правительства — блеф»³. Таким образом, от посланника последовало достаточно успокоительное заверение по поводу предстоящих переговоров.

Но подобная точка зрения начала меняться вследствие того, что позиция Москвы стремительно ужесточалась. 7 октября Молотов вновь встретился с Ирье-Коскиненом и говорил уже «в угрожающем тоне»⁴. В Хельсинки действительно решили не придавать этим переговорам серьезного значения и таким образом снизить их значимость. С этой целью стали затягивать начало переговоров и одновременно, несмотря на то что Молотов желал видеть со стороны Финляндии чиновника не ниже министра иностранных дел⁵, было решено направить в Москву лишь посланника Финляндии в Швеции Ю. К. Паасикиви, которого срочно вызвали из Стокгольма в Хельсинки уже 5 октября⁶.

Переговоры, начавшиеся 12 октября, сразу же приобрели весьма серьезный оборот, поскольку советскую делегацию возглавили И. В. Сталин и В. М. Молотов. В Финляндию оперативно ушла тревожная телефонограмма: «Встреча произошла в Кремле. Участники: Сталин, Молотов, Потемкин, Дервянский»⁷. Таким образом, стало очевидным, что в Москве

готовы были оперативно решать поставленные на переговорах вопросы⁸ и многое теперь зависело от отношения к предложениям Москвы в Хельсинки.

Но в Финляндии не торопились с подготовкой указаний для своей делегации в Москве. Прежде всего в финляндское представительство ушло распоряжение не сообщать «о предложениях русских никаким представителям других стран, в том числе и шведам»⁹, что явно свидетельствовало о том, что в Хельсинки еще не выработали четкой линии по дальнейшему ведению переговоров. Сам же ответ, касающийся инструкции для делегации по поводу советских предложений, пришел лишь вечером следующего дня. Министр иностранных дел Финляндии Э. Эркко давал следующую установку: «Для Паасикиви. Ленинградская оборонительная линия: Куолемярви¹⁰ и т. д. невозможна, поскольку не обеспечивает безопасность положения Финляндии¹¹. При переговорах о компенсациях следует прежде всего исходить из предпочтения полуострова Рыбачий другим местам, а район Тулемярви — лучше чем Ребола». Закончил Эркко свое послание весьма выразительной фразой: «Важно не доводить переговоры до разрыва»¹². Таким образом, очевидно, что финская сторона была готова продолжить переговоры, которые могли привести к тому или иному соглашению с СССР. Об этом свидетельствует и последовавшая 14 октября телефонограмма, в которой рекомендовалось не затрагивать «щекотливых вопросов» и «особенно избегать территориальных претензий»¹³. Финская делегация действительно показывала свою готовность к продолжению переговоров, но всячески уходила от конкретных обсуждений. Глава делегации сообщил, что ему «необходимо выехать в Хельсинки для консультации с правительством»¹⁴. По всей видимости, для Сталина это было достаточно неожиданным заявлением, и советское руководство решило в этот же день письменно изложить свои предложения, а новый раунд переговоров провести уже 20 или 21 октября. Когда в Кремле составляли меморандум для финского руководства, Паасикиви успел направить в Хельсинки две телефонограммы, в которых информировал, что делегация отправится обратно в Финляндию 14 октября, но «положение вовсе не угрожающее»¹⁵.

Таим образом, финская делегация взяла тайм-аут, очевидно, для того, чтобы наиболее четко определить дальнейшую тактику ведения переговоров. При этом в ходе начавшегося с 16 октября в руководстве страны обсуждения дальнейшей линии переговоров в Москве министр иностранных дел Э. Эркко был «против дальнейших уступок» и, более того, считал, что советские лидеры еще, «очевидно, уменьшат свои требования»¹⁶. В целом в руководстве Финляндии явно преобладала точка зрения, что «время работает на нас» (финскую сторону) и, более того, что даже «положение для нас оздоровилось» и переговоры будут проходить с советской стороны не в форме «ультиматумов, а в виде обмена мнениями»¹⁷. О сути советских предложений уже начали информировать иностранные государства, что в свою очередь указывало на то, что расчет в Хельсинки был сделан на международную поддержку проводившейся Финляндией политической линии.

В результате по всем советским предложениям с финской стороны были выдвинуты альтернативные предложения с весьма незначительными уступками СССР. Эркко подчеркивал, что «Советский Союз может отступить... если мы проявим настойчивость», считая при этом «угрозу русских — "блефом"». По его мнению, «право на нашей стороне» и «забудьте, что Россия великая держава»¹⁸. Таков был последний совет, который он давал уезжающей 21 октября в Москву финской делегации.

Существенную роль в ходе переговоров сыграл В. Таннер. Включить Таннера в состав делегации предложил Ю. К. Паасикиви, не уверенный, что способен самостоятельно противостоять «советскому нажиму», поэтому, как он подчеркивал, «важно было, чтобы со мной вместе был еще волевой человек»¹⁹.

В целом, как считали иностранные наблюдатели, благодаря стараниям финляндского руководства в стране стал проявляться «осторожный оптимизм»²⁰. Само же возобновление переговоров 23 октября не сулило большого прогресса в переговорном процессе. Перед самым его началом Эркко решил еще больше ужесточить позицию финской делегации и срочно направил Паасикиви и Таннеру новое указание: «Относительно Перешейка избегайте обсуждения пунктов "b" и "c"»²¹. Это

распоряжение означало отказ министра иностранных дел от ранее составленных более компромиссных для СССР предложений относительно переноса границы на Карельском перешейке далее от Ленинграда. Таким образом, полномочия финской делегации стали еще больше ограничены.

По указанию финского правительства новый раунд переговоров начался с протеста, который сделала финская делегация по поводу нарушений советской авиацией воздушного пространства Финляндии. В нем говорилось, что продолжение подобного рода нарушений государственной границы может «вредно влиять на ход переговоров»²². Это свидетельствовало о стремлении финской делегации проводить весьма твердую линию.

Действительно, ни по одному из пунктов советских предложений Финляндия не дала положительного ответа. В итоге, поскольку «новых взглядов не выявилось», а руководство СССР больше не меняло своей позиции, было решено завершить встречу. Тем самым политика жесткого неприятия советских предложений, проводившаяся по указанию Э. Эркко, не возымела должного эффекта. Естественно, в этой ситуации финская делегация, не имевшая широких полномочий вести диалог с Москвой, не могла продолжать переговоры и вынуждена была заявить, что возвращается в Хельсинки.

Тем не менее, по ее возвращению, первый секретарь полпредства в Финляндии М. Г. Юданов сообщал в Москву, что финляндское правительство «распустило слухи о том, что делегация больше не поедет в Москву и переговоры будут вестись дипломатическим путем»²³. Слухи имели почву, поскольку Э. Эркко в интервью журналистам северных стран сказал, что правительство уже рассматривает вопрос о форме дальнейшего проведения переговоров. Это была демонстрация «твердости» занимаемой финским руководством позиции. Эркко считал, что «Советский Союз и дальше будет готов торговаться». Министр давал понять, что если проводимая им линия не получит поддержки, то он уйдет в отставку²⁴. Более того, поздно вечером 27 октября из МИДа в финское представительство в Москве ушло срочное сообщение: «Отправьте решение переговоров в долгий ящик...»²⁵

Естественно, тактика финляндского руководства осознавалась в Советском Союзе, и в результате дальнейший ход событий все более усложнял советско-финляндские отношения. Это особенно ясно можно было почувствовать после того, как 31 октября Молотов на сессии Верховного Совета СССР подробно сообщил о происходивших переговорах. Из Москвы в Хельсинки срочно ушла телеграмма: «На слух исключительно плохо. Текст завтра»²⁶. Но Э. Эркко сам решил перейти в наступление.

В тот же день, 31 октября, ночью он предпринял попытку приостановить переговоры и вернуть финляндскую делегацию, уже выехавшую из Хельсинки. В Выборг, куда должна была прибыть делегация для отправки поездом в Москву, в два часа ночи 1 ноября была отправлена телеграмма: «Прервите поездку. Возвращайтесь первым поездом в Хельсинки. Молотов выступил с речью, представив все предложения России в новом свете. Необходимо все обсудить вновь»²⁷. Вслед за отправленной телеграммой в Выборг ушло еще одно сообщение: «Телеграмма отменена и даны новые указания»²⁸. Данные распоряжения свидетельствуют о том, насколько нервная атмосфера царила в финском руководстве.

Что же касается уточнений, после выступления Молотова, тактики ведения Финляндией переговоров, то их фактически не было. Вечером 1 ноября в Москву в представительство ушла очередная телеграмма: «Речь Молотова оценивают здесь как тактический маневр с целью запугивания... Мы будем спокойно, твердо вести себя»²⁹. Таким образом, в Хельсинки ничего не стали менять. Эта линия получила подтверждение и в соответствующем публичном выступлении Эркко в тот же день в Шведском театре финской столицы.

Однако в Москве ситуация требовала от финляндского руководства корректировки своих действий³⁰. Это не могла не почувствовать финская делегация, поскольку ей явно демонстрировали изменяющееся со стороны СССР отношение к переговорам. Финны ожидали в Москве возобновления переговоров в течение полутора суток (они прибыли в столицу СССР 2 ноября в 10 часов утра, а переговоры начались лишь в 6 часов вечера следующего дня).

За это время делегацию пригласили только на очередное заседание Верховного Совета СССР, а утром 3 ноября в передовой статье газеты «Правда» подчеркивалось, что «Финляндия угрожает Советскому Союзу войной»³¹.

Подобные сведения не могли не насторожить финляндское руководство, проявлявшее невиданную выдержку. Финским дипломатам в Москве разъяснили причину возникшего обострения в советско-финляндских отношениях, выразившегося в «наступлении русской печати». В Хельсинки считали, что оно вызвано открытым выступлением Э. Эркко, но в телеграмме, отправленной 3 марта в столицу СССР, подчеркивалось: «Мирная, согласительная, не воинственная речь Эркко, выражавшая признание легитимным требования России... отстаивала безопасность и независимость Финляндии...»³². Очевидно, что финское руководство просто не хотело замечать резкого ухудшения отношений с СССР.

В такой обстановке вечером 3 ноября начался третий, заключительный этап московских переговоров.

Первое заседание длилось недолго — всего один час; на нем впервые отсутствовал И. В. Сталин. Было заслушано лишь сообщение Паасикиви, который информировал, что правительство Финляндии может согласиться только с небольшим уточнением границы на Карельском перешейке. По другим вопросам существовавшая ранее позиция финляндского правительства не менялась. С советской же стороны никаких особых комментариев не делалось.

Все это не могло не озадачить финских участников переговоров. Не успело закончиться заседание, как в Хельсинки срочно ушла телефонограмма, где лишь сообщалось, что «о трудностях сегодняшнего дня примите информацию по телефону»³³. Позже по телефону было передано, возможно, наиболее важное, как казалось для участников переговоров, — это отсутствие Сталина на этой встрече и то, что переговоры продолжались всего один час³⁴.

На следующий же день из Хельсинки пришел ответ, в котором запрашивалось, сделала ли советская сторона соответствующие поправки в финский вариант предложений, а также содержалось весьма категорическое заявление: «Если нет све-

дений о продолжении переговоров, надо выяснить, нужно ли вообще дальше их вести»³⁵.

Действительно, положение финской делегации в Москве становилось достаточно странным, поскольку на очередное заседание делегация не была приглашена, и финнам приходилось лишь слать телефонограммы в Финляндию, информируя о посещении Третьяковской галереи, о визитах в посольства скандинавских стран и т. д.³⁶ Поэтому, когда делегацию пригласили в 5 ч вечера для переговоров в Кремль, она даже не успела вовремя об этом известить свое руководство³⁷. В Хельсинки из Москвы по телефону сообщили о прошедших в Кремле переговорах, особо подчеркнув, что они длились не долго — один час, но на них присутствовали Сталин и Молотов, которые лишь «рассмотрели отставленные прежде финские предложения и решили к ним вернуться вновь». Поэтому пришлось опять запрашивать руководство Финляндии о получении соответствующих инструкций³⁸.

Однако инструкции финской делегации в Москву передавать не спешили, тогда как и сами переговоры не возобновлялись. Наступил перерыв, который продолжался четыре дня. Он был связан с проведением в СССР мероприятий, связанных с празднованием очередной годовщины Октябрьской революции. Очевидно, Москва явно давала финляндскому руководству время, чтобы обдумать сложившуюся ситуацию и дать ответ, соответствующий реальной обстановке. Об этом свидетельствует сам факт начавшихся актов общественного осуждения в СССР позиции Финляндии в ходе продолжающихся переговоров. 5 ноября финское представительство прямо информировало МИД: «Антифинляндская агитация началась на заводах. Вчера состоялись собрания на четырех московских заводах, где буквально обрушивались на Финляндию, осуждая ее подготовку к войне»³⁹.

Однако в Хельсинки не собирались отступать. Финской делегации было дано задание начать «в своих интервью делать отдельные осторожные высказывания»⁴⁰, которые, очевидно, должны были быть направлены против принятия советских предложений. О том, что именно эта линия возобладавала в руководстве Финляндии, свидетельствует тот факт, что 7 ноября ушла очередная шифрограмма, которая определяла последую-

щее отношение к переговорам в Хельсинки. В этом документе содержались утверждения о невозможности принятия советских предложений по большинству предлагавшихся СССР позиций⁴¹.

Расшифровка этой установки, как свидетельствует в своих воспоминаниях В. Таннер, заняло в финском представительстве в Москве несколько часов. Лишь к 11 часам утра удалось разобрать содержание полученной директивы⁴², которое, очевидно, ввело в замешательство членов финляндской делегации. Срочно в Хельсинки был направлен соответствующий запрос. В нем говорилось: «Указания прибыли. Они не создают перспективу для возможности достижения соглашения, подводя, таким образом, к неизбежности того, чтобы прервать переговоры»⁴³.

Ответ был весьма оперативным. Его подписал сам министр иностранных дел, и в нем указывалось, что «если не удастся договориться на предлагаемой основе, переговоры прерывайте»⁴⁴. Именно эта установка стала определяющей для дальнейшего хода встреч финской делегации в Кремле с советским руководством.

В результате сторонам осталось провести лишь свое последнее заседание, которое состоялось вечером 9 ноября. Отказ финской делегации одобрить советские предложения привел к тому, что дальнейшее обсуждение конкретных вопросов потеряло всякий смысл, и переговоры закончились. Итоговым документом стала записка, переданная финляндской делегации в ночь на 10 ноября. В ней Молотов изложил позицию СССР по рассматривавшимся в ходе обсуждения вопросам и отношению к позиции финской стороны. В свою очередь, финская делегация ответила на это своей запиской, в которой была изложена позиция, подтверждающая невозможность принятия советских предложений⁴⁵.

Таким образом, переговоры зашли в тупик. 12 ноября на пресс-конференции в Хельсинки Эркко заявил, что финская делегация не получит дальнейших полномочий для продолжения переговоров и ее члены должны возвратиться в Финляндию, поскольку у них «есть другие важные дела»⁴⁶.

Покидая 13 ноября Москву, финляндская делегация, конечно, чувствовала неудовлетворенность с советской стороны

и хотела как-то сгладить тяжелый осадок у провожавших ее официальных лиц. Была выражена даже надежда, что в будущем переговоры могут привести «к удовлетворяющему обе стороны результату»⁴⁷. Но от провожавших не ускользнуло, что финские делегаты не были подавлены, но находились в весьма приподнятом настроении. Как сообщалось в одном из донесений сотрудников Наркомата иностранных дел, «отъезжающие чувствовали себя весело, вели оживленные и громкие разговоры и находились в стадии опьянения, заметного для других»⁴⁸. Более того, было очевидно, что в Хельсинки весьма оптимистично оценивали сложившуюся ситуацию и даже видели в ней определенный успех линии Эркко, «не дрогнувшего перед Москвой».

В целом, рассматривая секретную переписку финляндского представительства в СССР и Хельсинки, можно выделить два этапа, которые во многом определили ход переговоров в Москве. С 5 по 16 октября тактическая линия финляндского руководства выглядела как демонстрация желания придать этим переговорам серьезное значение. Переговоры квалифицировались лишь как продолжение диалога, начавшегося еще в 1937 г.⁴⁹ Их стремились затягивать, но не доводить дело до разрыва с СССР. Однако поскольку данная линия осенью 1939 г. имела явно бесперспективный характер, то начался второй этап переговоров, который продолжался до 13 ноября. Суть данного этапа выражалась в откровенной демонстрации озлобленности проходящими переговорами при явном нежелании уступить СССР, проявлении демонстративной твердости, уверенности, что «время все же работает на Финляндию». На данном этапе также можно выделить два периода: первый (16–30 октября), когда линия финляндского руководства проводилась в целом при лояльном отношении СССР и Москвы и стремлении найти компромиссное разрешение возникающих проблем. С 31 октября (второй этап), однако, советское руководство меняет тактику ведения переговоров, переходя к более жестким формам давления. Тем не менее Финляндия все же продолжает осуществлять прежнюю линию, что неминуемо приводит вначале к срыву переговоров (13 ноября), а затем и к началу войны (30 ноября).

¹ Ulkoasiainministeriön arkisto (далее: УМ). 109 А 2. Телефоннограмма из Москвы в МИД, 05.10.1939 (19⁰⁰).

² Архив внешней политики Российской Федерации (АВПРФ). Ф. 06. Оп. 1. Л. 1. Д. 3. Л. 89–90; Зимняя война (документы о советско-финляндских отношениях 1939–1940 годов) // Международная жизнь. 1989. № 8. С. 61–62.

³ УМ. 109 А 2. Телефоннограмма из Москвы в МИД, 06.10.1939 (23¹²).

⁴ Ibid. Телефоннограмма из Москвы в МИД, 07.10.1939 (21⁰⁶).

⁵ АВПРФ. Ф. 06. Оп. 1. Л. 1. Д. 3. Л. 89–90; Зимняя война (документы о советско-финляндских отношениях 1939–1940 годов) // Международная жизнь. 1989. № 8. С. 61–62.

⁶ Причину этого вызова дипломату тогда даже не объяснили. (См: УМ. 109 А 2. Телефоннограмма из МИДа в Стокгольм, 05.10.1939 (23²⁰); Paasikivi J. K. Toimintani Moskovassa ja Suomessa 1939–41. Osa I. Talvisota. Porvoo; Hels., 1958. S. 1.

⁷ УМ. 109 А 10а. Телефоннограмма из Москвы в МИД, 12.10.1939 (19⁰⁷).

⁸ См.: Барышников В. Н. От прохладного мира к зимней войне. Восточная политика Финляндии в 1930-е годы. СПб., 1997. С. 238–240.

⁹ УМ. 109 А 11. Телефоннограмма из МИДа в Москву, 13.10.1939 (14⁵⁰).

¹⁰ Район озера Куолемайрви (Пионерское) недалеко от города Койвисто (Приморск).

¹¹ В этих местах уже были созданы долговременные финские оборонительные укрепления так называемой «линии Маннергейма».

¹² Ibid. 109 А 2. Телефоннограмма из МИДа в Москву, 13.10.1939 (17⁵⁵).

¹³ Ibid. А 11. Телефоннограмма из МИДа в Москву, 14.10.1939 (15¹⁰).

¹⁴ Paasikivi J. K. Toimintani Moskovassa ja Suomessa 1939–41. S. 47.

¹⁵ УМ. 109 А 2. Телефоннограммы из Москвы в МИД, 14.10.1939 (20²⁵).

¹⁶ Tanner V. The Winter War. Stanford, 1957. P. 31.

¹⁷ Цит. по: Paasikivi J. K. Toimintani Moskovassa ja Suomessa 1939–41. S. 62.

¹⁸ Ibid. S. 58.

¹⁹ Ibid. S. 56.

²⁰ УМ. 5 С1. Рапорт представительства в Лондоне в МИД, 20.10.1939.

²¹ УМ. 109 А 3. Телефоннограмма из МИДа в Москву, 23.10.1939 (12¹⁶).

²² Ibid.; 109 А 8. Заявление финской делегации относительно нарушения границы, 23. 10.1939.

²³ Документы внешней политики. Т. XXII. Кн. 2. М., 1992. С. 283.

²⁴ Myllyniemi S. Suomi sodassa 1939–1945. Keuruu, 1982. S. 66.

²⁵ УМ. 109 А 11. Телефоннограмма из МИДа в Москву, 27.10.1939 (получена 28.10 в 01³⁰).

²⁶ Ibid. А 4. Телеграмма из Москвы, 01.11.1938.

²⁷ Ibid. Телеграмма из МИДа в Выборг Таннеру, 01.11.1939 (01³⁰).

²⁸ Ibidem.

²⁹ Ibid. А 11. Телеграмма из МИДа в Москву, 01.11.1939 (22¹⁵).

³⁰ См.: Барышников В. Н. От прохладного мира к зимней войне. С. 253–254.

³¹ УМ. 109 А 4. Телеграмма из Москвы в МИД, 02.11.1939 (17¹⁵); Телеграмма из Москвы в МИД, 03.11.1939 (12⁴⁵).

- ³² Ibid. А 11. Телеграмма из МИДа в Москву, 03.11.1939 (15⁰⁰).
- ³³ Ibid. А 4. Телефонграмма из Москвы в МИД, 03.11.1939 (18³⁹).
- ³⁴ Ibid. 03.11.1939 (22⁴⁰).
- ³⁵ Ibid. А 4. Телеграмма из МИДа в Москву, 04.11.1939 (13⁴⁵).
- ³⁶ Ibid. Телефонграмма из Москвы в МИД, 04.11.1939 (14⁰⁰).
- ³⁷ Ibid., 04.11.1939 (18⁰⁰).
- ³⁸ Ibid., 04.11.1939 (19²⁵).
- ³⁹ Ibid., 05.11.1939 (14⁴⁵).
- ⁴⁰ Ibid. Телефонграмма из МИДа в Москву, 07.11.1939 (19⁴⁰).
- ⁴¹ Ibid. Шифрограмма из МИДа в Москву, 07.11.1939 (19³⁰).
- ⁴² *Tanner V. The Winter War*. P. 73.
- ⁴³ УМ. 109 А 4. Телефонграмма из Москвы в МИД, 08.11.1939 (13²³).
- ⁴⁴ Ibid. Телефонграмма из МИДа в Москву, 08.11.1939 (20⁴⁷).
- ⁴⁵ Документы внешней политики. Т. XXII. Кн. 2. С. 629.
- ⁴⁶ Helsingin Sanomat. 1939.13.11.
- ⁴⁷ Там же. С.630.
- ⁴⁸ АВПРФ. Ф. 06. Оп. 1. П.1. Д. 7. Л. 64. Дневник заместителя заведующего протокольным отделом НКВД Б. Понтикова.
- ⁴⁹ См.: *Барышников В. Н.* «Кратковременная оттепель» или перспективная программа сотрудничества? (к итогам визита министра иностранных дел Финляндии в СССР в 1937 г.) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы восьмой международной научной конференции. СПб., 2007. С. 183–206.

НАУКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

В. Г. Бурков

К ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СИМВОЛОВ ШВЕЦИИ

Первые государственные символы Швеции появились в XIII в. Это были герб короля Эрика Кнутсона (1208–1216): два повернутых друг к другу золотых позолоченных льва на синем щите, далее заимствованный у датчан, и герб шведского короля Эрика Эриксона (1222–1229, 1234–1250): на золотом поле три коронованных синих леопардовых льва один под другим, а также шведский аналог норвежского символа св. Олафа – синий щит правителя Биргера Ярла (1250–1266) с изображением золотого льва, держащего в передних лапах меч¹. В период правления представителя династии Фолькунгов короля Магнуса Биргерсона (Ладулоса) (1275–1290) большое распространение получил его родовой герб в виде голубого щита с тремя серебряными полосами (потоками) с изображением коронованного золотого льва. (Принято считать, что этот герб является древним гербом исторической области Швеции – Гёталанда².) После 1319 г., когда была заключена личная уния между Швецией и Норвегией, существуют объединенные государственные символы двух стран: флаг и герб с изображением родового герба Фолькунгов и норвежского золотого коронованного льва св. Олафа, держащего передними лапами серебряный боевой топор (секиру) с золотой рукоятью на красном поле³. При короле Альбрехте Мекленбургском (1363–1289) впервые в качестве государственного герба появляется геральдический синий щит с изображением трех золотых корон. Именно тогда синий цвет был официаль-

но признан государственным (королевским) цветом Швеции⁴. Существует несколько интерпретаций самого известного государственного символа Швеции – трех золотых корон на синем поле. Первая: три короны являются древним гербом исторической области свинов – Свеаланда. Согласно второй версии, три короны олицетворяют трех божеств из главного языческого храма города Упсала – религиозного и политического центра древней Швеции, резиденции шведских конунгов. Третья интерпретация (наиболее популярная): три шведские короны означают три шведские территории, пользовавшиеся некогда исключительным правом избирать короля. Четвертая: три короны – символ объединения трех скандинавских королевств: Швеции, Норвегии и Дании.

В 1397 г. Кальмарская уния принесла объединение трех государств – Дании, Швеции и Норвегии. Флагом объединенного королевства стал флаг датского короля Эрика VII Померанского (1412–1439), на котором присутствовали элементы основных государственных символов всех трех стран, включая и шведские три золотые короны на синем поле (впоследствии они вошли в состав до сих пор существующего большого государственного (королевского) герба Дании)⁵.

В 1448 г. при шведском короле Карле Кнутсоне Бунде (1448–1457) были введены новые государственные герб и флаг. На геральдическом щите шведского герба, разделенного золотым крестом на четыре части, изображались: в первой и четвертой части на синем поле три золотые короны, а во второй и третьей – герб династии Фолькунгов. В центре был помещен щиток с родовым гербом Карла Кнутсона – золотая шляпка⁶. С этого времени стало традицией помещать родовой герб правящей династии на государственном гербе Швеции. Будучи не только королем Швеции, но и Норвегии, Карл Кнутсон утвердил и объединенный герб двух королевств, для чего на государственном шведском гербе во второй и третьей частях четырехчастного щита вместо герба Фолькунгов был помещен норвежский символ – золотой коронованный лев св. Олафа. Государственный флаг Швеции представлял собой синее прямоугольное полотнище с двумя косицами со смещенным к древку желтым (золотым) прямым крестом. Он повторял датский «Данеброг», но в другой цветовой гамме, взя-

той из государственного шведского герба (его главного элемента — три золотые короны на синем поле)⁷. При короле Стене Стуре Старшем (1471—1497) в центральном (родовом щитке с гербом правителя) появилось символическое изображение лилий.

Окончательное закрепление шведского герба и флага произошло после распада Кальмарской унии в 1523 г. Менялись в основном изображения на центральном (родовом) щитке. Так, с 1523 г., с начала правления Густава I, родоначальника королевской династии Ваза, и до 1654 г. в центре государственного герба на голубом поле с серебряной косой полосой размещалась золотая лилия. Затем, начиная с короля Карла X Густава (1654—1660) — щиток с гербом Пфальцской династии (до 1720 г.). Именно так выглядит государственный герб Швеции на ратификационной грамоте 1699 г. короля Карла XII⁸. При короле Фридрихе I (1720—1751) изображался Гессенский герб, начиная с короля Адольфа Фредрика (1751—1771) и до 1818 г. — герб Гольштейн-Готторпов.

При короле Густаве I Ваза (1523—1560) над основным четырехчастным геральдическим щитом появилась королевская корона, а при короле Юхане III — щитодержатели: два золотых льва. Со времени правления короля Густава II Адольфа (1611—1632) щитодержатели стали изображаться с раздвоенными хвостами. При короле Эрике XIV (1560—1568) действовал так называемый «высокомерный» герб. На четырехчастном щите во второй и третьей частях находились гербы Дании и Норвегии. В 1663 г. для отличия от датского «Данеброга» специальным королевским Указом Карла XI вводится треххвостый государственный (королевский) флаг⁹.

Новая страница в истории шведских государственных символов была открыта в XIX в. После недолгой шведско-норвежской войны 1814 г. Норвегия вынуждена была заключить унию со Швецией, и шведский король Карл XIII (1809—1818) становится и норвежским королем. 7 марта 1815 г. королевским Указом вводится новый государственный флаг объединенного королевства — шведский флаг (синее прямоугольное полотнище с тремя косицами и со смещенным к древку желтым прямым крестом) с изображением в крыже белого диагонального креста на красном поле (повернутый датский флаг

как напоминание о том, что с 1380 по 1814 г. Норвегия входила в состав Датского королевства на основе личной унии)¹⁰. Был изменен и шведский герб. Его геральдический щит был разделен по вертикали на две части. В правой части на синем поле располагались три шведские короны, а в левой, на красном поле, — изображение норвежского золотого коронованного льва св. Олафа. Щит украшала королевская корона, а в качестве щитодержателей выступали, как и раньше, золотые коронованные львы с красными языками. Обрамлением щита служила золотая цепь со знаком старейшего и главного ордена Швеции — ордена Серафимов, восходящего ко времени правления короля Магнуса Биргерсона (Ладулоса) и восстановленного в 1748 г. королем Фридрихом I¹¹. В центре орденского знака помещен синий круг с тремя белыми латинскими буквами J.H.S. (Jesus Hominum Salvator — Иисус спаситель людей) и белым прямым крестом. По сторонам креста и под буквами помещены три золотые короны. На углах четырехугольника расположены золотые патриаршие кресты, а между ними — золотые головки серафимов (ангелов высшего ранга, особо приближенных к престолу Бога и Его прославляющие). Белый орденский восьмиконечный крест в золотой оправе с золотыми шариками на концах венчает золотая королевская корона. Геральдический щит располагался на фоне пышной красной мантии под королевской короной с горностаевой подкладкой.

20 июля 1844 г. шведским королем Оскаром I были утверждены новые государственные символы объединенного королевства — государственный флаг и герб. Причем государственный флаг был двух видов. Один был основан на шведском сине-желтом полотнище, а другой — на норвежском красно-бело-синем полотнище. Оба имели три косицы и в крыже — шведско-норвежскую эмблему, составленную из цветов шведского и норвежского государственных флагов¹². Объединенный шведско-норвежский государственный герб представлял собой геральдический трехчастный щит на пышной красной мантии с королевской короной наверху и горностаевой подкладкой. В качестве щитодержателей выступали традиционные золотые коронованные львы с красными языками. В первой части, на синем поле, были даны шведские три золотые

короны; во второй — династический герб шведских королей Фолькунгов; в третьей части, на красном поле, — изображение норвежского золотого коронованного льва св. Олафа. В центре герба — рассеченный на две части овальный щиток с изображением герба шведских королей Бернадотов (золотой одноглавый орел с распростертыми крыльями и пучком молний в лапах на синем поле — эмблема маршалов наполеоновской Франции, а под ним мост с тремя сводами, переброшенный через поток, на мосту две башни) и условная эмблема в виде золотой вазы на фоне трех косых полос красного, белого и синего цветов, символизирующая правящую в Швеции с 1523 по 1654 г. королевскую династию Ваза. Символика герба Бернадотов не случайна. Родоначальником современной королевской династии был маршал Франции Жан Батист Жюль Бернадот, князь Понтекорво¹³. Он был избран в августе 1810 г. наследником шведского престола (кронпринцем) в связи с бездетностью шведского короля Карла XIII и правил страной с 1818 по 1844 г. под именем короля Карла XIV Юхона. Поэтому вполне объяснимы в гербе эмблема маршалов Франции (знак достоинства, соответствующий рангу принца) и мост с башнями, символизирующие права, дарованные на южноитальянские земли французским императором в 1806 г. маршалу Ж. Б. Бернадоту. По другой версии изображение моста с башнями связано с военной биографией маршала Ж. Б. Бернадота. Предводимые им войска особо отличились в бою против пруссаков именно у моста через реку Заале, около немецкого города Галле, в октябре 1806 г. Возвращаясь к шведско-норвежскому государственному гербу, утвержденному 20 июля 1844 г. сыном Ж. Б. Бернадота шведским королем Оскаром I, надо добавить, что геральдический щит был увенчан двумя королевскими коронами — шведской и норвежской. Несколько позднее при том же короле Оскаре I в герб Бернадотов над золотым одноглавым орлом были добавлены золотые звезды, означающие созвездие Большой Медведицы или «Карлавагнен», как называют свое любимое созвездие шведы.

После расторжения в 1905 г. унии между Швецией и Норвегией и провозглашения независимости Норвегии объединенные государственные символы 1844 г. были отменены.

22 июня 1906 г. был принят закон «О государственном флаге» Швеции. Согласно этому закону, государственный флаг Швеции представляет собой синее прямоугольное полотнище со смещенным к древку желтым прямым крестом. Кроме этого, существует и Королевский штандарт, повторяющий расцветку и рисунок государственного флага, но имеющий три косицы и изображение большого государственного (королевского) герба, помещенного внутри белого квадрата в центре желтого прямого креста. 15 мая 1908 г. официально были утверждены Большой и Малый государственные гербы Шведского королевства. Малый государственный герб состоит из синего щита, увенчанного королевской короной, с тремя золотыми коронами. Используется также в качестве Малого государственного герба синий щит круглой формы, увенчанный короной, с тремя золотыми коронами и окаймленный цепью со знаком ордена Серафимов. Большой государственный (королевский) герб Швеции представляет собой геральдический щит, в центре которого находится щиток с гербом правящей королевской династии Бернадотов и эмблемой королевской династии Ваза. Геральдический щит разделен золотым крестом на четыре части. В первой и четвертой части изображен старинный герб Швеции (три золотые короны на синем поле), во второй и третьей частях — родовой герб Фолькунгов. В качестве щитодержателей выступают два золотых коронованных льва с красными языками. Щит окаймлен цепью со знаком ордена Серафимов. Вся центральная часть Большого государственного герба находится на фоне красной мантии с горностаевой подкладкой, увенчанной королевской короной.

В определенном смысле к шведским символам можно отнести и флаг Аландских островов. Как известно, Аландские острова до 1809 г. входили в состав Швеции, а затем до 1917 г. являлись территорией Великого княжества Финляндского в составе Российской империи. После провозглашения независимости Финляндии в декабре 1917 г. Аландские острова стали предметом спора между Финляндией и Швецией и в 1920 г. получили особый политико-административный статус. В 1921 г. по решению Лиги Наций Аландские острова стали автономной шведскоговорящей провинцией Финляндской Республики. 7 апреля 1954 г. был утвержден особый флаг Аландов —

синее прямоугольное полотнище со смещенным к древку красным крестом, окантованным желтой каймой. Фактически, это повторение шведского государственного флага, но на желтый крест наложен крест красного цвета¹⁴. Этот прошведский символ Аландских островов был подтвержден новым законом о самоуправлении этой провинции Финляндии 1 января 1993 г.

¹ Подробнее см.: The Swedish flag and Sweden's national coat of arms. Stockholm, 1962.

² Сведения о гербах государственных и национальных цветах и кокардах в западноевропейских государствах. СПб., 1911. С. 7–13.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Мамаев К. К. Флаги рассказывают. Л., 1972. С. 38–39.

⁶ Сведения о гербах государственных и национальных цветах и кокардах в западноевропейских государствах. С. 11.

⁷ Знамиеровский А. Флаги мира. М., 2002. С. 11.

⁸ Орел и лев. Россия и Швеция в XVII веке. М., 2001. С. 144.

⁹ Знамиеровский А. Флаги мира. С. 11.

¹⁰ Басов А. Н. История военно-морских флагов. М.; СПб., 2004. С. 227.

¹¹ Подробнее см.: *Berghman A. Devises des Chevaliers de l'Ordre des Seraphims*. Malmo, 1940; *Henrivan den Akker. Sweden Statutes for the Royal Orders of the Seraphim and the Nothem Star*. Delft, 1978.

¹² Басов А. Н. История военно-морских флагов. С. 227.

¹³ Шиканов В. Н. Созвездие Наполеона. М., 1999. С. 158–160, 305–306.

¹⁴ Знамиеровский А. Флаги мира. С. 11.

С. Г. Халипов, В. В. Цоффка

О ГИДРОНИМАХ КОСТРОМСКОГО КРАЯ

Когда носитель финского языка смотрит на карту Костромской области, то видит, что почти все названия рек Костромского края финские. Ранее на этой территории обитала мерянская народность, язык которой является родственным финскому. Мерянские племена жили в регионе Волжско-Окского междуречья с середины I тысячелетия н. э. до конца XIII в. Территория, где проживала эта народность, вошла в состав русского государства, а народ ее влился в состав великорусской народности и растворился в ней.

В том или ином мерянском названии всегда можно выделить этимон¹ — основную смысловую единицу — и соответствующие повторяющиеся форманты. Однако мы привыкли к этим названиям, не задумываясь над их значением, поскольку просто не понимаем. Филологическая наука открывает новое не в новом, а, наоборот, в старом и древнем, в неизвестном и непонятном, иначе говоря, в общеизвестном и само собой разумеющемся. Таковы мерянские названия рек, которых мы насчитали на карте Костромской области свыше ста, а с учетом небольших рек их еще больше.

Костромской краевед Н. П. Кучин собрал и систематизировал обширный материал по рекам и озерам, деревням и селам Костромской области². При анализе этого материала Кучин опирался на книги по топонимике, архивные документы, устные предания. Можно предположить, что автор не знал ни финского, ни других угро-финских языков, поскольку многие названия в его толковании выглядят весьма сомнительно.

Когда же он привлекал авторитетные научные издания, то истолкование получало правильное направление.

Самый трудный пласт названий как раз связан с гидронимами Костромской области, так как эти гидронимы — названия рек, озер, водоемов по своей природе сверххархаичны, неподвижны и неизменны. Известный топонимист И. И. Муллонен пишет, что «географические названия... подтверждают известный тезис об исключительной устойчивости топонимов во времени: меняются языки и народы, а топонимы продолжают жить... Географические названия, какими бы загадочными и таинственными они ни казались, на самом деле, как правило, просты, обыденны и даже скучны. В них отражается некая приметная особенность, важное свойство называемого места»³. Об этом же говорит Р. А. Агеева в своей работе «Происхождение имен рек и озер». Она указывает на тот факт, что основная масса гидронимов бывает связана с их физико-географическими характеристиками, в которых раскрываются особенности грунта, а также цвет, запах, вкус воды, характер течения, наличие тех или иных видов растений, животных или рыб, обитающих в водоемах⁴.

Гидронимы служат энциклопедическим справочником для многих специалистов, в том числе и для филологов-топонимистов и филологов-гидронимистов, ибо письменных памятников мерянского языка нет. Единственный источник их языка — это географические названия водоемов, а также сел и деревень, т. е. гидронимы и топонимы в русскоязычном звуковом облике. Мерянские названия можно реконструировать с помощью родственных, соседних мерянскому языкам, окружавших территорию обитания мерянских племен.

Славяне усваивали мерянские названия в искаженном виде. На карте Костромской области есть гидронимы, родившиеся в те далекие времена, когда край населяли древние саамы. В наследство от них нам досталось и такое название рек, как Шача. Это наиболее часто встречающееся название в Костромской области, ибо Шача — это и левый приток Костромы, и приток Ноли, и правый приток Немды. Есть гидронимы с такими эпитетами, как Нежилая Шача, Шача Левая, Жилая Шача, Пустая Шача. Есть реки с таким названием и за преде-

лами Костромского края. На языке древних саамов оно означает просто «воду»⁵.

Три реки носят название Нея⁶. Это красивое название восходит, конечно, не к Энею (герою поэмы Вергилия «Энеида»), а к двум финским этнонимам: «Не» = neljä (четыре) + «я» = oja (ручей) — рукав реки (joen suuhaaga), т. е. река, впадающая в другую четырьмя рукавами. Две реки называются Векса (варианты: Виокса, Вокса, Вокша и т. п.). На Костромской земле эти реки вытекают из больших озер: Чухломского и Галичского; они обозначают «сток из озера», реки как бы «уводят воду» из озер (финский глагол viedä — уводить). Две реки называются Касть. Название происходит от финского слова «Kaste», что значит «роса», т. е. Касть — «росистая река». Очевидно, отсюда происходит костромская фамилия «Кастальев».

Интересно рассмотреть названия трех рек, которые имеют общий формант — «ба». Андоба — от финск. antaa — давать, дать, т. е. «дающая», «кормящая» тоня⁷. Кондоба — от вепсск. kondi — медведь, т. е. медвежья тоня⁸. Сундоба — от финск. synnyttää или suntyä — рожать, т. е. «рождающаяся», новая тоня. Формант — «ба» следует вернуть к исходной форме — ба > аб > ап > аража, т. е. тоня (это один из «секретов» гидронимистов).

Любопытно название реки Княжая, притока реки Унжа. Обычно пишут, что гидроним образован от слова «князь». В русском гидрониме основой является финское слово «köngäs» (порог), употребляемое в диалектах северной Финляндии в значении — «порожистая река». («Клязьма» — это бывшая «Князьма»). «Княжья» и есть «порожистая река», как и «Клязьма». Река Унжа — левый приток Волги восходит к мерянскому значению у = «va/n/ha» (старый); т. е. «Старая река», не менявшая своего русла.

Тоня как место рыбной ловли и как предприятие, где ловят рыбу, часто встречается в названии костромских рек, например, Апуг, где формант «уг» означает реку (joki, искаженное — «уг»), а ап — от «аража» — тоня. Или: Албасенка, приток реки Мера, где ala + аража + sa = «нижнетоневая река».

Что касается рек Вохма, Вохтома, то они имеют одно общее значение «медвежья река»: «ohto» — одно из сакральных имен медведя на старофинском языке (ижорское происхождение

ние). Некоторые лингвисты реконструируют название от древнего финно-угорского «охта» — река или приток.

Название реки Болть происходит от финского «poltaa» — жечь, сжигать /сжечь, спалить и означает «сожженную реку», а река Соть — от suo — «болото» — «болотистую реку»; река Шуя тоже имеет финно-угорскую основу: suo — болото, т. е. болотистая река. Впрочем, в марийском языке она обозначает половодье, «талый, открытый» — от «suja». Название реки Ноля происходит от слова «nuoli», что значит стрела, стрелка, Стрельня: воды реки несутся с такой скоростью, как выпущенная из лука стрела. Река Немда — от формы род. падежа Nemod (от niemi — мыс), что значит «мысовая», т. е. извилистая река, с излучинами, где формант — od преобразовался в формант — «да». Река Кусь. Ее название образовано от финского прилагательного «kuusinen» — еловый, т. е. «еловая река». Река Медоза. Название ее происходит от финского прилагательного «гнилой» — «määdännyt», т. е. гнилая река, «Гнилуша». Река Меза. Ее название происходит от мес (вепсск.) — лес, тайга, ср. metsä (финск.) — лес. Река Кубань — «бабья река» (от мерянск. «kuiaa» — женщина, старуха). Реки Тебза и Теза имеют общий этимон, означающий «täysi» — полный, т. е. это полноводные реки. Река Уча восходит к финскому слову hieta (песок), что значит «песчаная река». Река Пышуг. Ее название восходит к финскому «puhdas», что означает «чистая река», дно которой просматривается. Река Сухона — это «шуговая река» — Sohjonjoki (финск.). В вепсском языке — sohu, uhk — шуга (мелкий лед); сало (ледяное); подснежная вода. Говорят: по реке шуга плывет, скоро река замерзнет...

Мы привели примеры для того, чтобы показать, как выделяется этимон из названия реки. Порой это нелегко сделать.

Итак, меря — это племенное имя, этноним. Племена этого народа принимали активное участие в начальных событиях русской истории. Меряне — первые поселенцы города Ростова в Суздальской земле. В 859 г. они наряду со славянами, кривичами, весью и чудью платили дань варягам «из заморья». В 882 г. князь Олег устанавливает дань славянам, кривичам и мери. Летопись отмечает участие мерянских отрядов в походах Олега на Смоленск, Любеч, Киев и Византию (882 и 907 гг.). После 907 г. название племени больше не встреча-

ется, но зато упоминается в агиографических сочинениях: языческие жители Чудского конца в Ростове говорили на мерянском языке⁹. В память о своем существовании они оставили нам экзотические названия рек, которые отразили своеобразие окружающей среды, наиболее бросающиеся в глаза признаки. Река была важной частью в существовании человека. И в потоке истории эти малые народы сыграли великую роль.

¹ Этимон (гр. etymon — истина) — лингв. исходное слово, основа слова или корневая морфема.

² Кугин Н. Костромской край: города и веси. Географические названия Костромской области. Кострома, 2000. С. 338.

³ Муллонен И. История Петрозаводска в географических названиях // Север. 2003. № 5—6. С. 170—174.

⁴ Агеева Р. А. Происхождение имен рек и озер. М., 1985.

⁵ На карте Костромской области обозначены четыре реки под названием Шача: четвертая — в бассейне реки Нодога.

⁶ Н. П. Кучин в своей книге приводит лишь два названия: Нея как приток Унжи, и Нея как приток Ветлуги.

⁷ Тоня: 1) место рыбной ловли закидным неводом; 2) одна закидка невода; невод с уловом.

⁸ Ср. г. Кондопога — «Медвежий угол», «Медвежья глухомань», по-карельски Konturohia (Pohia — дно, предел, за которым уже быть ничего не может).

⁹ Меря. Энциклопедический словарь. Т. XIX. СПб., 1896. С. 141—142.

Н. Б. Рязанцева, В. И. Фокин

**УЧАСТИЕ СКАНДИНАВСКИХ СТРАН
В МЕЖДУНАРОДНОМ ГУМАНИТАРНОМ
СОТРУДНИЧЕСТВЕ В ПЕРИОД МЕЖДУ
ДУМЯ МИРОВЫМИ ВОЙНАМИ**

Первая мировая война и последовавший за ней революционный кризис явились наиболее острым проявлением духовного кризиса, поразившего западную цивилизацию в начале XX в. На протяжении двух предшествующих столетий в общественном сознании рационалистические тенденции занимали господствующее положение. Однако механическая позитивистская картина мира не отражала всей противоречивости действительности. Осознание дисгармонии проявилось в наступлении эпохи декаданса, в возраставшей популярности произведений Ф. Достоевского, С. Кьеркегора, религиозно-философских доктрин, возвращавших религии мировоззренческие функции. Жизнь казалась непостижимой, а ее становление алогичным. Рационализму науки противопоставлялась «философия жизни», понимаемая то как «воля к власти» (Ф. Ницше), то как «космический жизненный порыв» (А. Бергсон). Открытия в физике воспринимались как крушение материалистической картины мира. Знакомство с теософией Г. Блаватской и антропософией Р. Штейнера привело к увлечению мистикой и оккультизмом. Новое мироощущение рождало смутное чувство тревоги, страха перед возможной катастрофой цивилизации и того, что она несет для человека.

Моральные и политические принципы европейского либерализма рухнули в траншеи Первой мировой войны. Крова-

вая, небывалая по своим масштабам и жестокости бойня потрясла до основания здание европейской цивилизации, которое возводилось веками. Т. Манн писал в годы войны: «Мы... присутствуем при конце эпохи, эпохи буржуазно-гуманистической и либеральной, которая родилась в эпоху Возрождения, достигла расцвета в период Французской революции, и сейчас мы присутствуем при ее последних судорогах и агонии»¹.

Действительность и духовные основы общества были подвергнуты глубокому, порой беспощадному анализу и переосмыслению. В Европе была организована широкая дискуссия, к которой была привлечена фактически вся интеллектуальная элита. В ее ходе были сформулированы основные проблемы, требующие разрешения для преодоления дегуманизации общества. Существенный вклад в реализацию гуманистической составляющей международных отношений внесли представители художественной и интеллектуальной общественности скандинавских стран.

Широко известной в послевоенном мире стала деятельность Верховного комиссара Лиги Наций по делам беженцев Ф. Нансена. Его деятельность позволила преодолеть множество конкретных гуманитарных трагедий, вызванных последствиями войны и гражданских конфликтов в послевоенном мире.

Немало представителей творческой интеллигенции стран Северной Европы участвовали в деятельности «Лиги умов», созданной при Лиге Наций. В «Лигу умов» входили Комиссия международного интеллектуального сотрудничества (МКИС), созданная в мае 1922 г.², и постоянный международный комитет писателей и художников при Лиге Наций, организованный в 1931 г. В составе Комиссии и Комитета были и представители Норвегии и Швеции.

Эти организации решали вопросы, связанные с профессиональной деятельностью и социальным положением ученых и писателей, законодательной защитой их прав, в том числе в новых для того времени сферах: кинематографии и радиовещания. Базой для деятельности федерации стал Парижский институт международного интеллектуального сотрудничества³. Несколько ранее, в 1929 г., был основан Институт исследова-

ний по международным отношениям, а также Международный институт образовательной кинематографии в Риме⁴.

В деятельности «Лиги умов» активное участие принимали датчане: Н. Бор, М. Андерсен-Нёксе, поэт и литературный критик О. Галстед, известный писатель Томансен⁵; шведы: исследователь Арктики Альман, лауреат Нобелевской премии химик Т. Сведберг, профессор медицины И. Хольмгрен, писатели, ученые, артисты⁶; норвежцы: видный ученый-экономист У. Кольбьерсон, писательница Р. Хаген и др.⁷ Важную роль в развитии научных связей в эти годы сыграл президент Академии наук Норвегии, председатель Международного комитета историков Хальфдан Кут — видный норвежский исследователь Средневековья.

Под руководством М. Складовской-Кюри Комитет научных советов провел значительную работу по унификации научной терминологии, научной и технической документации, международной технической стандартизации. Это закладывало основы для сопоставления результатов научных исследований, международного сотрудничества — всего того, что позволяло ученым разных стран понимать друг друга. Комитет экспертов по библиографии выработал рекомендации по единой международной библиотечной классификации. К 1933 г. было налажено сотрудничество между национальными библиотечными центрами, начался выпуск путеводителей по библиотечным системам различных стран, скоординирована деятельность в области международного книгообмена⁸. Без этой на первый взгляд малозаметной работы международное сотрудничество в научной сфере было бы менее эффективным.

Важная работа была проделана Комитетом по международному сотрудничеству музеев, сохранению памятников истории и культуры. В июле 1932 г. он представил в секретариат Лиги Наций рекомендации по международно-правовому регулированию охраны памятников и произведений искусства. В них предлагалось возложить обязанности по защите культурных ценностей на государственные органы независимо от характера собственности, эпохи и народа, их создавшего. Главным критерием определялось обеспечение максимальной сохранности культурных ценностей. По мнению экспертов комитета, обеспечить такую сохранность могла только государ-

ственная система охраны. Одновременно Комитет предлагал, чтобы государства создали систему воспитания молодежи в духе уважения к памятникам всех времен и народов. К сожалению, секретариат Лиги Наций не считал возможным представить Ассамблее соответствующие правовые документы. Камнем преткновения оказалась проблема принадлежности исторических и художественных ценностей, перемещенных из стран, где они были созданы. Частично эта проблема была решена изданием под эгидой Комитета законодательных актов, согласованных с международным правом, по регулированию археологической деятельности. Комитет активно сотрудничал с институтами в скандинавских странах в области археологии и истории искусств⁹, государственными организациями по управлению архивами и музеями¹⁰. Был создан международный комитет экспертов по регистрации собраний музыкальных инструментов и нот, имевших мировое значение¹¹. Таким образом, было положено начало международному правовому регулированию этой весьма сложной и деликатной сферы музейного дела, которая, к сожалению, не урегулирована и до сего дня.

Значительное внимание эти структуры уделили совершенствованию образования и методики преподавания¹². С 1928 г. Парижский институт обеспечивал организацию ежегодных конференций по высшему образованию в области международных отношений при Лиге Наций. Они проходили с участием представителей научных кругов Дании и других стран, а также Академии международного права, Бюро международного обучения, Института пацифистских отношений, Университетского института.

Для многих участников гуманитарного сотрудничества из скандинавских стран его смысл определялся представлением о своей национальной культуре как неотъемлемой части западной цивилизации. В послевоенной Европе самым страшным воспоминанием о прошлом была война, возникшая вследствие столкновения интересов национальных государств. Поэтому в широких кругах интеллектуалов естественным было обращение к иным основам духовного здоровья общества. В философии преодолевается физиологический подход к человеку, организация общества, его мораль и нравственность

рассматриваются как неотъемлемый атрибут человеческой природы. Национальной идее противопоставляется идея единства человеческой цивилизации.

В художественном творчестве послевоенного времени естественным выходом казалось обращение к личности, способной противостоять враждебности окружающего мира. В целом ряде художественных произведений утверждалась моральная сила человека, противостоящая несовершенству общества. Лучших из них отличает высокое моральное благородство и личное мужество. Именно поэтому они приобрели обаяние и стали идеалом послевоенного «потерянного» поколения, жившего в условиях крушения общественных устоев. Индивидуализм провозглашает наднациональные, надсоциальные гуманистические ценности, но он не в состоянии их реализовать вне общества. В произведениях Г. Гауптмана и других отражен кризис личности и трагедия «потерянного» послевоенного поколения, которые, несмотря на сохранившееся в них нравственное начало, не в состоянии адаптироваться к жизни в обществе. Они не смогли сохранить в нем свою нравственную чистоту, вступили в острый конфликт с действительностью и потерпели сокрушительное поражение.

В силу этих обстоятельств скандинавская творческая общественность поддержала идею «морального разоружения»: формирования общественного сознания, основанного на идеалах пацифизма и примирения народов под эгидой Лиги Наций.

В основе политической доктрины «пацификации мира» лежала идея запрета пропаганды войны как способа разрешения международных конфликтов. Острая дискуссия по поводу принципов, задач и методов преподавания истории состоялась на VII Конгрессе историков в Варшаве в 1933 г. Конфликт между последователями «морального разоружения» и сторонниками «объективного» изложения истории. Хотя на конгрессе и были приняты предложения в пользу первых, но на практике реализовать их оказалось невозможно. В апреле 1934 г. в Париже состоялась сессия Международного исторического комитета. На нем председателем комиссии по преподаванию истории была избрана А. Панкратова¹³. Она и предложила компромисс, устроивший большинство: не скрывать

войны в истории человечества, но преподавать военную историю во всей ее многогранности, включающей как военную славу, так и ужасы войны.

Особое значение сторонники «морального разоружения» придавали преподаванию истории, курс которой считался «наиболее опасным» для целей умиротворения народов. В 1931–1932 гг. Комиссия по историческому образованию Международного комитета историков начала сбор материалов и исследований по преподаванию истории в школах Дании, Норвегии, Швеции и других стран. Различия оказались столь значительными, что не удалось провести даже сравнительный анализ. Но к 1933 г. были выработаны некоторые рекомендации, которые лишь формулировали основные проблемы и противоречия, возникшие в связи с «пацификацией истории». Историческое образование должно было формировать не только национальное сознание, но и осознание себя гражданами мира. В связи с этим было рекомендовано обеспечить пропорциональность изучения в школе истории военной, политической и истории культуры, изучение в школе принципов и деятельности Лиги Наций¹⁴. Наиболее острые споры разгорелись в связи с историческими сюжетами, вызвавшими разногласия между национальными школами историков. Весной 1932 г. на 14-м пленарном заседании МКИС было принято «соломоново» решение: в том случае, если национальная комиссия по пересмотру школьных учебников в каком-либо учебнике другой страны обнаружит сведения, разжигающие ненависть к ее народу, она должна обратиться к национальному комитету этой страны для поиска положительного решения¹⁵. Только в 1937 г. была подготовлена Декларация по пересмотру школьных учебников, которая предусматривала «универсалистский» принцип преподавания истории, который исходил из необходимости изучения отечественной истории во взаимосвязи с мировыми процессами и историей других народов. Рекомендовалось изымать тексты, воспитывающие недоверие или предрассудки к другим народам. Для этого министерства образования должны были создавать комитеты историков под эгидой национальных комитетов интеллектуального сотрудничества. В Декларации не содержалось непосредственного запрещения пропаганды агрессии и расового

превосходства, но ни одна из крупных стран мира не подписала Декларацию.

Особое значение в осуществлении «морального разоружения» придавалось средствам массовой информации. По поручению Ассамблеи Лиги Наций МКИС предприняла исследования по влиянию СМИ на формирование международного климата. В 1932 г. Парижский институт по итогам проделанной работы разработал рекомендации по использованию радиовещания и кинематографии в деле «морального разоружения». В них отмечалось, что международные радиопередачи и кинофильмы могут либо нанести вред отношениям между народами, либо способствовать укреплению духа доверия между ними. Было предложено активнее использовать радио в сфере образования для повышения уровня культуры народов, в распространении лучших образцов мировой культуры, в формировании международного сознания, в пропаганде идеалов Лиги Наций, в деле воспитания молодежи в пацифистском духе, в борьбе против нацизма и за сближение народов. Особая роль в этой работе отводилась передачам новостей и кинохронике¹⁶. По поручению XII Ассамблеи Лиги Наций (1934) Парижский институт приступил к разработке универсальной международной конвенции по радиовещанию, которая бы регулировала этот род деятельности на уровне государств. Предусматривалось создание профессиональной ассоциации международного радиовещания, которая бы определила этические нормы для радиожурналистов, основанные на идеях «морального разоружения». Участниками обсуждения этих вопросов были представители Норвегии и других стран¹⁷. Однако разногласия между государствами, не желавшими рассматривать содержание своего радиовещания, не позволили реализовать и это начинание МКИС.

С конца 20-х гг. были предприняты усилия по подготовке всеобъемлющего международно-правового документа по «моральному разоружению». Они воплотились в меморандуме польского правительства от 17 сентября 1931 г., направленном на конференцию по разоружению в Женеве. В нем предлагалось включить в уголовные кодексы статьи «Об охране мира и международной солидарности от преступной деятельности отдельных лиц или групп», о наказании лиц, публикую-

щих «фальшивки и тенденциозные сведения о международном положении», а также «об охране молодежи от всего, что может возбудить ненависть к иностранной нации»¹⁸. На основе польских предложений подкомиссия конференции по разоружению в Женеве в марте 1932 г. разработала проект Конвенции по «моральному разоружению». Дискуссия выявила два подхода к проблеме. Польский вариант предусматривал внутригосударственные меры правового порядка, запрещающие пропаганду войны. Англо-американский подход предлагал международное сотрудничество в воспитании молодежи в пацифистском духе. В итоге был принят проект конвенции из 26 статей, объединявший польскую и англо-американскую точки зрения¹⁹. Окончательный проект конвенции был принят комитетом по разоружению в ноябре 1933 г. Он оценивал «моральное разоружение» как существенный аспект разоружения в целом. В конвенции государствам предлагалось построить обучение таким образом, чтобы оно, основываясь на признании взаимоуважения и взаимозависимости наций, укрепляло в сознании народов понимание необходимости международного сотрудничества в различных сферах общественной жизни. Рекомендовалось включать в учебные планы вузов курсы международного права, обзоры деятельности и принципов Лиги Наций, использовать радио и кино для распространения духа согласия между народами, запретить публикации, оскорбляющие национальные чувства других народов. Государственным органам предписывалось оказывать содействие «моральному разоружению», осуществляемому национальными комитетами интеллектуального сотрудничества и другими организациями²⁰. Однако проект конвенции не был подписан членами Лиги Наций.

Не удалось реализовать и другую инициативу «Лиги умов» в области «морального разоружения», которая предусматривала расширение сотрудничества с целью защиты мировой культуры, содействия развитию науки и искусства. Был разработан проект Акта международного интеллектуального сотрудничества. Он предусматривал содействие в интересах мира духовному развитию народов. Международная организация должна была бы обеспечить всеобъемлющий, непрерывный и независимый характер интеллектуального сотруд-

ничества. Акт был одобрен Ассамблеей Лиги Наций в 1937 г., а в 1938 г. его подписали 46 государств мира. Однако под ним не было подписей представителей Великобритании, Германии, СССР и США. В силу позиции этих держав не удалось создать международную организацию по культурному сотрудничеству²¹.

Таким образом, в центре внимания международного гуманитарного сотрудничества оказались основные проблемы экономического, социального и духовного развития общества, породившие революции и войны. На фоне устойчивой тенденции развития материальной культуры и научно-технического прогресса все более отчетливо стало проявляться отставание гуманитарного развития человеческого общества. Попытки светского обоснования гуманизма не удались. Ни одна из предложенных в то время систем общественно-политической практики не смогла сконцентрировать внимание на человеке. В духовной сфере не удалось преодолеть раскол человеческого сообщества на отдельные нации и цивилизации. Человеческий разум научился выявлять противоречия жизни, но не научился их снимать, создавая гармонию. Все это обусловило отсутствие устойчивых гуманистических тенденций в развитии человеческой цивилизации на том историческом этапе.

Международное гуманитарное сотрудничество в силу указанных обстоятельств оказалось лишеным альтернативы политике агрессии и потворства ей. Огромный интеллектуальный потенциал и моральный авторитет организации оказался без мобилизующей политической опоры на международной арене. Но международное гуманитарное сотрудничество внесло огромный вклад в формирование духовных основ идеологии антифашизма, без которых вряд ли стала бы возможной антигитлеровская коалиция в годы Второй мировой войны.

¹ Манн Т. Гёте и Толстой. Фрагмент к проблеме гуманизма // Манн Т. Собр. соч.: В 10 т. Т. 9. М., 1960. С. 598.

² La Cooperation Internationale. Lection et Information. Genève, 1937. P. 9.

³ Bulletin de la Cooperation Internationale. Institut Internationale de Cooperation Intellectuelle (Bulletin...). 1931. N 2. P. 53; N 3. P. 103–104; N 5. P. 255; N 7–8. P. 356, 363.

⁴ Ibid. 1933. N 25–26. P. 15–16. 1740.

⁵ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5283. Оп. 1. Д. 218, Л. 46; Оп. 5. Д. 377. Л. 12.

⁶ Там же. Оп. 5 Д. 540. Л. 40.

⁷ Там же. Д. 43. Л. 8

⁸ Bulletin... 1934. N 36. P. 671.

⁹ Ibid. 1932. N 22-23. P. 1257; 1932. N 16. P. 782.

¹⁰ Ibid. N 10. P. 422.

¹¹ Ibid. 1934. N 36. P. 672.

¹² С 1932 г. в Парижском институте в качестве эксперимента стали выработываться рекомендации по международной унификации школьных программ, идеологической и учебной литературы. С 1934 г. МКИС перешла к координации деятельности в области просвещения, архивного и музейного дела на уровне министерств образования. Совместно с ними были созданы более 30 национальных центров по вопросам международного сотрудничества в области педагогики. Весной 1933 г. состоялось совещание представителей высшего образования с участием Норвегии, на котором были рассмотрены вопросы развития университетов, привлечения их потенциала для решения проблем, стоящих перед «Лигой умов», отношения правительств к университетам в различных странах. Материалы для обсуждения были представлены университетами Швеции и СССР. В результате были выработаны рекомендации по правовому регулированию отношений высшей школы и государства, организации трудоустройства преподавателей университетов в условиях экономического кризиса. При разработке новых методик в школьной педагогике МКИС координировала сотрудничество министерств Дании, Норвегии, Швеции и еще около 20 стран мира. Особую роль сыграли совместные разработки по использованию радиофикации школ и организации учебных радиопередач. Был организован обмен радиопередачами и опытом. Bulletin... 1933. N 25–26. P. 671–673.

¹³ См.: Бадя Л. В. Советские историки на международных конгрессах (20–50-е гг.) // История СССР. 1974. № 3. С. 63–68. (В статье неточно указан месяц сессии — март.)

¹⁴ Bulletin... 1935. N 47–48. P. 605–606.

¹⁵ Ibid. 1932. N 22–23. P. 935.

¹⁶ Ibid. N 16. P. 819–828; N 17–18. P. 964; N 19. P. 10, 359; N 20–21. P. 1150.

¹⁷ Ibid. 1934. N 31. P. 673; N 47–48. P. 533–534.

¹⁸ Сб. документов по международной политике и международному праву. Вып. 5. М., 1933. С. 125.

¹⁹ Bulletin... 1931. N 11–12. P. 587; 1932. N 15. P. 70.

²⁰ Сб. документов по международной политике и международному праву. Вып. 10. М., 1936. С. 138–139.

²¹ Bulletin... 1938. N 92–94. P. 463.

Л. И. Вавулинская

**КОНТАКТЫ ПЕТРОЗАВОДСКА И ВАРКАУСА
В РАМКАХ МЕЖДУНАРОДНОГО ДВИЖЕНИЯ
ГОРОДОВ-ПОБРАТИМОВ (1960—1980-е гг.)***

После окончания «холодной войны» регионализм становится все более весомым фактором в международных отношениях. В условиях, когда в Европе набирают силу интеграционные процессы, приграничные территории России, включая Республику Карелия, активно вовлекаются в общеевропейскую интеграцию в регионах Балтийского и Баренцева морей.

Важным фактором развития для многих городов и районов республики стали побратимские связи с партнерами из Финляндии. Договоры о дружбе и сотрудничестве заключены и действуют более чем с 60 городами и коммунарами этой страны. Активизации трансграничного субрегионального сотрудничества в различных сферах способствует осуществление проекта «Еврорегион “Карелия”», приоритетными направлениями которого являются экономика, охрана окружающей среды, туризм и культура.

В связи с этим особый интерес представляет изучение опыта, накопленного в результате осуществления побратимских связей между Петрозаводском и Варкаутом в 1960—1980-е гг., когда закладывались основы новых форм сотрудничества на региональном уровне.

* Статья подготовлена при поддержке программы фундаментальных исследований отделения историко-филологических наук РАН «Русская культура в мировой истории» (проект «Финский фактор в истории и культуре Карелии XX века»).

Варкаус является первым городом-побратимом Петрозаводска и потому занимает особое место в истории развития международных связей столицы Республики Карелия. Как подчеркнул глава города Виктор Масляков, «сотрудничество с Варкаутом помогло сломать лед недоверия, который сформировался у граждан СССР по отношению к другим странам после Великой Отечественной войны. Для многих жителей Петрозаводска прямые контакты с жителями Варкауса в течение долгих лет были единственной возможностью познакомиться с жизнью обычных людей по ту сторону границы, по-настоящему расширить свой кругозор. Именно отношения с Варкаутом стали своего рода примером для дальнейшего построения контактов Петрозаводска»¹.

15 октября 1944 г. состоялось учредительное собрание общества «Финляндия — СССР». Уже через год в нем было 700 отделений, а количество членов достигло 170 тыс.² Рождение общества дружбы «Финляндия — СССР» не было случайным событием, скороспелым следствием послевоенного энтузиазма. Оно явилось закономерным результатом длительного и последовательного процесса. Уже в силу географического положения на протяжении столетий финны имели исторические связи с Россией.

После войны стремление к миру стало трансформироваться в попытки налаживания конструктивного диалога. На фоне этих мирных настроений развивалась тенденция межгородского сотрудничества. В начале 1950-х гг. в соответствии с решением Всемирного конгресса представителей городов различных стран началось движение под названием «Породненные города». Были установлены контакты между городами Германии и Франции, Англии и Германии, пострадавшими во время Второй мировой войны. Вскоре к этому движению присоединился Советский Союз. Побратимские связи обозначили зарождение новых форм межгосударственных отношений, осуществлявшихся не только на официальном, но и местном, региональном, личном уровнях. Именно в 1950-е гг. началась история побратимских отношений городов Финляндии и Советского Союза, когда такие связи, представлявшие, по существу, прорыв в советско-финских отношениях, объединили города Лахти и Запорожье, Турку и Ленинград.

В конце 1962 г. организуется Карельское отделение общества «Финляндия — СССР», которое возглавил председатель Союза писателей республики Антти Тимонен. С образованием общества расширилось издание книг финляндских писателей в Карелии. В 1965 г. 5 тыс. подписчиков в Финляндии получали из Карелии журнал «Пуналиппу»³. Карельское издательство и журнал «Север» регулярно знакомили читателей с произведениями финских писателей Марти Ларни, Вяйне Линна, Пентти Хаанпяя, впервые вышедших на русском языке в Карелии. На сценах Карелии ставились спектакли финских драматургов М. Лассила, А. Киви, М. Кант, Т. Паккала, Х. Вуолийоки. По мотивам народного эпоса «Калевала» было осуществлено совместное производство кинофильма «Сампо». По финскому телевидению демонстрировался документальный фильм о Карелии, созданный редактором финского журнала «Аян-Куват» Осмо Хелиным.

В июне 1964 г. в СССР создается Ассоциация по связям советских и зарубежных городов. Дружественные контакты городов разных стран дополнили и расширили существующие между ними официальные связи, которые способствовали взаимному обмену опытом ведения городского хозяйства, расширили возможности взаимовыгодного сотрудничества.

В 1965 г. во время неофициального визита президента Урхо Кекконена в СССР по предложению Советского правительства заключается соглашение о породнении 50 советских и финских городов. Были разосланы письма в несколько городов Финляндии, но решение о побратимстве с Петрозаводском принял лишь муниципалитет города Варкауса — одного из наиболее промышленно-развитых муниципалитетов восточной Финляндии. Зарождение побратимских отношений последовало вслед за письмом исполкома Петрозаводского горсовета от 3 мая 1965 г. в адрес властей Варкауса с предложением об установлении дружеских связей. Предложение получило в Варкаусе положительный отклик, и 18 августа 1965 г. было заключено соглашение между двумя городами, но официальный Договор о побратимских отношениях был подписан лишь 10 лет спустя, 13 августа 1975 г. Несмотря на это, Варкаус считается первым побратимом Петрозаводска.

Карельский поэт Николай Лайне, посетивший Варкаус в составе петрозаводской делегации в 1967 г., поделился своими впечатлениями о поездке в журнале «Север». Он писал: «В настоящее время Варкаус является едва ли не одним из наиболее развитых промышленных центров на финляндском полуострове. Фабричное оборудование с клеймом «Варкаус» поступало и к нам, в Советский Союз, в частности в Архангельск. В перспективе — новые поставки, в том числе для заводов Сегежи. И все же кто-нибудь может спросить: почему городом нашей дружбы был избран именно Варкаус?»

Несмотря на свой сравнительно юный возраст — Варкаус получил статус города лишь пять лет назад, — он во многом напоминает наш Петрозаводск. Оба города находятся на одной географической широте, и климатические условия в них одинаковые. Мы уехали из Петрозаводска при слякоти и мокром снеге, приехали в Варкаус — такая же картина. Когда декабрь разразился метелью, за одну неделю пурга намела на улицах побратимов сугробы высотой в человеческий рост. У нас жилые кварталы раскинулись вокруг Онежского тракторного, у них — вокруг заводского комплекса А. Альстрема. Оба города переживают дни большого индустриального подъема»⁴.

Проект Петрозаводск—Варкаус сразу начал бурно развиваться и считался эталонным на союзном уровне. Не случайно в постановлении комиссии Верховного Совета Российской Федерации по иностранным делам (1969 г.) среди городов, областей и краев России, установивших постоянные контакты с зарубежными городами, был особо отмечен наряду с Москвой, Ленинградом и Хабаровском опыт Петрозаводска и Варкауса⁵.

На первом этапе отношений шел в основном обмен официальными делегациями. В 1966 г. по поручению отделения общества «Финляндия — СССР» в г. Варкаусе был разработан меморандум о возможных формах и перспективах побратимского сотрудничества, получивший одобрение в Петрозаводске. Речь, в первую очередь, шла о расширении просветительной деятельности с целью распространения сведений о городах-побратимах. Предусматривались организация лекций и докладов, обмен информационными материалами, документаль-

ными фильмами и т. д. Вторым важным направлением было развитие туризма как одной из форм просветительской работы. Третье направление — изучение языка с помощью телевидения, организации уроков в училищах и кружках. Предусматривалось проведение художественных выставок, различных семинаров, спортивных соревнований между городами, обмен отраслевыми делегациями, группами артистов, расширение прямых контактов между предприятиями. С финской стороны было высказано пожелание о том, чтобы граждане в частном порядке приглашали либо поодиночке, либо с семьей своих коллег по профессии в гости на определенный срок, беря при этом на себя связанные с визитом расходы⁶. Следует сказать, что постепенно все эти мероприятия воплощались в жизнь.

Во второй половине 1960-х — 1980-е гг. в СССР постепенно рушились преграды в области международного общения, происходило неофициальное налаживание контактов советских граждан с иностранцами, создавалась атмосфера доверия, возрастала численность неформальных общественных организаций. Возникновение элементов гражданского общества, а также появление альтернативных источников информации о западном мире привели к постепенной эрозии устоявшихся внешнеполитических стереотипов⁷.

Расширялись контакты между молодежными, женскими, профсоюзными организациями, учебными заведениями, творческими коллективами. Сотни петрозаводчан и жителей Варкауса побывали друг у друга в гостях. В 1969 г. Варкаус посетила первая молодежная организация из Петрозаводска. В ходе состоявшихся бесед представители молодежи Варкауса рассказали о работе молодежной комиссии, о проблемах молодежного движения. Они интересовались деятельностью комсомольских организаций Петрозаводска, участием молодежи в общественной жизни. Тогда же впервые по плану дружеских связей в пионерском лагере Онежского тракторного завода в Лососинном отдыхала группа школьников из Варкауса.

В то же время побратимство в этот период являлось, в первую очередь, элементом внешней политики Советского Союза, и отношения между городами носили политико-культурный характер. До конца 1980-х гг. города-побратимы практически не участвовали в работе по сотрудничеству в торгово-эконо-

мической, производственной и научно-технической областях, хотя эти вопросы поднимались уже в конце 1960-х гг. В одном из отчетов о поездке делегации Петрозаводского исполкома в Варкаус говорилось, что в беседах неоднократно обсуждались вопросы открытия автомобильной трассы из Финляндии в Петрозаводск через Сортавала и о более широком размещении заказов СССР в Финляндии⁸.

Немало пользы принесло взаимное сотрудничество на профессиональном уровне. В 1969 г. в Варкаус выезжала делегация специалистов деревообрабатывающей промышленности Петрозаводска, подробно изучившая опыт использования отходов деревообработки в Варкаусе. Этот опыт нашел применение на Петрозаводском лесопильно-мебельном комбинате. В 1969—1970 гг. состоялся обмен делегациями работников профессионального обучения двух городов. Работники профтехобразования Петрозаводска побывали в двух профессионально-технических училищах Варкауса и городской народной школе, ознакомились с материальной базой училищ, практикой преподавания и трудового обучения. В результате в Петрозаводске был применен опыт выполнения учащимися профтехучилищ заказов населения. В 1978—1979 гг. Варкаус посетили работники водоканала и трикотажной фабрики, а также работники пищевой промышленности.

В 1969 г. по инициативе финской стороны в Ленинграде была проведена встреча представителей советских и финских городов-побратимов. К этому времени уже более 100 советских городов поддерживали контакты с 250 зарубежными городами 45 стран. Многие губернии, департаменты и провинции заключили договоры с советскими краями и областями. На встрече был одобрен опыт обмена отраслевыми делегациями, накопленный за время сотрудничества Петрозаводска и Варкауса⁹.

Прокладыванием новых троп были и инициативы по организации экономических семинаров с целью расширения сотрудничества двух стран и городов-побратимов. Так, в январе 1976 г. в Варкаусе состоялся семинар на тему торговли с Россией.

Успешно развивался туризм. В 1966 г. в Финляндии в организованном порядке побывало 110 туристов из Карелии. Кро-

ме того, по вызовам родственников и другим причинам в Финляндию выезжало около 300 частных лиц. За то же время Карелию посетили около 300 туристов из Финляндии¹⁰. Сотрудничество в сфере туризма достигло расцвета к концу 1980-х гг., когда количество побывавших друг у друга туристов по обе стороны границы достигало 500 человек в год¹¹.

Особенно оживленный взаимообмен происходил в области культуры и искусства. Ежегодно согласовывались планы дружеских культурных связей. В Варкаусе побывали многие профессиональные и самодеятельные творческие коллективы Карелии, демонстрировались фото- и художественные выставки. В свою очередь, петрозаводчане знакомились с искусством артистов и художников Варкауса. Выставка художников Петрозаводска в Варкаусе в декабре 1966 г., как вспоминал один из руководителей муниципалитета, бывший мэр города Пууттонен, вызвала много разговоров, споров и дискуссий в общественных кругах. Побывав на выставке, художница Ирья Пиетикайнен заявила: «Когда я была в Ленинграде, мне удалось посмотреть одну из выставок. Мне она не понравилась, в ней было много парадных, официальных картин, не оставивших у меня хорошего впечатления. И мы, художники Варкауса, ожидали, что вы привезете именно такую выставку. Мы были приятно поражены, что на вашей выставке мы увидели лица простых живых людей, любовь к своему краю, высокое мастерство»¹².

В 1972 г. в Петрозаводске в течение 7 дней экспонировалась выставка работ молодых художников Варкауса и детского рисунка. За это время ее посетило более 2 тыс. человек, состоялся обмен мнениями между художниками двух городов¹³. Во время поездок делегации из городов-побратимов знакомились с постановкой школьного дела, работой кооперативов, жилищным строительством.

Традиционными стали Дни дружбы. Первые дни Петрозаводска в Варкаусе были организованы в 1972 г. Тогда в Варкаус вместе с официальной делегацией прибыло более 20 профессиональных артистов, музыкантов, художников. Последующие Дни Петрозаводска в Варкаусе проводились в 1976, 1980, 1985, 1991 и 1995 гг., а Дни Варкауса в Петрозаводске — в 1974, 1978, 1982, 1988 и 2000 гг. Ежегодно проходили месячники

общества дружбы «Финляндия — СССР». Эти мероприятия приобрели действительно массовый характер. Так, во время Дней Петрозаводска в Варкаусе в 1972 г. на вечере встречи делегации Петрозаводска с жителями Варкауса в местечке Куонторанта присутствовало около 5 тыс. человек, в том числе жители соседних поселков и 5 ближайших городов в радиусе до 100 км¹⁴. Организаторы встречи беспокоились за явку, учитывая период отпусков, однако благодаря широкому освещению предстоящих событий в печати, а также успеху предыдущих выступлений артистов из Карелии число желающих попасть на вечер встречи было столь велико, что вместо билетов стоимостью 3 марки пришлось продавать зрителям программы вечера.

В 1973 г. в Петрозаводске побывал мэр Варкауса Эйно Салми, который высоко оценил побратимские связи двух городов. Он признался, что «та осторожность и выжидание, которые имели место с финской стороны в первые годы установления связей между городами, осталась в прошлом. Она сменилась полным доверием и взаимопониманием, участием широких слоев населения обоих городов в осуществлении этих связей»¹⁵.

Успешно развивавшиеся между Петрозаводском и Варкаусом контакты поставили вопрос об их юридическом закреплении. 13 августа 1975 г., т. е. спустя 10 лет после установления дружеских связей, был подписан официальный бессрочный Договор о побратимских отношениях. Глава города Петрозаводска Павел Васильевич Сепсяков в опубликованной недавно книге «Записки мэра» вспоминает: «В первый же день визита финской делегации во главе с мэром Варкауса Эйно Салми мы подписали договор о побратимских отношениях. Как это иногда бывает, случайный выбор стал счастливым. Глядя на то, как бурно и с успехом сотрудничают наши города, и другие мэры из Финляндии захотели дружить со столицей Карелии. Но было уже “поздно”, так заявил Эйно Салми на встрече с 14 мэрами финских городов в Петрозаводском горсовете»¹⁶.

В 1970—1980-е гг. между городами-побратимами расширился обмен делегациями, художественными коллективами, спортивными командами, группами ученых, молодежи и туристов, информационными материалами. Ежегодно приезжа-

ли творческие и спортивные коллективы, проводились лыжные, хоккейные, футбольные соревнования и состязания по подледному лову, организовывались фотовыставки.

Несмотря на расширение международных культурных связей и большую открытость советского общества по сравнению с тремя десятилетиями сталинского режима, для руководства партии и государства по-прежнему основополагающим оставалось представление о том, что культура и наука должны обеспечивать интересы политики, исходя из задач коммунистической пропаганды.

Как вспоминает Виктор Талбонен, работавший в 1970-е гг. инструктором исполкома Петрозаводского городского Совета, «были, конечно, и определенные трудности. В те времена существовала сложная процедура принятия решений, каждое действие приходилось согласовывать с партийными органами. Состав делегации для участия в днях культуры утверждался заранее. В обкоме партии существовала специальная комиссия по выездам за границу, а окончательное разрешение на выезд давал ЦК КПСС. После каждой командировки необходимо было предоставить подробный отчет. Ежегодно в апреле я осматривал все учреждения, куда водили иностранцев. «Интурист» всегда спрашивал согласия на то, чтобы показать тот или иной объект...»¹⁷. Серьезным препятствием для расширения контактов на уровне различных делегаций служила ограниченность бюджетов городских органов власти.

В рекомендациях руководящих органов по развитию дружественных связей с зарубежными городами неоднократно подчеркивалась необходимость повышения их практической отдачи, более эффективной пропаганды наших достижений, включения в планы работы лишь наиболее эффективных и оправдавших себя в политическом отношении мероприятий, не требующих больших финансовых затрат¹⁸.

В 1980-е гг. в побратимских связях стало обращаться больше внимания на развитие молодежных контактов. Новой формой работы стали Дни молодежи городов-побратимов, обменны молодежными туристическими группами на безвалютной основе, обмен рок-группами и танцевальными коллективами.

27 июля 1988 г. в Петрозаводске был подписан протокол о намерениях в экономическом сотрудничестве Петрозаводска

и Варкауса и действующих в них предприятий. Расширился обмен специалистами различного профиля между двумя городами, проводились экономические семинары, способствовавшие развитию трансграничного сотрудничества. Новым явлением стало посещение промышленных выставок в городах-побратимах.

В 1990-е гг. появились новые формы сотрудничества — подготовка совместных заявок и реализация проектов в рамках программы технической помощи Европейского Союза странам СНГ Тасис, всевозможные языковые курсы, семинары, обмен преподавателями и учениками, пополнение библиотек литературой и др. К числу перспективных направлений сотрудничества между городами относятся охрана окружающей среды и социальная защита населения. Между администрациями Петрозаводска и Варкауса налажен регулярный информационный обмен, ежегодно составляются планы на следующий год. «Дружеские связи настолько упрочились, что стали похожи на надежные брачные узы», — сказал во время встречи в Петрозаводске в честь 30-летия установления побратимских связей председатель городского совета Варкауса Кари Раямяки¹⁹.

Таким образом, побратимские связи городов Петрозаводска и Варкауса сыграли свою историческую роль в разрушении существовавших барьеров между двумя странами, в потеплении международных отношений и заложили фундамент прочного добрососедского сотрудничества в различных областях. Подписанный отделениями обществ дружбы этих городов документ об обмене оказался востребованной моделью возможных форм организации деятельности для других городов-побратимов.

¹ Петрозаводск — Варкаус — города-побратимы. Петрозаводск, 2005. С. 3.

² Сильгено Р. Россия — Финляндия: диалог продолжается // Северный курьер. 1994. 14 октября.

³ Национальный архив республики Карелия (НАРК). Ф. 460. Оп. 1. Д. 1952 а. Л. 153.

⁴ Лайне Н. В городе-побратиме // Север. 1967. № 2. С. 103.

⁵ НАРК. Ф. 690. Оп. 11. Д. 1850 а. Л. 6.

⁶ Там же. Ф. 460. Оп. 1. Д. 1042 б. Л. 2-6.

⁷ Образ России в мировой культуре и образы других стран в русской культуре XIX–XX веков. М., 1998. С. 36.

⁸ Там же. Л. 121.

⁹ НАРК. Ф. 460. Оп. 1. Д. 1042 а. Л. 49–50.

¹⁰ Там же. Ф. 689. Оп. 17. Д. 839. Л. 85.

¹¹ Петрозаводск – Варкаус – города-побратимы. С. 26.

¹² НАРК. Ф. 460. Оп. 1. Д. 1042-б. Л. 17.

¹³ Там же. Ф. 690. Оп. 11. Д. 2105. Л. 133.

¹⁴ Там же. Л. 134.

¹⁵ Там же. Ф. 460. Оп. 1. Д. 1384. Л. 78.

¹⁶ *Сепсяков П. В.* Записки мэра. Петрозаводск, 2005. С. 153.

¹⁷ Петрозаводск – Варкаус – города-побратимы. С. 42, 44.

¹⁸ НА РК. Ф. 460. Оп. 1. Д. 1042 б. Л. 92.

¹⁹ *Трубин А.* Будем дружить дальше // Северный курьер. 1995. 20 сентября.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бажанов Д. А., Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена.

Базарова Т. А., канд. ист. наук, Санкт-Петербургский институт истории РАН.

Барышников В. Н., д-р ист. наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета.

Барышников Н. И., д-р ист. наук, профессор Северо-Западной академии государственной службы.

Бурков В. Г., д-р ист. наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета.

Вавулинская Л. И., канд. ист. наук, Карельский научный центр РАН.

Васильева М. Н., Государственная академия живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина.

Воеводский И. Э., туристическое и культурное объединение «Эклектика».

Возгрин В. Е., д-р ист. наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета.

Геуст К.-Ф., д-р наук, авиационный музей Финляндии.

Демидов В. И., член союза писателей России.

Дубровская Е. Ю., канд. ист. наук, Карельский научный центр РАН.

Жуков А. Ю., канд. ист. наук, Карельский научный центр РАН.

Журавлев Д. А., канд. ист. наук, Военно-медицинский музей МО РФ.

Ивлева С. Е., Государственный Русский музей.

Кент Н., д-р наук, доцент университета Кембридж.

Кораблев Н. А., канд. ист. наук, Карельский научный центр РАН.

Кораблева М. Д., канд. ист. наук, Санкт-Петербургский государственный университет водных коммуникаций.

Котакаллио Ю., военно-историческое общество Финляндии.

Кривдина О. А., канд. искусствоведения, Государственный Русский музей.

Кротов П. А., д-р ист. наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета.

Кутузов В. А., д-р ист. наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета.

Мазур Т. П., Российский Государственный архив Военно-Морского Флота

Макуров В. Г., канд. ист. наук, Карельский научный центр РАН.

Митюрин Д. А., Русская христианская гуманитарная академия.

Новикова И. Н., д-р ист. наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета.

Образцов В. Н., Государственный Эрмитаж.

Плохова К. С., Российский государственный исторический архив.

Попов Ю. М., канд. ист. наук, Ленинградская военно-морская база.

Рязанцева Н. Б., канд. ист. наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета.

Селин А. А., канд. ист. наук, Староладожский историко-архитектурный и археологический музей-заповедник.

Суворова Л. В., Государственная академия живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина.

Тамми Э., Военно-историческое общество Финляндии.

Фокин В. И., д-р ист. наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета.

Халипов С. Г., канд. филол. наук, доцент Русской христианской гуманитарной академии.

Цоффка В. В., Государственный историко-литературный музей-заповедник А. С. Пушкина.

Шрадер Т. А., канд. ист. наук, Музей антропологии и этнографии РАН.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Preface	7
ЛЮДИ И СОБЫТИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИСТОРИИ	9
<i>К. С. Плохова</i> «Тринадцать дней, или Финляндия»: русский аристократ П. Г. Гагарин о Финляндии (1809)	10
<i>Н. Кент</i> Карл Людвиг Энгель и архитектура имперского Хельсинки	16
<i>Д. А. Митюрин</i> Джеймс Кейт в качестве генерал-губернатора Финляндии	22
<i>И. Э. Воеводский, Ю. П. Лукосяк, Т. П. Мазур, Н. А. Силантьева, Т. А. Шрадер</i> Норвежцы в Санкт-Петербурге (XVIII в. — начало XIX в.) ..	28
<i>М. Д. Кораблева</i> Григ и Чайковский как выразители «народного духа» в музыке	42
<i>Л. В. Суворова</i> Финский художник Юхо Риссанен в Петербурге	51
<i>М. Н. Васильева</i> Творчество в Финляндии художника-керамиста М. Н. Шилкина	58
<i>В. А. Кутузов, В. И. Демидов</i> Председатель СКК в Финляндии А. А. Жданов по воспоминаниям ее сотрудника	63

ЭКОНОМИКА, ВОЙНА И ПОЛИТИКА	67
<i>А. А. Селин</i>	
Об идее строительства города в Невском устье в начале XVII века	68
<i>А. Ю. Жуков</i>	
Предыстория Петрозаводска: уникальные особенности территории. XII—XVII вв.	72
<i>Т. А. Базарова</i>	
Новгородские крестьяне на городском строительстве в Ингерманландии в 1702—1703 гг.	85
<i>В. И. Фокин</i>	
Отражение событий Северной войны в общественном сознании скандинавских стран в 20—30-е гг. XX в.	96
<i>Н. А. Кораблев</i>	
Предпринимательская деятельность выходцев из Финляндии в Олонецкой Карелии (вторая половина XIX — начало XX в.)	107
<i>Ю. Котакаллио</i>	
Сотрудничество финских и английских спецслужб в 1918—1920 гг.	115
<i>Д. А. Журавлев</i>	
Настроения военнослужащих и гражданского населения в период советско-финляндской войны 1939—1940 гг. (по материалам Политического управления КБФ)	125
<i>К.-Ф. Геуст</i>	
Налеты советской дальней авиации на Хельсинки с февраля 1944 г.	140
<i>В. Г. Макуров</i>	
Перестройка жизни Карелии на военный лад в 1941 г.	150
<i>Э. Тамми</i>	
Почему Выборг не собирались удерживать в 1944 году	159
<i>Н. И. Барышников</i>	
Историческое значение перехода Финляндии от первой ко второй республике	171

БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ: СОТРУДНИЧЕСТВО И ПРОТИВОСТОЯНИЕ	175
<i>П. А. Кротов</i>	
Феномен российского флота на Балтике при Петре Великом	176
<i>Ю. М. Попов</i>	
О пребывании в 1757 г. эскадры адмирала З. Д. Мишукова в Швеции	186
<i>В. Н. Образцов</i>	
Поход русского флота по морям Северной Европы в 1769 г.	189
ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ, ВЗГЛЯДЫ И ОЦЕНКИ	195
<i>О. А. Кривдина</i>	
Сюжет «Полтавская баталия» в русском искусстве первой половины XVIII в.	196
<i>В. Е. Возгрин</i>	
Морские Журналы Н. А. Сенявина и Ф. М. Апраксина как источник по истории Северной войны	206
<i>С. Е. Ивлева</i>	
Прибалтика и Финляндия в журнале «Иллюстрация» в 1847—1848 годах	215
<i>Д. А. Бажанов</i>	
Жизнь в столице Великого княжества Финляндского (по материалам «Финляндской газеты» 1914—1916 гг.)	222
<i>И. Н. Новикова</i>	
Торгово-промышленная газета «Скандинавский листок» как источник для изучения российско-шведских экономических отношений периода Первой мировой войны	235
<i>Е. Ю. Дубровская</i>	
Гражданская война и иностранная интервенция на Русском Севере в памяти населения Карелии (1920—1930-е гг.)	250

<i>В. Н. Барышников</i>	
Секретная переписка Министерства иностранных дел Финляндии с дипломатическим представительством в Москве (октябрь—ноябрь 1939 г.) как источник по изучению кануна «зимней войны»	263
НАУКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ	275
<i>В. Г. Бурков</i>	
К истории государственных символов Швеции	276
<i>С. Г. Халипов, В. В. Цоффка</i>	
О гидронимах Костромского края	283
<i>Н. Б. Рязанцева, В. И. Фокин</i>	
Участие скандинавских стран в международном гуманитарном сотрудничестве в период между двумя мировыми войнами	288
<i>Л. И. Вавулинская</i>	
Контакты Петрозаводска и Варкауса в рамках международного движения городов-побратимов. 1960—1990-е гг.	298
Краткие сведения об авторах	309

CONTENTS

Preface	7
PEOPLE AND EVENTS THROUGH THE PRISM OF HISTORY	9
<i>K. S. Popova</i>	
“Thirteen days or Finland”: Russian aristocrat P. G. Gagarin about Finland (1809)	10
<i>N. Kent</i>	
Karl Luydvig Engel and the architecture of imperial Helsinki ...	16
<i>D. A. Mityurin</i>	
James Keit as a Governor General of Finland	22
<i>I. E. Voevodskiy, Yu. P. Lukosiayk, T. P. Masur, N. A. Silatieva, T. A. Shrader</i>	
Norwegians in Saint-Petersburg (XVIII — beginning of XIX centuries)	28
<i>M. D. Korableva</i>	
Grig and Tchaikovsky as mouthpiece expressing “folk spirit” in music	42
<i>L. V. Suworova</i>	
Finnish artist Yuho Rissanen in Petersburg	51
<i>M. N. Vasilieva</i>	
Creative work of ceramics artist M. N. Shilkin in Finland	58
<i>V. A. Kutuzov, V. I. Demidov</i>	
The Chairman of Union Control Committee A. A. Zhdanov in Finland in memories of its staff	63

ECONOMICS, WAR AND POLITICS	67
<i>A. A. Selin</i>	
On the idea of building the town in Neva mouth in the beginning of XVII century	68
<i>A. Yu. Zhukov</i>	
Petrozavodsk pre-history: unique peculiarities of the area. XII—XVII c.	72
<i>T. A. Bazarova</i>	
Novgorod peasants at the town construction in Ingermanland in 1702—1703	85
<i>V. I. Fokin</i>	
Reflection of events of Northern war in social mind of Scandinavian countries in 20—30 in XX century	96
<i>N. A. Korablev</i>	
Business activities of natives from Finland in Olonez Karelia (second half of XIX — beginning of XX centuries)	107
<i>Yu. Kotakallio</i>	
Cooperation of Finnish and English secret services in 1918—1920	115
<i>D. A. Zhuravlev</i>	
Morale of the troops and civil population in Soviet-Finnish war period 1939—1940 based on materials of Political Administration of KBN (Krasnoznamenniy Baltic Navy)	125
<i>C.-F. Geust</i>	
Raids of Soviet long-range aviation on Helsinki from February 1944	140
<i>V. G. Makurov</i>	
Reorganisation of Karelian life to military style	150
<i>E. Tammy</i>	
The reason of why Vyborg was not hold in 1944	159
<i>N. I. Baryshnikov</i>	
Historical importance of transition of Finland from first to second republic	171

THE BALTIC SEA: COOPERATION AND CONFRONTATION	175
<i>P. A. Krotov</i>	
Russian navy phenomenon at Baltic in Peter-the-Great times ...	176
<i>Y. M. Popov</i>	
Admiral Z. D. Mishukov Squadron position in Sweden in 1757 .	186
<i>V. N. Obraszov</i>	
Russian navy campaign in seas of Northern Europe in 1769	189
HISTORICAL SOURCES, OPINIONS AND ESTIMATIONS	195
<i>O. A. Krivdina</i>	
The plot of “Poltavskaya battle” in Russian art of the first half of XVIII century	196
<i>V. E. Vozgrin</i>	
Marine journals by N. A. Senyavin and F. M. Apraksin as the source on Northern war history	206
<i>S. E. Ivleva</i>	
Baltic countries and Finland in journal “Illustration” in 1847—1848	215
<i>D. A. Bazhanov</i>	
Life in the capital of Great Finnish principality (based on materials of “Finnish Newspaper” 1914—1916)	222
<i>I. N. Novikova</i>	
The trade-industrial paper “Scandinavian sheet” as the source for studying Russian-Swedish economic relations in period of the First World War	235
<i>E. Yu. Dubrovskaya</i>	
The Civil war and foreign intervention to Russian North in memories of Karelian population (1920—1930 th)	250

<i>V. N. Baryshnikov</i>	
Secret correspondence of Ministry for Foreign Affairs and diplomat representatives in Moscow (October-November 1939) as the source for studying the “winter war” eve	263
SCIENCE, CULTURE AND RELIGION	275
<i>V. G. Burkov</i>	
To the history of Sweden state symbols	276
<i>S. G. Halipov, V. V. Zoffka</i>	
About hydronyms of Kostromsoiy region	283
<i>N. B. Rysanzeva, V. I. Fokin</i>	
Participation of Scandinavian countries in international humanitarian cooperation between two world wars	288
<i>L. I. Vavulinskaya</i>	
Contacts between Petrozavodsk and Varkaus in frames of international movement of sworn brothers cities. 1960 th —1990 th	298
Information about authors	309

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
И
СТРАНЫ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ
Материалы Девятой ежегодной
международной научной конференции

Редактор *В. Н. Подгорбунских*
Художник *Е. С. Иванова*
Верстка *С. В. Степанова*

Подписано в печать с готового оригинал-макета 14.03.08.
Формат 60 × 84 ¹/₁₆. Бум. офсетная. Гарнитура Остava.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 19,00. Тираж 500 экз.
Заказ №

191023, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, 15,
Издательство Русской христианской гуманитарной академии.
Факс: (812) 311–30–75; тел.: (812) 310–97–91
e-mail: editor@rchgi.spb.ru. URL: <http://www.rhga.ru>

Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии Издательства СПбГУ.
199061, Санкт-Петербург, Средний пр., 41